В. П. Агафонов

НЕМАН! НЕМАН! Я — ДУНАЙ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В великой победе, которую одержала над врагом Советская Армия, не последнюю роль сыграли воины-связисты. Воспоминания В. П. Агафонова — первая книга о связистах в серии «Военные мемуары». В дни Великой Отечественной войны автор являлся начальником связи 11-й, а затем 27-й армий, с которыми прошел боевой путь от Немана до Дуная. Тепло и взволнованно рассказывает В. П. Агафонов о своих товарищах, с которыми форсировал Днепр, участвовал в Корсунь-Шевченковской и Ясско-Кишиневской операциях, сражался за Балатон. Словно живые, встают на страницах книги рядовые связисты и офицеры — люди, беззаветно преданные воинскому долгу, люди, чье мастерство мужало в боях.

Эта книга с сайта «Военная литература», также известного как Милитера. militera.lib.ru

- Василий Прохорович Агафонов
- Школа жизни
- От Немана до Прута
- На чужой земле
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Василий Прохорович Агафонов
Неман! Неман! Я — Дунай!
/Литературная запись *А. П. Ланщикова*/

Василий Прохорович Агафонов

Школа жизни

1

Был на исходе 1935 год. В нашем батальоне готовились к встрече Нового года, но меня занимало другое. В кармане уже лежал железнодорожный билет до Новоград-Волынского. А в предписании значилось: «Капитан Агафонов Василий Прохорович направляется в 14-ю кавалерийскую дивизию на должность начальника связи…»

Меня не столько обрадовало повышение в должности, сколько перевод в кавалерию. Конница! Кажется, мои детские мечты начинали сбываться! Перед глазами невольно встали картины далекого детства…

Долгий зимний вечер. За окнами, залепленными мохнатым инеем, протяжно воет сиплый ветер. А в доме тепло. Потрескивают дрова в печи. В горнице за столом сидит отец, он деловито водит пальцем по книжным строкам, мягко шевелит губами — читает.

Гулко хлопает дверь. На пороге вырастает заснеженная громада. Это дед Самсон, деревенский сторож. Он в длинном тулупе, здоровенных валенках и с колотушкой в руке. Под удары этой колотушки засыпает наша деревня Якунино, затерявшаяся в снегах Ярославской губернии.

Нас, детей, рано отправляют спать. Тепло на печи, сладко пахнет овчиной и сушеным льняным семенем… А отец подолгу сидит с дедом Самсоном. Они вспоминают о былом, главным образом службу в армии.

Видимо, под впечатлением этих разговоров у меня и зародилась мечта стать военным, и непременно кавалеристом. Зажмурив глаза, я пытался представить отчаянную рубку с неприятелем и, конечно, выходил победителем из всех битв.

Теперь я понимаю, что так влекло меня в конницу. Прежде всего скорость. Молодость всегда дружит со скоростью. А еще — естественная для крестьянина любовь к лошади — главному помощнику во всех деревенских работах.

И вот много лет спустя осуществлялась мечта моего детства…

Со смешанным чувством покидал я свой отдельный батальон связи 82-й стрелковой дивизии. Радость сменялась тревогой. Как примут меня, пехотинца? Как относятся кавалеристы к технической связи? Что, наконец, вообще ожидает меня на новом

месте?

До вокзала добирался трамваем. Два красных вагончика, раскачиваясь из стороны в сторону, неслись среди высоких сугробов, оглашая вечернюю тишину своим частым звоном. На окраине дома были занесены чуть ли не под самые крыши, и казалось, что бледный белесый свет, пробивавшийся сквозь обросшие инеем окна, подсвечивает откуда-то снизу, из-под сугробов.

Только вокзал щедро разбрасывает свет во все стороны. Густое белое облако застряло в его двери, и туда непрестанно ныряют людские фигуры. А высоко в черном небе застыли клубы крутого пара. Сквозь тяжелое шипение пронзительно всхлипывают паровозы.

На перроне нелюдно: провожающие, не дожидаясь сигнала отправления, спешат вернуться домой. Холодно. Да и час поздний. В вагоне тепло, пассажиры уже освободились от тулупов, поддевок, платков и напоминают людей, только что вернувшихся из бани. Сидят распаренные.

За окном вздрагивает колокол, и наш состав медленно набирает скорость. Впереди — сотни верст пути, а в конце его — незнакомый Новоград-Волынский.

Переезды не были для нас редкостью: переводили из одной части в другую, иногда даже из одного рода войск в другой, так что мы в конце концов привыкли к кочевому образу жизни.

* * *

Задержавшись в Москве на два дня, я прибыл к месту назначения под самый Новый год. День облачный, серый. Низкие рваные облака кружат по горизонту. Пронесется по улицам ветер — и сразу запахнет мокрыми заборами и прелой сырой листвой. Дорога уныло чавкает черной грязью. Кое-где по канавам да в плотных зарослях жухлой травы сохранились клочки непрочного снега.

Добравшись до штаба дивизии, я представился начальнику штаба полковнику Козачку. Сергей Борисович Козачек как-то сразу располагал к себе. Во время разговора он часто улыбался, охотно отвечал на вопросы, поинтересовался моим семейным положением.

С. Б. Козачек (фото 1966 г.)

— Как только примете дела и немного обвыкнете, дадим отпуск, съездите за семьей, — пообещал начальник штаба. — Без семьи трудно спокойно работать… А впрочем, скажу по секрету, но только, пожалуйста, не пугайтесь: работать спокойно у нас вообще трудно — кавалерия!

По всему было видно — Сергей Борисович очень любил конницу и гордился своей принадлежностью к ней. Небольшого роста, плотный, он расхаживал по комнате, позвякивал шпорами и дружески внушал мне:

— Кавалерия, товарищ Агафонов, самый маневренный род войск. Запомните, она может вести бой и в пешем строю. В этом случае главной становится проводная связь. Но как только оборона противника будет прорвана и последует команда: «Коноводы, лошадей!» — бросайте свою проволоку и переходите на радио.

— Все понятно, товарищ полковник, постараюсь быстрей войти в курс дела.

— А насчет своего «пехотного происхождения» не волнуйтесь, мы вам поможем. В седле сидите крепко? — поинтересовался Сергей Борисович.

В седле я сидел крепко, но для кавалериста этого мало. Два-три раза в неделю по утрам проводилась конная подготовка с командным составом штаба дивизии — манежная езда, преодоление препятствий, изредка рубка лозы и полевая езда. Теперь на этих занятиях полковник Козачек особое внимание уделял мне. И уже через месяц-полтора он то и дело подавал команду: «Агафонов! Бросить стремя, руки в стороны, галопом на препятствия!»

Однажды я хотя и лихо прошел препятствия, но клюнул носом в гриву коня. Заметив это, начальник штаба потребовал повторить упражнение. На этот раз я не получил замечаний. Во время занятий полковник Козачек обычно находился в центре манежа и оттуда зычно подавал команды. Тут он покинул свое место и подошел ко мне:

— Да вы, Агафонов, стали настоящим кавалеристом. Поздравляю!

В кавалерийских частях никакие деловые, боевые и все иные качества не могут заменить умения ездить верхом. Авторитет любого командира начинается с конной подготовки. Я это понимал, понимал это и Сергей Борисович, а потому столь велико у меня было желание овладеть всеми сложностями верховой езды, а у него — сделать из меня настоящего конника.

Так был сдан первый экзамен. Но он оказался не самым трудным. Предстояли зимние двусторонние учения с войсками, и я целые дни проводил в эскадроне связи дивизии или в подразделениях связи полков.

* * *

Учения планировались на тему «Марш кавалерийской дивизии в предвидении встречного боя», и начались они в конце февраля. Как назло, накануне подошла моя очередь заступать оперативным дежурным по штабу дивизии, так что в первый день я не мог быть непосредственно в подразделениях. Правда, для связи с разъездами были развернуты две радиостанции. Казалось, особых осложнений в нашей работе быть не должно. Но так только казалось. Прошел час, другой, третий… От разъездов — ни одного донесения. Начал волноваться, а тут еще вошел сам командир дивизии, комбриг Георгий Иванович Кокорев, и прямо с порога:

— Как связь с разъездами, капитан?

— Пока донесений нет, товарищ комбриг…

Кокорев нервно кусает нижнюю губу, его черные усы зловеще двигаются. А уж если у Кокорева двигаются усы, хорошего не жди.

— Пока?! — взрывается комбриг. — Да их и ждать нечего, ваших донесений! Радисты спят на дежурстве!

— Этого не может быть, товарищ комбриг, — с отчаянием говорю я.

— Не морочьте мне голову! Только сейчас там был комендант и видел, что радист спит. Идемте! — приказывает комбриг и четко, будто исполняя команду, поворачивается кругом и

направляется к двери.

Подходим к радиостанции. Как только открыли дверь, радист вскочил и доложил, что до сих пор не связался ни с одним разъездом.

— Сам черт не разберет, кто из вас прав, — проворчал комбриг и, отругав для верности и меня и коменданта, ушел.

Думаю, радист не заметил коменданта по «принципиальным» соображениям: видимо, тот назвал его связистом, а радисты этого не любили. Так оно было или иначе — точно сказать не могу. Однако нас с командиром дивизии радист заметил немедленно, до того, как мы к нему обратились. Но признаюсь, в то время меня мало волновали эти психологические тонкости.

В шесть часов утра появился полковник Козачек. Я доложил, что радиосвязи с разъездами нет. Освободив меня от дежурства, начальник штаба спокойно сказал:

— Езжайте-ка, капитан, в передовой отряд. Разберитесь, в чем там дело.

Пока я сдавал дежурство, неугомонный Козачек носился по штабу; с его появлением все пришло в движение.

Заметив, что я взялся за ручку двери, Сергей Борисович дал мне последнее напутствие:

— Скорее налаживайте связь, а то не сносить вам головы! — И почему-то улыбнулся.

Я тогда не мог разделить веселого настроения полковника Козачка, и все же его дружелюбный тон подействовал успокаивающе. Вообще с ним было легко и приятно работать: полковник относился к людям, которые не только не пасуют перед трудностями, но словно радуются им.

* * *

Зима тридцать шестого года на Украине выдалась нехолодная — легкие морозцы, а в феврале зачастую и оттепели. К началу учений дороги окончательно раскисли и превратились в холодное месиво из снега, воды и вязкой грязи. А лошади топчут и перетаптывают эту черную жвачку. Все скрипит, цокает, грохочет, сливаясь в единый бурлящий шум, что катится по руслу живого потока, рассекаемого сухими короткими командами.

Я даю шпоры своему коню и начинаю обгонять колонны. Мне не видны лица людей — только спины, перетянутые ремнями, будто для крепости, и влитые в них конические буденовки да упругие крупы лошадей. Спины, конусы голов, крупы. Спины, конусы голов, крупы. Один ряд, другой, десятый, сотый…

С трудом обогнав главные силы дивизии, вырвался на еще не разбитую дорогу и пустил коня в галоп. Проскочив скрипучий мосток, вылетел на небольшой холм. Дальше крутой спуск. Я оглянулся. Густой черный поток скрывался далеко на западе, а фигуры передних всадников были видны отчетливо — они медленно приближались ко мне. Над их головами низко висело тяжелое небо, и казалось — всадники вот-вот проткнут его своими шлемами.

Я скатился вниз и вскоре настиг передовой отряд. Подошел к первой попавшейся радиостанции, взял наушники — в эфире жуткий хаос. Рации кавалерийских, механизированного и артиллерийского полков работают на одной волне: все позывные перепутаны. Радисты кричат, ругаются, и никто не может разобраться, с кем говорит. Одним словом, полнейшая неразбериха.

А причиной тому была мелочь. Накануне учений я разработал схему радиосвязи и отдал одному из командиров взводов, поручив размножить ее и переслать в полки. Этот командир в свою очередь перепоручил размножение схемы радисту, а тот все перепутал. Командир же не сличил копии с оригиналом.

Все мои попытки установить радиосвязь во время марша успеха не имели, и я решил оставить это дело до ночи: части разместятся в населенных пунктах на большой привал, и я сумею навести порядок, к тому же будет подана проводная связь.

На ночь штаб дивизии расквартировался в одном из населенных пунктов, тут же находились штабы и подразделения еще двух полков. Остальные части располагались всего в нескольких километрах. Это облегчало работу телефонных подразделений.

Вызываю к себе командира эскадрона связи старшего лейтенанта А. А. Крутоуса и ставлю задачу установить проводную связь в течение двух часов.

— Товарищ капитан, как прикажете наводить кабельные линии — в пешем или конном строю?

— В каком угодно, товарищ старший лейтенант. Решайте сами. А лучше всего, пусть решают начальники направлений. Им на месте виднее.

Анатолия Алексеевича Крутоуса я уже знал довольно хорошо. Это был исполнительный, требовательный и очень энергичный человек. Я никогда не видел его уставшим, хотя многие месяцы он от подъема до отбоя пропадал в подразделениях. Я знал, что Крутоус с охотой берется за любое дело и всегда доводит начатое до конца.

Но тут прошел час, другой, а связь установили только с артиллерийским полком. От одной мысли, что случись это не на учениях, а на войне, меня бросило в жар. Решил тут же поехать в подразделения.

* * *

В ночь ударил небольшой морозец. Под ногами ломко хрустела тонкая корка льда, а дальше сапоги вязли в упругой грязи. Тревожно шумели высокие тополя. Между осевшими рыхлыми сугробами угадывалась дорога к коновязи, слышалось приглушенное ржание лошадей… И вдруг за спиной чьи-то тяжелые быстрые шаги.

— Товарищ капитан! Вас вызывает командир дивизии, — говорит запыхавшийся посыльный. — Хорошо, я видел, как вы пошли к коновязи…

Пришлось возвращаться в штаб, хотя предпочел бы всю ночь мотаться в седле.

В комнате командира дивизии натоплено — ударило теплом, как только я открыл дверь. Мягкий зеленый свет разливается из-под абажура настольной лампы, деля комнату на два яруса. Нижний освещен — я вижу по-кавалерийски крепкие ноги комбрига Кокорева, сапоги его очищены от грязи, надраены ваксой, но не блестят — сырые; в верхнем ярусе почти темно, и только выделяется бледным пятном лицо, перечеркнутое черной полоской кокоревских усов. Оттуда, из темноты, летят грозные слова комбрига:

— Вот что, товарищ капитан, если к двадцати трем часам связи не будет, я вас сниму с должности. Можете идти. — Он стучит ногтем по стеклу своих часов и повторяет: — Не теряйте времени. Идите.

В коридоре сталкиваюсь с Крутоусом:

— В чем дело? Почему до сих пор нет телефонной связи? В эскадроне, кажется, есть и опытные связисты, и опытные командиры… Неужели ночь для нас — непреодолимое препятствие?

— С кабелем неполадки…, — мнется Крутоус. — Много внутренних порывов…

— Ровно в двадцать три часа я буду докладывать командиру дивизии. Связь со всеми полками к этому времени должна быть!

Через минуту я увидел Крутоуса в седле. Но уже не очень верил в его энергию и в успех дела.

* * *

В 23.00 снова иду к командиру дивизии. В комнате теперь включен верхний свет. Я хорошо вижу Кокорева и его начальника штаба.

Комбриг встает из-за стола, выходит на середину комнаты, рука его лежит на эфесе шашки. Он невысок, строен и крепок, хотя ему давно за сорок. На груди будто влит орден Красной Звезды. Внешне Кокорев кажется спокойным, но черточка его усов начинает ломаться.

— Почему?! Почему, я вас спрашиваю, до сих пор нет связи? — сдерживая гнев, обращается он ко мне.

— За такой короткий срок, товарищ комбриг, я не мог всесторонне изучить людей и лично проверить всю технику…

— Скажите пожалуйста! За полтора месяца не изучил личный состав! А как же командующий армией, приняв войска, через неделю ведет их в бой?

— Нельзя винить только начальника связи, — приходит мне на выручку полковник Козачек. — Конечно, за это время можно было проверить выучку личного состава, но переучить людей так скоро немыслимо.

— А представляете, капитан, что бы сейчас с вами было, действуй мы в боевой обстановке? — спрашивает Кокорев, и усы его застывают черной линией.

— Думал об этом, товарищ комбриг.

— И думайте почаще, — уже почти спокойно говорит командир дивизии. Знаю, вы стали неплохим кавалеристом. Теперь должны стать хорошим начальником связи. Завтра будет разбор учений, тогда подробнее поговорим о недостатках. А теперь можете идти.

* * *

Второй час моросит мелкий холодный дождь, по-осеннему тянет за душу сиплый ветер, прижатый к земле тяжело набухшим небом. В клубе по случаю непогоды рано зажгли свет, щедро протопили печи — предстоит разбор учений. Командиры стоят или ходят небольшими группами, тихо переговариваются. Под ногами сухо потрескивают половицы.

После двух дней тяжелых и напряженных учений клуб, куда мы теперь собрались, кажется заповедной обителью. Но вот по коридору прошелестела команда «По местам» — и всех вмиг сдуло в зал.

Разбор учений проводил сам командир корпуса, герой гражданской войны комкор Николай Николаевич Криворучко. О нем даже не скажешь — крепко сколочен. Таких не сколачивают, таких вытесывают из монолита. В дивизиях его уважали и побаивались. Все знали — Криворучко не терпел двух вещей: физической слабости и равнодушия к лошадям. Побаивались его за беспощадность, а уважали за то, что в первую очередь он был беспощаден к самому себе.

Когда проходили корпусные сборы командиров, комкор сам проводил физзарядку, причем и зимой и летом раздетый по пояс. В любую погоду, днем и ночью он мог появиться в полку и, не дожидаясь рапортов и докладов, шел на конюшни. Горе тому, у кого командир корпуса обнаруживал непорядки.

Сейчас Криворучко проводит разбор учений. Неторопливо прохаживаясь у доски, он чертит мелком схемы, объясняет ошибки, указывает возможные варианты действий. Мы слушаем около трех часов, но ни в осанке, ни в голосе комкора — ни малейших признаков усталости. Поистине железный человек!

К моей великой радости, Криворучко не стал разносить связистов, хотя и указал на недостатки в нашей работе. Выручило нас, видимо, то, что у «противника» связь работала не лучше.

* * *

Провал связистов на зимних учениях задел людей за живое. Стараясь наверстать упущенное, мои подчиненные, признаюсь, иногда хватали даже через край. Вспоминается такой случай.

Как-то, уже весной, направлялся я вечером в штаб. Настроение чудесное. Дела идут хорошо. А тут еще весна — украинская весна! Все кругом будто заволокло молочным туманом. Густой душистый воздух дурманит голову. Почти физически ощущаешь пробуждение жизни в природе, а в себе избыток сил. Все благополучно и в семье. Старшая дочь, Рита, заканчивает второй класс, маленькая, Галка, вот-вот начнет ходить.

Мои радужные мысли прервал четкий цокот копыт. Вскоре появилась темная фигура всадника. По осанке и манере держаться в седле я узнал командира дивизии. Поравнявшись, он резко остановил своего гнедого и, чуть свесившись, спросил:

— Ну как, капитан, дела у связистов?

Строгое обычно лицо Кокорева кажется приветливым, его плечи и фуражка, словно праздничным конфетти, обсыпаны мелкими белыми лепестками. Гнедой конь храпит зверем и с

упреком косит на меня большим лиловым глазом.

— Учебный план, товарищ комбриг, выполняем, у радистов есть кое-какие успехи. Надеюсь, к летним учениям будем полностью подготовлены.

— Да уж вижу, стараетесь. Пожалуй, даже перестарались… Стой! Стой, шельмец! — ласково сдерживает он коня. — Смотрите, капитан, а то уже чуть ли не с заграницей наладили связь. Пограничники задержали двух наших бойцов с радиостанциями. Выясните, как они туда попали.

Кокорев дал шпоры коню. Через минуту конь и всадник растворились в теплом вечернем сумраке. В штабе я узнал, что наши бойцы, задержанные погранзаставой, заблудились во время тренировок радиовзвода в поле. Недоразумение было быстро улажено.

* * *

На первом же летнем учении связисты показали неплохую выучку. Во время марша полковник Козачек приказал мне уточнить местонахождение передового отряда и кавалерийских полков главных сил. В течение нескольких минут радисты получили необходимые данные. При этом вся работа велась только радиосигналами.

На этом же учении удалось обеспечить связь с кавалерийскими разъездами, которые были значительно удалены от штаба.

А потом дивизию проверял помощник инспектора кавалерии Киевского военного округа полковник В. А. Борисевич. Он высоко оценил действия связистов.

— Ну что ж, Василий Прохорович, вот и выдержан второй, и главный, экзамен, — улыбаясь сказал мне после разбора очередных учений полковник Козачек.

Неспроста, оказывается, улыбался наш начальник штаба. Вскоре я получил повышение — меня назначили начальником связи 7-го кавалерийского корпуса.

…Сергей Борисович Козачек энергично вышагивает по кабинету.

— Вот ведь дела, Василий Прохорович, — говорит он, остановившись возле окна, — кажется, совсем недавно и в этом же кабинете вы мне представлялись, а я рассказывал вам, что такое кавалерия… Тоже вроде осень была… Неужели минуло два года?

— Почти, товарищ полковник. Я к вам прибыл под Новый

год…

— Эх, дорогой мой, — срывается с места Козачек, — тут не поймешь, когда зима, когда осень… Да суть не в том. Грустно мне всегда расставаться с людьми. А за вас я рад, и, как говорится, ни пуха ни пера на новом месте. Может, когда и вспомните добрым словом…

— Мы же, товарищ полковник, почти соседи. Наверняка скоро встретимся. Я всегда буду этому рад.

Но встретиться нам довелось ох как нескоро! Только в конце Великой Отечественной войны я услыхал, что генерал-лейтенант С. Б. Козачек командует корпусом. Но наши военные дороги так и не пересеклись в ту пору. Лишь спустя еще десять лет мы с Сергеем Борисовичем разыскали друг друга уже в Москве.

В 1947 году в Германии встретил я и своего сослуживца А. А. Крутоуса. Был он уже полковником и командовал частью связи. К моему удивлению, Анатолий Алексеевич заметно располнел, хотя по-прежнему оставался энергичным и очень подвижным.

* * *

Я уже говорил, что нам часто приходилось переезжать. Вот и теперь — не успел постигнуть толком все тонкости новой должности, как в конце января 1938 года меня направили на годичные академические курсы технического усовершенствования, или, как их тогда называли, АКТУС.

Взял билет на Ленинград.

Ленинград я люблю особой любовью. С этим городом у меня связаны лучшие годы жизни — годы учебы. И вот опять хожу по Невскому, потом сворачиваю на Дворцовую площадь — она торжественно пустынна. Александрийский столп уперся в низкое мохнатое небо, густыми хлопьями валит снег. Я пересекаю площадь и выхожу к Неве. Ее гранит оброс седым колючим инеем, воды, скованные морозом, до поры приостановили свой бег, готовясь к весеннему бунту. Спит Зимний. Где-то вдали сквозь белую мглу по слабому пунктиру фонарей угадывается Кировский мост. Тихо. Знакомым звоном рассыпались куранты Петропавловки… И снова тихо. Завтра начинаются занятия на курсах, а впереди целый год учебы — еще один год жизни в Ленинграде…

Особенно ценными оказались для нас лекции комбрига Николая Александровича Борзова. Мы располагали достаточным опытом организации связи в частях и соединениях, а вот опыта работы в оперативных объединениях никто из нас не имел. В то

время таким опытом обладали единицы. Николай Александрович прочитал нам лекции об армейских частях связи и их организации. Но этот небольшой лекционный курс не мог, конечно, заменить систематической и всесторонней подготовки в оперативном масштабе.

Душой коллектива с первых дней был старшина курсов полковник Алексей Илларионович Соколов. В прошлом рабочий, участник первой мировой PI гражданской войн, он был старше нас и по возрасту. С удивительным чувством такта умел он прийти товарищу на выручку, дать дельный совет, развеселить и ободрить любого. Правда, поначалу Соколов показался мне другим. И не последнюю роль в этом сыграло чисто внешнее впечатление. Меня насторожили строгий взгляд из-под насупленных бровей и маленькие черные усики, словно сжимавшие рот. «От этого человека лишнего слова не услышишь», — решил я. Но первое впечатление оказалось глубоко ошибочным.

А. И. Соколов (фото 1947 г.)

Окончив курсы, я остался за штатом: весной 1939 года 7-й кавалерийский корпус был переформирован в механизированный. Приехавший из Москвы полковник И. Т. Пересыпкин вызвал меня на беседу, но назначения я не получил. А товарищи по учебе уже разъезжались по стране. Уезжал и полковник Соколов. Я поделился своими невеселыми думами. Он на прощание крепко пожал мне руку и почти приказал — не вешать носа.

Целый месяц еще прожил я в Ленинграде, пока в конце февраля пришел приказ о моем назначении на должность помощника начальника связи армейской группы. Итак, прощай, конница! Теперь уж навсегда.

В начале марта приехал в Минск. Здесь меня ждала приятная неожиданность: моим начальником оказался полковник А. И. Соколов.

2

Подошло лето — самый насыщенный учениями период в жизни армии. Я теперь отвечал только за организацию проводной связи, правда, уже в масштабе армейской группы. А время наступало тревожное: фашизм становился все наглее.

Гитлер явно готовил новую войну, а мы готовились к отпору. Учение следовало за учением.

В нашем обиходе все чаще вместо условного «противник» проскальзывало «немцы».

В августе замелькало в газетах слово «Данциг». Тогда оно было не просто географическим понятием, оно стало символом откровенно раздуваемых германо-польских противоречий.

1 сентября газеты сообщили о работе Внеочередной Четвертой сессии Верховного Совета СССР. Предпоследняя страница, как обычно, пестрела сообщениями из-за рубежа.

Варшава, 31 августа, (ТАСС). В ночь на 30 августа данцигская полиция приступила к выселению поляков из квартир на территории Данцига.

Варшава, 31 августа, (ТАСС). Всеобщей мобилизации в Польше подлежат все офицеры, унтер-офицеры и рядовые запаса в возрасте до 40 лет. Все временные отпуска офицерам, унтер-офицерам и рядовым отменяются.

И тут же несколько строк о заседании германского рейхстага. Выступление Гитлера, возвестившее миру о начале новой войны в Европе: «С 5 часов 45 минут сегодня утром мы начали отвечать. Отныне на бомбы будет отвечено бомбами».

Война!

«Всеобщая мобилизация в Англии».

«Всеобщая мобилизация в Бельгии и Швейцарии».

«Во Франции объявлены всеобщая мобилизация и осадное положение».

Пожар мировой войны разгорался с каждым днем.

Лондон, 3 сентября, (ТАСС). Как сообщает Агентство Рейтер, по радио Чемберлен сегодня заявил, что Великобритания находится в состоянии войны с Германией.

«В Париже и Берлине послы затребовали свои паспорта.»

«Всеобщая мобилизация в Египте…»

«Дополнительный призыв в Югославскую армию…»

«Мобилизация в Канаде…»

Париж, 4 сентября, (ТАСС). Агентство Гавас в 14 часов 15 минут сообщило по радио: «Париж. Коммюнике № 1. Утро 4 сентября. Начались операции всех наземных, морских и воздушных сил».

Берлин, 4 сентября, (ТАСС). Вчера вечером Гитлер выехал на восточный фронт.

«Эйре сохраняет нейтралитет…»

«Нейтралитет Испании, Португалии и Ирана…»

«Нейтралитет Бельгии и Голландии…»

«Нейтралитет Дании…»

«США провозгласили нейтралитет…»

Поздно! Война уже полыхала, и от нее нельзя было отгородиться объявлением нейтралитета.

Берлин, 12 сентября, (ТАСС). Вчера Гитлер на самолете прибыл в район военных действий между Львовом и Варшавой.

События в Польше развивались с головокружительной быстротой. 1 сентября в 5 часов 15 минут начались военные действия. 2 сентября гитлеровские полчища, действовавшие навстречу друг другу из Померании и Восточной Пруссии, соединились в районе Грауденца. Пал Данциг. Польский коридор перестал существовать. Развивали свое наступление и войска, вторгшиеся из Силезии. 6 сентября гитлеровцы ворвались в Краков. Отчаянное сопротивление польской армии не могло остановить этого нашествия. Немецкие дивизии оказались в пятидесяти километрах от Варшавы. 8 сентября передовые моторизованные части немцев достигли предместий польской столицы. Судьба ее была решена.

16 сентября газеты опубликовали сообщение ТАСС о нарушении советской границы германским самолетом.

Эта новость вызвала у нас горячие, но недолгие споры: в тот же день открыто по Бодо был принят приказ войскам Западного фронта перейти границу и взять под свою защиту трудящихся Западной Белоруссии. Войска нашей, тогда уже 11-й, армии пересекли границу и, почти не встречая сопротивления, начали быстро продвигаться на запад.

К концу сентября военные действия в Польше закончились. Штаб 11-й армии разместился в Гродно.

3

С тревогой следили мы за событиями на Западе. Сапоги гитлеровских солдат топтали Европу. Фашизм огнем и кровью

насаждал в захваченных странах пресловутый «новый порядок». Население превращалось в бесправных и бессловесных рабов. Фашистский рейх захватывал экономику порабощенных стран, используя ее для единственной цели — усиления своей и без того гигантской военной машины.

И хотя немецкие дипломаты не уставали твердить о нерушимости договора, о миролюбии к Советскому Союзу, мы, военные люди, все более начинали понимать, что войны с гитлеровцами не избежать.

Помню, с командирами штаба армии проводились очередные занятия, которыми руководил сам командарм Н. В. Медведев. Один из командиров начал докладывать обстановку. Забывшись, он сказал, водя указкой по карте:

— Немцы, сосредоточив в районе…

— Подождите, — улыбнулся командарм, — рано еще так называть противника…

В этот момент в зал вбежал старший лейтенант из штаба.

— Товарищ командующий! Немецкие самолеты перелетели нашу границу, пограничники ведут по ним огонь!

Занятия пришлось прервать и объявить боевую тревогу. Тогда это был очередной пограничный инцидент, за который немцы принесли свои извинения. Но подобные «ошибки» фашистских летчиков подозрительно учащались.

Вот почему каждый из нас, рассуждая на занятиях об условном противнике, все конкретнее представлял себе настоящего. И возрастала уверенность: это будут гитлеровцы.

Вскоре, к моему большому огорчению, полковника Соколова перевели в Приволжский военный округ. Его назначили начальником Сталинградского военного училища связи. Я стал временно исполнять обязанности начальника связи армии.

Предстояли большие летние учения, и мы деятельно готовились к ним, но провести их не удалось. В соответствии с договоренностью между Советским правительством и правительствами Прибалтийских государств советские войска 15–18 июня вступили в Эстонию, Латвию и Литву.

Наша 11-я армия вступила в Литву. Население встретило нас восторженно. Прибалтийские народы жили в постоянной тревоге: Гитлер уже продемонстрировал малым странам свое отношение к договорам и обязательствам.

Штаб армии разместился в Каунасе, а вскоре в Прибалтике установилась Советская власть. К нам прибыли семьи, мы опять зажили мирной жизнью.

Накануне вступления наших войск в Литву на должность начальника связи армии прибыл подполковник Александр

Федорович Медников. Я снова занялся проводной связью.

Сменилось у нас к тому времени и руководство армией. В командование войсками вступил генерал-лейтенант Василий Иванович Морозов — спокойный, выдержанный и очень корректный в обращении с подчиненными человек. Под стать ему был и новый начальник штаба — генерал-майор Иван Тимофеевич Шлемин. С их прибытием резко изменились условия работы в штабе армии. Создалась спокойная деловая обстановка.

В. И. Морозов и И. Т. Шлемин (фото 1942 г.)

Начальником связи Прибалтийского Особого военного округа был в то время полковник Петр Михайлович Курочкин. Предвидя, что в будущей войне управление войсками не может быть обеспечено только с помощью проводных средств, Петр Михайлович добился от командования округа установления «радиодней», когда запрещалось пользоваться телеграфом и телефоном для связи между штабами округа и армией.

П. М. Курочкин (фото 1944 г.)

В последний предвоенный год нам удалось провести достаточно учений, и личный состав подразделений связи был к началу войны подготовлен неплохо. Это зависело от нас. А вот оснащение техническими средствами от нас не зависело. Мы, конечно, добивались, просили, требовали… И, как правило, получали отказ.

Дело в том, что в предвоенные годы многие предприятия, производившие аппаратуру для войск связи, переключились на выпуск другой продукции. Управлению связи с большим трудом удалось добиться увеличения поставки средств связи в армию за счет невоенных наркоматов.

Обстановка на границе становилась все тревожнее. Каждому из кадровых командиров приграничного военного округа становилось ясно, что военного конфликта с Германией не избежать. Пакт о ненападении оставался в силе. Но чтобы заключить его, в свое время потребовалось обоюдное согласие Советского Союза и Германии. Вопрос же о войне решался обычно односторонне, и этой стороной постоянно была Германия.

С наступлением весны увеличилось число перебежчиков. Они рассказывали о большом скоплении артиллерии, танков и пехоты вблизи границы. Называли даже примерные сроки вторжения немцев.

За несколько дней до войны было проведено последнее учение со 128-й стрелковой дивизией в районе Кальварии. После учения подошел я, помню, к начальнику штаба генералу Шлемину и попросил разрешения снять наведенные полевые кабельные линии.

— Ни в коем случае не делайте этого! — категорически приказал начальник штаба, а потом уже более мягко спросил: — Неужели, товарищ Агафонов, вы не понимаете обстановки, не понимаете, для чего это требуется?

— Ясно, товарищ генерал…

— И обеспечьте надежную охрану линий, товарищ Агафонов, — вмешался в разговор стоявший неподалеку член Военного совета бригадный комиссар Иван Васильевич Зуев.

Зуев прибыл к нам в марте сорок первого года и сразу завоевал авторитет работников штаба. Было ему немногим более тридцати, но он уже воевал в Испании, был награжден орденом Красного Знамени и дважды орденом Красной Звезды, являлся депутатом Верховного Совета УССР. Незаурядные способности политработника и богатый боевой опыт сделали Зуева ближайшим помощником командарма Морозова в сложной обстановке последних предвоенных месяцев.

И. В. Зуев (фото 1941 г.)

В тот момент я невольно вспомнил, что из Москвы прибыла специальная комиссия, что Морозова и Зуева обвиняют в преувеличении опасности и создании ненужной напряженности. Зуев как бы прочитал мои мысли и еще раз предупредил:

— Что бы там ни произошло, товарищ Агафонов, а за неприкосновенность рубежей отвечаем мы.

* * *

В воздухе по-настоящему пахло порохом, но верить в возможность войны не хотелось. Может, именно поэтому многие из нас так оптимистично восприняли широко известное заявление ТАСС от 14 июня.

А с границы поступали все более тревожные данные. С той стороны постоянно слышался шум моторов. Наше воздушное пространство чуть ли не ежедневно нарушали самолеты с жирными черными крестами. Иногда они целыми эскадрильями стремительно проносились на малой высоте, но, заметив поднимающиеся советские истребители, делали разворот и удалялись. Видели мы и одиночные самолеты. Эти по-хозяйски висели в воздухе, будто под ними была их собственная территория. Только появление юрких «ишачков» заставляло немецкие самолеты-разведчики набирать высоту и исчезать, чтобы через час-другой снова зависнуть в нашем небе.

В этой тревожной обстановке собрался Военный совет 11-й армии. Командарм Морозов проанализировал данные разведотдела, изложил реальную обстановку и дал оценку условиям, в которых находилась армия.

Было принято решение: 16-му стрелковому корпусу в составе 188, 5 и 33-й стрелковых дивизий, а также 128-й стрелковой дивизии армейского подчинения занять рубеж обороны вдоль границы, в непосредственной близости от нее, оставив от каждой дивизии в лагерях в районе Казлу-Руды лишь по одному полку; штаб армии передислоцировать из Каунаса на командный пункт в форт № 6 (он сохранился еще со времен первой мировой войны и представлял собою бетонированное помещение с надежными перекрытиями), там же развернуть и армейский узел связи; войскам выдать боеприпасы. Покинув лагерь в Казлу-Руде, соединения скрытно заняли оборону вдоль границы с Восточной Пруссией на участке протяженностью около ста километров.

Весь день 19 июня я занимался отправкой имущества и средств связи в форт № 6. Вечером туда же выехали комбат Залман Моисеевич Рошаль и почти все командиры отдела. Домой я вернулся поздно, дети и жена уже спали. Зашел на кухню. Чайник еще горячий, — значит, жена ждала. В передней раздался звонок.

З. М. Рошаль (фото 1960 г.)

Столь поздним гостем оказался начальник разведывательного отдела подполковник Алексей Андреевич Сошальский. Он и прежде бывал у нас, но такой поздний визит насторожил меня.

А. А. Сошальский (фото 1942 г.)

— Проходи на кухню, Алексей Андреевич. Сейчас разбужу Веру. Поужинаем.

— Не надо. Я на минутку. Забрел на огонек…

Мы прошли на кухню. Из чайника уже валил пар, предупредительно погромыхивала крышка.

— Что-нибудь случилось, Алексей Андреевич? Ты чем-то встревожен…

Сошальский, всегда спокойный и даже чуточку самоуверенный, сейчас действительно был не то озадачен, не то растерян.

— Алексей Андреевич, может, чайку?

— Чайку можно, чайку даже обязательно, — скороговоркой отозвался он.

Я налил чай. Сошальский обхватил руками свой стакан, словно желая согреться, и тихо спросил:

— Ты слышал о разведчиках из 23-й дивизии?

Я знал, что артиллеристы-разведчики из 23-й дивизии по заданию штаба армии проводили в районе Кальварии разведку по линии границы. Впотьмах машины проскочили государственную границу и влетели в Сувалки. Немецкие офицеры не стали чинить нашим никаких препятствий, только предложили покинуть Сувалки. Возвращались разведчики уже на рассвете. Вдоль всей дороги виднелись надписи: «Запретная зона!», «Не ходить!», «Стреляю!».

В этой истории меня успокаивало то, что немцы легко отпустили наших разведчиков. Я сказал об этом Сошальскому.

— А меня, Василий Прохорович, это как раз больше всего и беспокоит. Боюсь, остались считанные дни… — Алексей Андреевич не произнес слова «война». В то время мы суеверно его избегали. — Если бы немцы задержали наших, — продолжал Сошальский, — начались бы комиссии, разбирательства… А это, видать, уже не входит в их планы. У них все решено и готово. И последний перебежчик называет точную дату — воскресенье.

— Но, Алексей Андреевич, уже была одна точная дата — 15 июня, — постарался я успокоить Сошальского, а главное, самого себя.

— Была. Но это ни о чем не говорит. Немцы могли узнать, что нам стала известна та дата, и изменили ее. Возможно, этим они пытаются сбить нас с толку. — Сошальский встал, подошел к окну, распахнул его. — Смотри, ночь-то какая темная и короткая. Удобное время начинать… — И без всякого перехода вдруг сообщил: — Сегодня днем контрразведка задержала на хуторе литовскую женщину — стирала флаг. Нет, не советский, конечно. А в районе дислокации 188-й дивизии какой-то священник обрезал кусачками провода местной линии… Да, Василий Прохорович, скажи Рошалю, чтобы организовал охрану линий связи, а то все может полететь к черту…

— А мы уже послали небольшие группы «военпредов» из числа одногодичников на узлы связи в различные пункты.

— Очень своевременно, очень, — опять скороговоркой выпалил Сошальский и неожиданно спросил: — Кстати, что

думаешь делать с семьей?

— Пока не решил. — Этого вопроса я боялся больше всего. Боялся даже задавать его самому себе…

— У тебя двое детей, отправь их в Рыбинск к своим, а там будет видно. В конце концов, сейчас лето, не сидеть же девочкам в городе… — И я вдруг увидел прежнего Сошальского, спокойного и чуточку самоуверенного. Он подошел к столу, залпом выпил остывший чай, быстро надел фуражку, протянул руку и, как мне показалось, вроде бы подмигнул:

— Ну давай лапу, Василий Прохорович… Все будет хорошо. Мы ведь, черт возьми, солдаты. Война — так война. Не нам ее начинать, но и не нам ее бояться!

…«Сошальский приходил предупредить меня о семье, — думал я, когда остался один. — Сам он ничего не боится и готов ко всему. Все мы готовы… И командарм Морозов тоже волнуется — отправил дочь в пионерлагерь почти к самой границе. Неужели забота о семьях — паникерство? Морозов не может забрать свою девочку, он сделает это последним. Завтра же пойду к Зуеву и Рудакову, буду просить, чтобы эвакуировали все семьи… А разве член Военного совета Зуев и начальник политотдела Рудаков не просили в округе разрешения на эвакуацию? Или это тоже паникерство? Заколдованный круг, да и только!»

Встал я очень рано. Дочки еще спали. Я поцеловал их спящих и долго смотрел на каждую, будто готовясь к разлуке.

— Что-нибудь случилось? — тревожно спросила жена.

— Пока ничего… Но если что-нибудь… В общем, если увидишь, что разорвалась бомба или снаряд, сразу бросайтесь в воронку. В одно место два раза не попадает. Это проверено.

* * *

— Не слишком ли вы открыто сосредоточились у границы? — спросил командующий округом Ф. И. Кузнецов. — Как бы на той стороне не пронюхали об этом. Не избежать тогда неприятностей.

— Мы все сделали, чтобы наши перемещения не вызывали подозрений. Просто соединения оставили лагерь в порядке учений, — ответил И. Т. Шлемин.

— Руководство одобрило?

— Есть решение Военного совета армии.

— Мне доложили, что и боеприпасы выданы войскам.

— Выданы.

— Пожалуй, поторопились. Осторожнее с ними. Один случайный выстрел с нашей стороны немцы могут использовать

как повод для любых провокаций.

— Понимаем. Люди строго предупреждены.

Несколько секунд оба стояли молча, уставившись друг на друга. Высокий, статный генерал Кузнецов и маленький, бритоголовый, но покоряющий своим спокойствием генерал Шлемин.

Кузнецов нервно то надевал, то снимал перчатки.

— Запутанная обстановка. Страшно запутанная…

Командующий округом направился к выходу. Был он заметно расстроен, шел углубленный в свои мысли, ничего не замечал. Уже сидя в машине что-то собирался сказать начальнику штаба армии, но промолчал и только махнул рукой:

— Ладно!

Конкретных указаний он не дал. Но мы были довольны уже тем, что боеприпасы остались в войсках.

Через два часа я выехал в форт № 6.

Наступил вечер 21 июня. На узле связи работа не утихала: из дивизий поступали сообщения одно тревожнее другого. Штаб обобщал их и передавал в округ. Оттуда требовали уточнений. Донесения, запросы, распоряжения — связисты еле успевали справляться с этим огромным объемом работы. Ни на одних, даже самых напряженных учениях, так не загружали нас.

* * *

В хлопотах и заботах мы и не заметили, как наступили новые сутки, новый день, который стал переломным в истории. Потом мы уже делили всю нашу жизнь на две части. Вспоминая что-либо, непременно добавляли: «Это было еще до войны…»

Напряжение в штабе стало стихать часам к трем утра. Похоже, зря мы всполошились. На немецкой стороне — тишина. Мои телеграфисты, радисты, телефонисты устало разминают плечи. Наконец-то можно отдохнуть.

Шлемин задумчиво ходит по кабинету.

— Идите, поспите, — говорит он мне.

По дороге в казематы, где разместились теперь работники штаба, встречаю начальника инженерных войск армии полковника С. М. Фирсова. Хмурый, сердитый. Перед выдвижением войск к границе он получил с окружного склада около десяти тысяч мин. С согласия командарма Сергей Михайлович силами своих саперов заминировал танкоопасные направления приграничной полосы. Узнал об этом начальник инженерных войск округа, задал нагоняй: почему без его

разрешения! Фирсов вздыхает, грустно улыбается:

— Да, видно, поторопился я. А теперь впору саперов посылать снова все разминировать.

Уладив все дела на узле связи, я направился к себе в отсек. Не раздеваясь лег. Усталость взяла свое — сразу задремал. Сквозь сон мне послышался гул самолетов. «Видимо, учебные полеты назначили на воскресенье…»

От Немана до Прута

1

Боевая тревога! Вставай! — кричит оперативный дежурный. Слышны сильные взрывы и нарастающий гул самолетов. Выскочили из убежища — немецкие самолеты бомбят каунасский аэродром. Высокие черные столбы поднимаются на летном поле. Аэродром в густом дыму, сквозь него пробиваются огненные языки. А над головой — новая армада тяжелых машин с черными крестами.

Бегу на узел связи. Там творится что-то несусветное: беспрерывно трещат все аппараты Морзе и СТ-35, капитан Васильев с воспаленными от бессонницы и напряжения глазами бегает от одного аппарата к другому. На лентах — одни и те же сообщения:

«Противник открыл сильный артиллерийский огонь…»

«Противник обстреливает из орудий наш передний край…»

«Артиллерия противника открыла огонь по нашим позициям…»

«Артиллерийский обстрел противник перенес вглубь…»

— Дела… — расстроенно говорит мне капитан Васильев.

— Не время сейчас об этом, Дмитрий Михайлович. Звоните в оперативный отдел и зовите направленцев для переговоров по Морзе.

— Товарищ майор, начальника штаба просят к аппарату Бодо, — докладывает бодист.

Приходит сообщение из Казлу-Руды — «Немцы бомбят лагерь». Но остававшиеся там части успели покинуть лагерь до налета вражеской авиации.

Генерал Шлемин докладывает в округ обстановку: «Все соединения армии заняли оборону вдоль линии государственной границы. Сосед справа — 8-я армия. Слева — 3-я армия Западного округа… В 4.00 по всей линии нашей обороны противник открыл артиллерийский огонь».

И еще более тревожные сообщения из соединений:

«Нас атакуют немецкие танки…»

«Отражаем атаки пехоты противника…»

«Атаки противника отбиты. Взято в плен 25 немецких солдат…»

— Ура! — кричит дежурный морзист, и через минуту по всему узлу проносится весть: «Взято в плен 25 немецких солдат!»

Иду на телефонную станцию. Дежурный телефонист, обливаясь потом, не успевает отвечать вызывающим абонентам.

— Не могу больше работать, товарищ майор. Все ругаются, грозят арестом… Я ничего не соображаю.

Вбегает помощник дежурного по радиосвязи.

— Товарищ майор! Нет связи со 128-й дивизией. Сколько ни вызываем — не отвечают.

Вижу, что телефониста опять разрывают на части.

— Подожди минуту, не отвечай никому, — говорю я, — а главное, успокойся. Твердо помнишь номера командующего, начальника штаба, члена Военного совета и начальника артиллерии?

— Твердо помню, товарищ майор!

— Ну так вот, дружок, все внимание только им. Им отвечать и их соединять с нужными абонентами в первую очередь. Остальные подождут. С остальными я переговорю сам. А сейчас — за дело!

Вбегает капитан Васильев с лентой в руке:

— Товарищ майор, от 128-й! — Он протягивает мне ленту.

«Немецкие танки окружили штаб», — читаю я и тут же бросаюсь к начальнику штаба.

— Как со 128-й, товарищ Агафонов? — встречает меня вопросом генерал Шлемин. — Есть какая-нибудь возможность связаться?

— Связи со 128-й больше не будет. Вот, товарищ генерал, последняя телеграмма от них.

Тяжело вздохнув, Шлемин несколько секунд напряженно что-то соображает и отрывисто произносит:

— Сейчас говорил с фронтом. Нам подчинили 5-ю танковую дивизию. Штаб ее находится в Алитусе. Срочно нужна связь.

И вот уже морзист без устали выстукивает: «Неман»! «Неман»! «Неман»!..»

Телефонист беспрерывно повторяет: «Неман»! «Неман»! Я — «Дунай»! «Неман»! «Неман»! Я — «Дунай»!..» «Алитус! Алитус! Алитус!..»

— Товарищ майор, Алитус молчит, — докладывает капитан Васильев.

Я снова у начальника штаба.

— Очень плохо, — говорит Шлемин, не то в укор нам, связистам, не то просто оценивая обстановку. — Только что там, на левом фланге, противник бросил танки. Немцы двинут на Алитус, дороги там хороши. Во что бы то ни стало нужно связаться со штабом 5-й танковой.

Звонит телефон. Шлемин берет трубку:

— Сошальский? Вот что, Сошальский, выделите срочно одного командира — нужно немедленно лететь в Алитус… Хорошо. Пусть зайдет, я лично поставлю задачу… Остальное потом. А вы, Агафонов, назначьте самого толкового командира. Пусть возьмет с собой человек десять связистов и едет в Алитус на машине. Связь со штабом 5-й танковой дивизии должна быть. Идите.

Вызываю лейтенанта Гаспарьяна, объясняю ему задачу.

— Будет выполнено! — весело отвечает он. Отдает честь и бежит к своим бойцам. Любуюсь его юношески гибкой фигурой. Огонь парень!

Через несколько минут он со своей командой уже в кузове грузовика.

— Все будет в порядке, — заверяет он меня на прощание.

Машина со связистами выкатывает на дорогу и скрывается в пыли.

Связи с Алитусом по-прежнему нет.

Генерал Шлемин запрашивает начальника штаба фронта:

— Товарищ генерал, разрешите подготовить к взрыву мосты. Я также распорядился готовить узлы связи, электростанцию и некоторые административные здания…

— Готовьте, но смотрите, чтобы все по закону…

— По какому?

— Чтобы потом не пришлось отвечать.

— Перед кем? Перед немцами, что ли?!.

Приехавший из корпуса командарм Морозов сообщил, что войска удерживают свои позиции, но понесли уже большие потери, а враг рвется вперед.

— Очень тревожит меня наш левый фланг, — говорит генерал Морозов и сильно трет виски. Лицо его за эти несколько часов почернело, еще резче обозначились морщины. — Немецкие танки рвутся на Алитус. Если они захватят там мост, то непременно ударят во фланг нашей армии…

Входит подполковник Сошальский. Его трудно узнать. На худом обескровленном лице с потухшими глазами застыла боль. Он нетвердо приближается к столу командарма, с трудом растягивает крепко сжатые губы.

— Василий Иванович, — глухо шепчет Сошальский, — немцы ворвались в наш пионерлагерь. Детей… детей…

— Что с детьми, Алексей Андреевич?! — ещё с надеждой спрашивает Морозов.

— Не могу! — кричит Сошальский. — Детей танками…

Комната поплыла перед моими глазами, лица стали расплывчатыми, и только слышу звуки, похожие на рыдание.

Вошел оперативный дежурный и доложил, что из штаба фронта передали разрешение контратаковать противника, так как началась война. Генерал Морозов смотрит непонимающими глазами. Для него, как и для всех нас, война началась давно, в 4 часа утра.

Прибыл командир 23-й ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майор Василий Федотович Павлов. Он доложил, что дивизия, вызванная из Двинска по решению Военного совета армии еще несколько дней тому назад, готова вступить в бой с противником. Генерал Морозов поставил дивизии боевую задачу.

— Костьми лягу, а задачу Военного совета выполню! — вытянулся во весь свой громадный рост генерал Павлов. — Будем драться до последнего.

* * *

В 18 часов меня с командиром оперативного отдела капитаном Федоровым послали в разведку. Мы получили задачу узнать, в чьих руках находится Алитус, найти штаб танковой дивизии и установить с ним связь.

Проехав на бронеавтомобилях несколько десятков километров, увидели ползущий навстречу автобус. Мирный голубой автобус — в нем возвращались из отпуска к месту службы человек двадцать командиров. От них узнали, что Алитус занят немцами, а танки противника ворвались в город еще в полдень. Теперь мне стало понятно, почему не вернулись из Алитуса командир разведотдела и лейтенант Гаспарьян со своей командой. Ехать дальше было бессмысленно. Мы повернули на Каунас.

На командном пункте застали только начальника штаба генерала Шлемина с отделением охраны и со взводом связистов.

— Штаб армии переместился в Кайшадорис, — сказал мне Шлемин. — Часа через два мы выедем тоже туда. Наша задача — к утру развернуть там командный пункт, а вам надо подготовить к действию узел связи.

— Видимо, товарищ генерал, придется перейти на радио…

— Это нежелательно. Постарайтесь добиться телефонной связи. Штаб 128-й дивизии разгромлен. Командир дивизии генерал Александр Семенович Зотов ранен и попал в плен. Немцы, очевидно, захватили всю документацию, а стало быть, и шифродокументы. Так что радиосвязь — только в крайнем случае.

— А долго ли штаб корпуса будет под Казлу-Рудой?

— Недолго. Противник переправился через Неман не только у Алитуса, но и в районе Меркине. Теперь он повис над нашим левым флангом. Удержать правый берег Немана нам не удастся. 5-я танковая дивизия так и не найдена.

Генерал Шлемин был подавлен событиями дня. Теперь предстояло и нам покинуть форт № 6. А тут еще тяжелым камнем на сердце каждого легла забота о семьях: они оставались в Каунасе, эвакуация началась только во второй половине дня 22 июня.

Раздается команда «По машинам!». Мы покидаем форт № 6, который прослужил нам всего один день.

В Кайшадорисе я немедленно попробовал подать соединительные линии телеграфным кабелям от конторы связи на командный пункт армии. Но эта затея оказалась бесполезной, а своих полевых средств для связи с соединениями на большие расстояния мы не имели.

Обстановка в штабе была нервозная: отсутствие стабильной связи с войсками, скудность сведений о противнике, а главное, невеселые итоги первых дней боев действовали угнетающе. В соответствии с приказом 16-й стрелковый корпус отошел на Каунас и затем, оставив его без боя, вышел к Ионаве. Все части 5, 188 и 33-й дивизий переправились на правый берег Немана, но удерживать там оборону уже не могли, так как немцам в первый же день удалось захватить мосты в Алитусе и Меркине. Оказался под ударом весь левый фланг нашей армии.

В такой ситуации собрался Военный совет армии. По одному виду генерала Морозова, поседевшего за эти дни, можно было понять, что положение наше тревожно.

Когда я вошел, командарм докладывал собравшимся обстановку. Он стоял, опершись одной рукой о стол, а в другой держал обломок указки. Генерал Шлемин жестом предварил мой доклад, и я присел на свободный стул.

— В сложившейся обстановке и при учете наших сил целесообразно развивать наступление на север, пробить боевые порядки 4-й танковой армии немцев, наступающей, видимо, на Двинск, и соединиться с другими войсками нашего Северо-Западного фронта. — Обломком указки Морозов проскреб на карте линию севернее Ионавы. — Есть и другая возможность, — продолжал он, — ударить во фланг танковой группе противника и соединиться с войсками Западного фронта. — Командарм замолчал, будто ему трудно было говорить.

Воспользовавшись паузой, поднялся начальник разведки подполковник Сошальский.

— Мы располагаем данными, что танковые колонны немцев

растянулись по магистральным дорогам и рассечь их в удобном месте будет возможно, — сказал он и поспешно опустился на место.

— Товарищ командующий, а почему мы все-таки без боя оставили Каунас? — задает кто-то вопрос генералу Морозову.

— Если бы мы удерживали оборону по правому берегу Немана, тогда Каунас стал бы ключом этой обороны, — отвечает Морозов. — Оставаться в Каунасе — означало бы добровольно идти в окружение. Это только на руку немцам. Наша задача сейчас, нанося удары противнику, выйти на соединение с войсками стратегического эшелона…

Вошел оперативный дежурный. Он доложил, что из штаба фронта прибыл на самолете командир, желающий видеть командующего армией.

После ухода Морозова заговорил генерал Шлемин. Он успел только сообщить, что оба плана операций отправлены в штаб фронта и после санкции мы начнем активные действия всеми соединениями. В это время вернулся командарм. Он был неузнаваем: воспаленные от бессонницы глаза налились кровью, почерневшее за эти дни лицо словно окаменело. Ни на кого не глядя, он быстро прошел к столу, схватил обломок указки, отвернулся к карте. Несколько секунд что-то искал. Указка уперлась в слово «Каунас».

— Вот! — ни на кого не глядя, проговорил Морозов. — Из района Ионавы будем наступать на Каунас, а затем — на Восточную Пруссию. Это приказ Наркома обороны.

— А как же наш план? — спохватился генерал Шлемин.

— Штаб фронта ничего не ответил по поводу нашего плана, — глухо проронил Морозов.

Воцарилось тягостное молчание.

— Товарищи, — через силу проговорил Морозов, — приказ фронта обсуждению не подлежит. Иван Тимофеевич, — обратился он к генералу Шлемину, — штаб армии передислоцировать под Ионаву. Все члены Военного совета немедленно выезжают в войска.

Оперативный дежурный доложил, что прибыл командир 84-й мотострелковой дивизии генерал Петр Иванович Фоменко и просит принять дивизию в подчинение 11-й армии, так как потерял связь со штабом своего корпуса.

* * *

Штаб армии начал перемещаться из Кайшадориса в район

Ионавы.

По дорогам брели старики, женщины, дети… Устало, но упрямо шли они на восток, с опаской поглядывая на голубое летнее небо. Людей безжалостно обжигало солнце, они обливались потом, таща на себе непосильную ношу. Но пугало не солнце. В небе была другая опасность — вражеские самолеты. Малейший звук в вышине — и люди бросались на землю, прижимая к себе детей.

В первые дни войны часто употреблялось слово «эвакуированные». В народе говорили проще — «беженцы», и это доступное пониманию слово точно выражало смысл происходящего.

На тех дорогах войны мы видели беженцев. Ах, если бы можно было эвакуировать этих людей!..

У самой Ионавы дорогу преградила река Вилия. Мост, к счастью, не был разрушен. Но только проехали середину — из-за неисправности мотора остановилась впереди идущая машина. Образовалась пробка. А сзади наседают — ревут клаксоны, кричат шоферы, трещат моторы… И вдруг все стихает, звенит только воздух… На наше счастье, у «юнкерса», видимо, не было бомб, иначе он не упустил бы такую цель. Обстреляв нас из пулеметов и израсходовав боеприпасы, вражеский самолет скрылся из глаз.

Штаб армии развернулся в нескольких километрах от Ионавы. Сразу попытались установить проводную связь со штабом 16-го стрелкового корпуса, используя местную проводную линию. Для ее ремонта кабельно-телеграфная рота армейского батальона выделила небольшую команду. Под артиллерийским и минометным огнем связисты исправили линию, но в Ионаве шел бой, нужно было как-то пробраться на городской узел связи и подключиться к коммутатору. Капитан Васильев поручил это самому расторопному телефонисту — Сергею Белянину.

Прошлой ночью Белянину удалось снять несколько сот метров кабеля с оставленной линии. В расположение роты он принес два мотка кабеля и ручной пулемет. Узнав о ночной вылазке связиста, я спросил, не было ли ему страшно. Белянин только усмехнулся: «Не мы к ним пришли… Пусть они и боятся». В то время не каждый день приходилось слышать столь уверенные слова.

Со стороны Ионавы доносился шум жестокого боя. Это заставляло думать, что наступление на Каунас сорвалось.

Вернулся капитан Васильев и доложил, что Сергей Белянин пробрался к зданию почты, но там уже засели гитлеровцы. Белянин бросил в окно несколько гранат, немцы из соседнего здания открыли автоматный огонь. Будучи раненным, Белянин

все же переплыл реку и добрался до своих.

— Дела… — со злостью закончил Васильев. — И Каунаса не взяли, и Ионаву теперь не удержим… А все равно не верю, что они такие непобедимые!..

…Проводной связи со штабом 16-го корпуса нет, работает только радио. Мы уже знаем: наступление на Каунас захлебнулось. Пришло сообщение о гибели генерала Василия Федотовича Павлова — командира 23-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

Отважно дрались бойцы и командиры этой дивизии. Остановив врага, они сами перешли в контратаку и гнали немцев чуть ли не пятнадцать километров, к станции Палемонас. На поле боя враг оставил сотни убитых и раненых, большое количество военной техники. Но поредели и части дивизии. Генерал Павлов несколько раз сам водил полки. Собрав силы, гитлеровцы атаковали снова. Павлов с остатками полков ринулся в последний бой. Враг не выдержал, отошел. Но пулеметная очередь скосила мужественного генерала. Тут-то и подоспел приказ об отходе.

К концу дня я встретился в штабе с подполковником Сошальским. Ужинали вместе, черпая из глубоких мисок густую перловую кашу.

— Сволочи!.. — зло говорил Сошальский. — На какие хитрости пускаются, подлецы! Ты представляешь, 5-я дивизия наступала через Гайжунский лес. У деревни Александровка немцы оказали жестокое сопротивление. Ну, на то и война, я не об этом. А тут на помощь спешит какая-то часть. Не знаю, как там командир 5-й дивизии Федор Петрович Озеров догадался, только дал команду открыть огонь по этой «подмоге». И не ошибся. Целую часть переодели…

— Хорошо то, что хорошо кончается…

— Какой, к черту, «хорошо»! — еще больше разъярился Сошальский. — Ты знаешь, что они таким же манером захватили Алитус?

В воздухе что-то прошуршало. Метрах в двухстах поднялся косматый столб земли. Затем еще и еще. Откуда-то бил немецкий миномет. Сошальский вскочил, весь напружинился и со злостью отшвырнул миску с кашей. Но тут же взял себя в руки, опять присел на пенек, закурил.

* * *

Как только наши войска начали отходить после неудачного наступления на Каунас, было дано распоряжение прекратить

работу с соединениями по радио.

Правда, у нас оставалась радиосвязь со штабом фронта, но и она просуществовала недолго. Справедливости ради скажу, что произошло это главным образом по моей вине.

Под Ионавой шел еще упорный бой. Наши части с трудом сдерживали натиск фашистов. Со штабом фронта радиосвязь поддерживалась в телеграфном режиме (ключом). Часов в девять утра начальник радиостанции 11-АК, работавшей со штабом фронта, доложил мне, что к аппарату вызывают командарма Морозова и члена Военного совета Зуева. В это время в воздухе появились немецкие бомбардировщики. Я подошел к радиотелефону. Вызов повторился: «К аппарату — командование советских войск!» Бомбардировщики уже гудели над нами. Я насторожился. А вызов повторился вновь. Тогда я ответил:

— Морозов и Зуев вместе со штабом находятся на новом командном пункте в двадцати пяти километрах восточнее прежнего.

Бомбардировщики сделали над нами круг. Не сбросив ни одной бомбы, взяли курс на восток. Видимо, наша радиостанция была запеленгована гитлеровцами и они хотели одним бомбовым ударом уничтожить штаб и командование нашей армии.

Примерно через час начальник радиостанции вновь доложил, что появилась какая-то другая радиостанция и передает микрофоном: «Позовите для переговоров Зуева — просит Диброва».

— Почему вы решили, что это другая? — спросил я.

— Вызов микрофоном дан более мощной станцией.

В это время как раз шло заседание Военного совета армии. Доложив командарму о вызове к микрофону бригадного комиссара Зуева, я высказал предположение об очередной провокации немцев.

— Что вы предлагаете? — спросил меня сидевший тут же начальник штаба генерал Шлемин.

— В целях проверки предлагаю ответить примерно так: «Кого вы вызываете? Вы же прекрасно знаете, что никакого Зуева здесь нет». Если это немцы, то они прекратят свои вызовы.

Предложение было принято.

Как выяснилось уже после, Зуева действительно вызывал корпусной комиссар Петр Акимович Диброва. Чтобы улучшить слышимость, работавшую с нами радиостанцию заменили более мощной.

А вот чем была вызвана эта замена и что тогда произошло на командном пункте фронта.

Командующий войсками фронта генерал-полковник Кузнецов

вызвал начальника связи фронта полковника Курочкина и, подавая ему шифровки, принятые по радио от штаба нашей армии, сказал:

— Прочтите внимательно, товарищ полковник.

В телеграммах генерал Морозов докладывал о крайне тяжелом положении войск 11-й армии, требовал от командующего фронтом действенного руководства, упрекал Кузнецова в пассивности. Столь резкий стиль не был присущ Василию Ивановичу Морозову. Это и вызвало у командующего фронтом сомнение в достоверности подписи шифровок.

— Ну что вы скажете на это? — многозначительно спросил Кузнецов у начальника связи.

— Что можно сказать, товарищ генерал-полковник? Все правильно. Не вижу оснований считать эти телеграммы фальшивками…

— А стиль? — прервал Кузнецов. — Я вас спрашиваю — стиль?.. Ручаюсь, это не Морозов.

— Товарищ генерал, такая обстановка, как в одиннадцатой, может изменить чей угодно стиль…

— Ни черта вы не понимаете! — зло оборвал Курочкина командующий, почувствовав, видимо, в словах начальника связи упрек в свой адрес. — Плохой вы оператор, полковник. Немедленно прекратите радиосвязь с одиннадцатой!

Полковник Курочкин пошел тогда к члену Военного совета корпусному комиссару Диброве и доложил, что получил приказание прекратить радиосвязь с нашей армией.

— Есть у нас мощная радиостанция, по которой я смог бы переговорить микрофоном с членом Военного совета 11-й армии Зуевым? — спросил корпусной комиссар.

— Да, товарищ корпусной комиссар, у нас есть мощная радиостанция РАТ, — ответил Курочкин.

— Переключите связь. Я переговорю с Зуевым.

Мой ответ на вызов окончательно убедил полевое управление фронта в том, что штаб нашей армии захвачен немцами и все передачи по радио производят они. Так мы потеряли радиосвязь со штабом фронта.

Потерять связь легко, а вот восстановить ее — куда труднее!

* * *

По решению Военного совета армии командный состав штаба был разбит на три взвода и направлен в войска. Какую задачу получили первые два взвода — не помню. Нашему было

приказано прочесать лес и отправлять обратно всех, кто уходит с передовой.

Направление взяли на запад. Изредка попадались небольшие группы раненых. Бойцы шли, помогая друг Другу, почти все были при оружии.

На опушке леса увидели артиллерийскую батарею, занявшую огневую позицию. Артиллеристы деловито готовились к бою. Монотонный гул канонады начал ослабевать.

— Тишает, — с растяжкой проговорил пожилой капитан, работавший раньше, кажется, в отделе снабжения. — Ну, ребята, — обратился он к окружающим, — теперь можно до завтра объявлять перекур.

— Смотри, папаша, как бы тебе сегодня не пришлось пробежки делать, — беззлобно заметил один из артиллеристов.

Командир батареи, совсем молоденький лейтенант, узнал меня и доложил, что часа через два у него будет телефонная связь с командиром дивизии. А в это время капитан-снабженец наставлял бойцов:

— Вы, ребята, присматривайтесь к немцу, изучайте его — оно и бить его будет легче. Немец воюет как? Аккуратно. С утра начал — к обеду отработал. Помылся, побрился, покушал, конечно, кто живой остался, — и бай-бай отдыхать. Культурно, стервец, воюет.

— А вы, товарищ капитан, приметливый, — дружелюбно обронил кто-то.

— Вторую войну примечаю, — вздохнул капитан.

Приближался вечер. Мы распрощались с артиллеристами и двинулись к своему командному пункту.

— Давайте, майор, возьмем малость южнее, а то что ж без толку свои следы топтать, — предложил капитан, и я с ним согласился.

Прошли метров триста. Между деревьями замелькали фигуры. В лесу уже стало темнеть, к мы сначала заметили не людей, а белые пятна. Бросились наперерез. Группа оказалась безоружной. Двое раненых, остальные шестеро без повязок и без следов ранения.

— Почему без оружия? — спросил я бойцов.

Старшего узнать было невозможно: все в изодранном красноармейском обмундировании, кожа на лицах натянута, губы потрескались, глаза злые.

Мой вопрос остался без ответа.

— Садись, Коля, — как-то уж очень мягко обратился высокий боец к своему раненому товарищу, у которого голова и нога были обмотаны нательными рубашками.

— Почему без оружия? — повторил я.

— А нам, командир, только лопаты выдали. Говорили, здесь землю копать требуется, а тут, оказывается, воевать нужно.

— Кто такие и откуда? — спросил я у высокого, решив, что лучше разговаривать с одним, чем со всей группой сразу.

— Стройбатовцы мы, товарищ майор, из-под Мариамполя, — облизывая черные сухие губы, сказал боец.

— Ну а винтовки ваши все-таки где?

— Их на всю часть штук десять было, в комендантском взводе. А нас, товарищ майор, лопатками вооружили…

— Ну что ж… Пошли потихоньку.

Я знал, что в полосе нашей армии работали строительные батальоны. Они занимались своим делом — возводили укрепления вдоль границы. Но я не допускал мысли, что это многотысячное войско почти безоружно. Спросил у капитана-снабженца: действительно ли так было? Он утвердительно кивнул.

Километра три шли молча. Стройбатовцы, кажется, двигались из последних сил, но виду не показывали. В лесу стало совсем темно. Мы с трудом продирались сквозь густой кустарник. Сухо щелкали под ногами ветки. Потом потянуло сыростью. Кто-то обронил:

— Должно быть, река близко.

— А может, болото, — спокойно возразил капитан.

Сделали привал, перевязали раненых. Стройбатовцы повалились как подкошенные. Закурив, я увидел, как жадно стрельнул глазами по пачке папирос высокий боец. Предложил ему папиросу. Он с жадностью взял, а потом как-то уж очень тщательно стал разминать ее.

— Некурящий, что ли?..

— Курящий, товарищ майор. Все мы тут курящие, товарищ майор…

Я отдал пачку. Боец благодарно улыбнулся, и тут только я заметил, что он еще совсем мальчишка. Угостив товарищей папиросами, боец вернул мне остатки пачки и опустился рядом на землю. Я спросил, как они вырвались из окружения.

— Не вырвались, а выдрались, — задумчиво произнес он, вертя в своих черных пальцах белый мундштук папиросы. — Слишком долгий это рассказ… Хорошо, что вас повстречали… Третий день без хлеба и курева.

— Теперь уже недалеко. Раненых определим в медчасть, вас накормят. Разберемся, кого куда… — Мне окончательно понравился этот сильный, волевой, сдержанный боец, и я предложил: — Хотите стать связистом?

— Нет, — прямо ответил он, — связистом не стану. Мне

нужно туда! — И махнул в ту сторону, откуда мы шли.

На командный пункт добрались уже ночью. Раненых определили в медчасть, остальных стройбатовцев направили, кажется, в саперный батальон. Я узнал, что принято решение отходить на Полоцк. Чтобы освободиться от лишнего груза, решено было уничтожить часть документов штаба армии. С рассветом под артиллерийским огнем противника мы тронулись в путь.

* * *

…Наша армия отходила на восток с тяжелыми кровопролитными боями. Не раз приходилось вступать в бой с противником и армейскому батальону связи. Таяли ряды связистов. Не вернулся со своей группой командир роты лейтенант Гаспарьян, посланный в первый день войны в Алитус.

Во время стычки за железнодорожную станцию Гайжуны погиб командир взвода телеграфно-телефонной роты лейтенант Овсянников, обеспечивавший проводную связь с одним из соединений. Когда дивизия начала отступать, был отдан соответствующий приказ и лейтенанту Овсянникову. Он ответил: «Линию не оставлю». Гитлеровцы наседали. Овсянников приказал своему помощнику быстрей снимать провода, а сам, выбрав удобную позицию, залег и открыл огонь из ручного пулемета. На несколько минут лейтенанту удалось прижать немцев к земле. Но схватка была слишком неравной. Овсянников погиб.

После того как были оставлены Гайжуны и Ионава, штаб армии начал отходить на Полоцк. Недалеко уже оставалось и до старой границы. Танковые колонны гитлеровцев часто опережали свои пехотные соединения и всегда могли напасть на наш штаб. Не редкостью были и вражеские авиадесанты. Активизировались местные националисты. У местечка Видзе батальон связи получил задачу прикрыть отход колонны штаба армии. В арьергард была выделена телеграфно-телефонная рота под командованием капитана Васильева. О нем хочется рассказать подробней.

Накануне вступления в Литву мне позвонили из отдела кадров и поинтересовались, не нуждаемся ли мы в командирах-связистах. Минут через двадцать ко мне пришел старший лейтенант. Невысокий, крепкого сложения, молодой, на вид очень энергичный и волевой. Он сразу понравился мне. Из разговора выяснилось, что Васильев участвовал в финской войне — это окончательно определило с первого дня мое отношение к нему. Я попросил назначить Дмитрия Михайловича Васильева

командиром телеграфно-телефонной роты в армейский батальон связи, и ни разу не пожалел об этом.

Д. М. Васильев (фото 1940 г.)

Теперь рота капитана Васильева стала настоящим боевым подразделением. За счет подобранного на поле боя оружия Васильев установил на каждой машине по нескольку пулеметов, бойцы раздобыли автоматическое оружие. Была у Васильева и пушка, одно время к нему присоединился даже танк.

Миновав местечко Видзе, колонна штаба армии попала под пулеметный огонь, который вели со стороны затерявшегося в деревьях хутора. Капитан Васильев атаковал хутор с фланга. Противник бежал, оставив несколько убитых. По всей видимости, это были местные националисты.

Поздним вечером разведчики сообщили, что вблизи дороги расположилась немецкая батарея 45-миллиметровых противотанковых пушек. Мы спрятали машины в лесу, и капитан Васильев повел свою роту через рожь в тыл немецкой батарее. Удар был столь неожиданным и быстрым, что вражеские артиллеристы не только не успели развернуть орудия, но даже не произвели ни одного выстрела из личного оружия. Все они были поколоты штыками или пали под ударами прикладов.

Связисты вытащили орудийные замки, собрали стрелковое оружие, взяли документы убитых. У дороги осталось около двадцати трупов гитлеровцев.

Минут через тридцать — сорок мы нагнали колонну штаба армии.

* * *

Пути нашего отхода нередко совпадали с направлением движения немецких колонн: по дороге встречались указатели. Аккуратные, припасенные впрок немецкие указатели на нашей земле. Сначала мы просто сбивали их, а потом смекнули и стали поворачивать в другом направлении: пусть фашисты поплутают по русским дорогам.

Однажды, когда уже начало смеркаться, в нашу колонну влетел мотоциклист. Широко раскинув по рулю руки, он начал обгонять машины. Кто-то обратил внимание, что у мотоциклиста засучены рукава. Приглядевшись, увидели — немец. Одна машина вырвалась из колонны и прижала мотоциклиста к кювету. Первым к гитлеровцу подскочил Сергей Белянин, на шее у него висел немецкий автомат. Гитлеровец был до того ошарашен, что никак не мог оторвать руки от руля мотоцикла.

…Во время отхода штаба армии и постоянного передвижения соединений о проводной связи, естественно, не могло быть и речи. От радиосвязи, как я уже говорил, пришлось отказаться еще раньше. Поэтому в штабе далеко не всегда было известно, где находится в данный момент та или иная дивизия, и даже не всегда представляли, как далеко от нас противник.

Я получил от генерала Шлемина задачу: с двумя взводами связистов пробиться на Полоцк и выбрать там место для командного пункта армии.

2

Штаб армии мы встречали в бывших военных лагерях в Барвихе-Второй. Генерал Шлемин вызвал меня. Первый его вопрос был о связи.

— Есть какая-нибудь возможность переговорить отсюда со штабом фронта или с Москвой?

— Товарищ генерал, со штабом фронта связаться не удалось. А с Москвой можно только из Полоцка…

— Хорошо, — сказал Шлемин, — в вашем распоряжении двадцать минут; возьмите команду связистов, подготовьте машину, поедем в Полоцк.

Итак, к исходу десятого дня войны мы оказались в старинном русском городе Полоцк, а с утра следующего дня началась эвакуация города, в том числе и учреждений Народного Комиссариата связи. Поэтому телеграфную и телефонную связь города мы взяли в свои руки. Центральную телефонную станцию

возглавил капитан Васильев. Я с бойцом-телеграфистом остался на телеграфе.

Генералу Шлемину из райкома партии удалось переговорить по ВЧ с Москвой. К аппарату подошел генерал Александр Михайлович Василевский. Шлемин просил горючего и боеприпасов. Генерал Василевский поставил армии задачу: оставить соединения на позициях бывшего укрепрайона, штабу передислоцироваться в Порхов и принимать там отступающие из Прибалтики войска.

Через ЦТС города мы, хотя и с большим трудом, поддерживали связь с отходящими частями армии. Неоценимую услугу оказывали нам в этом гражданские специалисты. Капитан Васильев вызывал населенные пункты, через которые предполагался отход наших войск, и просил телефонистку подозвать кого-либо из командиров проходивших частей. Вызванный командир соединялся со штабом армии и докладывал обстановку.

Конечно, такой способ связи не предусматривался ни одним уставом или наставлением, но он быстро внедрился в нашу нелегкую практику и стал чуть ли не единственной возможностью управлять войсками. Правда, потом каждый штаб части или соединения еще до подхода к населенному пункту высылал вперед командира, который, используя местные линии, связывался с вышестоящим штабом.

А капитан Васильев между тем продолжал свои поиски. Однажды он связался с одним из населенных пунктов Западной Белоруссии, кажется, с Поставами. Задал свой обычный вопрос: «Девушка, есть у вас наши части?», а в ответ услышал: «Ваших нет, зато есть наши».

Несколько раз мы нарывались на немцев. Услышишь полурусскую-полунемецкую речь, облаешь с досады неожиданного абонента — и даже радуешься… Вроде бы одержал победу.

Конечно, наше «изобретение» было не самым надежным, но другого выхода мы не видели. Все попытки найти штаб фронта успеха не имели. А вот связаться по аппарату Морзе с Москвой мне все же удалось. В Москве у аппарата находился генерал Н. Д. Псурцев, которого я хорошо знал по совместной службе в Костроме.

У связистов бывают свои победы, хотя порой для остальных они и остаются незамеченными. И вот я «слышу» слова, слова из Москвы: «Я — Москва. У аппарата Псурцев». — «Я — Полоцк! У аппарата Агафонов», — кричу обрадованно морзисту: ведь с самого начала войны я впервые «слышу» Москву. «Какой

Агафонов? Я знаю трех», — спрашивают меня, чтобы убедиться, действительно ли разговор идет со связистом 11-й армии. «Я — Агафонов-костромич…» — выстукивает морзист. «Помню. Назовите мое имя и отчество». — «Николай Де…»

На этом, к сожалению, связь прекратилась. Где-то на линии был поврежден провод. Восстановлена она была только через несколько часов.

На телеграф прибыл начальник штаба армии генерал Шлемин и поручил мне при первой возможности передать в Москву донесение о состоянии и положении войск 11-й армии на 2 июля 1941 года. Данные, которые я просмотрел, показались мне очень мрачными: численность личного состава сократилась почти вдвое, в технике потери были еще больше.

* * *

Часам к шести утра все шифровки в Москву были переданы. Получив квитанцию, я решил отдохнуть. Рядом с аппаратной была небольшая комната, где, видимо, раньше отдыхал сменный техник. Здесь стояла видавшая виды тахта, на стене висела черная тарелка репродуктора.

Я повалился на тахту, но заснуть так и не пришлось. В репродукторе что-то хрипло забулькало, потом раздался четкий и спокойный голос. Диктор сообщил, что через несколько минут выступит Председатель Совета Народных Комиссаров Иосиф Виссарионович Сталин. Сон сняло как рукой. Усталости как не бывало.

В те дни я не раз задавал себе один и тот же вопрос: «Почему не выступил Сталин? Когда выступит Сталин?» Мне казалось: стоит выступить Сталину — и свершится чудо, все станет иначе, все образуется, ход войны резко изменится в нашу пользу.

И вот прозвучали первые слова:

«Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!..»

Я был так взволнован, что плохо разбирал сказанное, просто слушал голос Сталина. Но когда он призвал уничтожать мосты, дороги, склады, поджигать леса, смысл обращения стал постепенно проясняться. «Значит, война не на месяц, значит, война будет долгой…»

Выступление по радио давно закончилось. А я все сидел на тахте, набивал папиросами кожаный портсигар и никак не мог

прийти в себя. А за окном нарастал гул, потом что-то засвистело…

И вдруг рвануло тугим горячим воздухом, раздался близкий звон стекла, меня сорвало с тахты, бросило к двери. Распарывая штукатурку, захрустели стены. Комнату заволокло пылью. Я зачем-то пошел к окну, — наверное, на свет. Под ногами сухо хрустнула тарелка репродуктора.

За десять дней войны мы видели всякое, но вот попасть под массированный налет авиации в городских условиях пришлось впервые. А это страшная штука…

Там, в поле, можно спрятаться в воронку, в яму, в щель, наконец, прижаться к земле — она надежная, хотя тоже порой содрогается от взрывов. Здесь же, в помещении, все ходило ходуном, грозило рухнуть и намертво тебя завалить. Твердый пол, толстые стены, прочный потолок из союзников превратились в противников. Оставалось одно — ждать. Здесь полностью властвовал над человеком случай.

Волна за волной шли на город бомбардировщики, дружно входили в пике, начинался дикий вой. Казалось, что визжат и самолеты, и бомбы, и дома, и даже земля. Потом все кругом начинало ахать.

Я побежал в аппаратную — там все изуродовано. Телеграфист сидит за столом, уткнувшись головой в руки. Подхожу ближе. Дышит. На полу валяются скатка и фляжка. Вливаю ему в рот несколько глотков. Он постепенно приходит в себя, смотрит на свой рабочий стол. Аппаратура разбита, провода порваны. Восстановить невозможно.

На город снова бросаются вражеские самолеты. Мы забираем свое оружие и спускаемся по лестнице в подвал.

После бомбежки быстро вернулись на телеграф. Обошли все пять этажей. Все кругом исковеркано, полопались даже кабели. Делать нам здесь было больше нечего. Вышли с телеграфистом на улицу и побрели к зданию телефонной станции: там оставались наши товарищи, а мы ничего не знали об их судьбе. Кругом все разрушено, кое-где дымят пожары. Здание ЦТС уцелело, невредимыми оказались и наши товарищи. Коммунисту Д. М. Васильеву удавалось еще поддерживать связь со штабом армии и с некоторыми населенными пунктами, в которых оставались наши войска.

Воздушные налеты повторялись через каждые двадцать — тридцать минут. Казалось, им не будет конца. Нервы напряглись до предела. На ЦТС стало невозможно работать: из окон вышибло стекла, сорвало с петель двери. Постепенно выходила из строя аппаратура.

Решили перенести кое-какую аппаратуру в подвал и продолжать работу там. Только перебрались в подвал — во дворе разорвалась фугасная бомба. Словно фанерная, хрястнула железная дверь. Потом еще взрыв — и к нам влетело несколько осколков. Один из них впился в пол рядом с моими ногами. Кто-то из связистов протянул его мне:

— Возьмите на память, товарищ майор…

Осколок был большой, колючий и еще теплый. Я со злостью вышвырнул его за дверь. В то время мы не собирали сувениров войны. Война еще не стала нашим бытом.

* * *

До сих пор не пойму, откуда у женщин берется такое мужество. Ведь еще десять дней назад они даже не думали о войне, ходили на работу в легких летних платьицах, болтали о житейских делах, строили планы на отпуск… Уверен, никто из них в своей жизни и выстрелов-то настоящих не слыхал. Разве что в кинофильмах… А тут вдруг сразу обрушился весь этот ад, от которого и нам, военным людям, становится порой невыносимо. Бледные, молчаливые, отрешенные от всего будничного и суетного, телефонистки с настороженным спокойствием священнодействуют около своих коммутаторов, а кругом носится смерть, горит и рушится родной город, гибнут близкие. Может быть, никогда не казалась им привычная работа столь важной и нужной. Женщины работают и молчат, вернее, не молчат, а привычно отвечают на вызовы: «Станция». «Готово». «Станция». «Готово».

К вечеру бомбежка прекратилась. Потянуло на свет, на чистый воздух. Но дышать на улице было трудно: едко пахло гарью, кое-где пузырились черные клубы дыма, медленно оседала на землю пыль от взрывов и рухнувших зданий.

Мы с капитаном Васильевым побрели по пустому, разрушенному городу. Не знаю, о чем думал мой спутник, но он так же, как я, упорно молчал. Мы шли по городу, словно желали удостовериться в том, что и так хорошо знали. Мы уже видели, как умирали люди, теперь увидели, как умирал город. И сознавали собственное бессилие. Это, наверное, и заставляло обоих молчать.

Вернувшись на ЦТС, мы еще застали наших телефонисток. Из их усталых, страдальческих глаз готовы были брызнуть слезы. Нужно было как-то успокоить, ободрить женщин. К счастью, вслед за нами в подвал ввалились связисты. Они втащили мешок и

поставили его посреди комнаты, а потом раскрыли его широкую шершавую пасть. В мешке были булки, настоящие «французские» булки.

И тут мы поняли, как хотим есть: целые сутки никто из нас не притрагивался к пище. Уселись вокруг мешка, стали с удовольствием жевать этот последний мирный хлеб. Потом я видел и ел другой хлеб, военный: он был какой-то увесистый, грубый, испеченный наспех…

Постепенно мешок начал оседать, и тут почувствовалась усталость. Мозг сверлило одно желание — лечь, заснуть. Казалось, ни на что другое мы уже не способны. В этот момент я получил по телефону задачу от начальника штаба армии выехать с группой связистов в направлении Невель, Холм, Старая Русса и найти штаб фронта. Распрощавшись с нашими верными помощницами — телефонистками, мы принялись за сборы необходимого имущества и за демонтаж станции. Вскоре из роты капитана Васильева за нами прибыла машина.

Выехали из Полоцка ночью. Причудливо вздымались вверх остовы разрушенных зданий. По земле шелестели листвой поваленные деревья. Сухой лунный свет высвечивал мертвый заострившийся контур города.

* * *

Мотор гудел убаюкивающе. Я и не заметил, как уснул. Проспал часа четыре, не меньше, потому что разбудили меня яркие лучи солнца. Повернувшись к шоферу, увидел закинутую назад голову, вернее, увидел только его худую шею. Шофер спал. Заглянул через заднее окошко в кузов — пусто. Выскочил из кабины… Прямо возле машины, почти на дороге, спали бойцы, и тут же среди них распластался капитан Васильев.

Усталость свалила связистов — никто даже не отошел в лес, что был метрах в десяти от дороги. Ни часовых, ни дневальных. Я быстро поднял людей, подал команду, и через полминуты все находились в машине. Дорога была хорошая, мы быстро катили вперед, но во мне начал расти страх, появившийся задним числом.

При мысли, что мы могли проснуться и увидеть наведенные на нас дула автоматов, неприятно потели ладони. На войну мы уже в какой-то мере приучились смотреть как на опасную работу. Но вот оказаться в плену — этого я себе представить не мог. И виноваты тут были бы мы с капитаном Васильевым…

Да, нелегко и по-разному наживался военный опыт, зато

потом ничто не пропало даром. Не из таких ли крупинок складывался опыт нашей победоносной армии!

На пути к Невелю нам попалась разрушенная, дотла сожженная деревня.

Был ясный, солнечный день. В такие дни русские деревни выглядят особенно привлекательно. Буйная зелень, чистое небо, распахнутые в тепло окна, белые стайки гусей, загорелые босоногие ребятишки, редкие фигуры неторопливых стариков — прекрасная картина незыблемости и вечности нашего сельского пейзажа.

Мы увидели другое. Сплошное черное пепелище, обгорелые деревья, мертвую траву, пересыпанную комьями серой земли, зияющие воронки от бомб. И полное безлюдье, такое безлюдье, будто кончилась жизнь на земле.

* * *

В Невеле я узнал, что штаб 22-й армии находится километрах в двадцати от города. Немедленно выехали туда. И сразу же встретил начальника связи армии полковника Петра Кирилловича Панина, с которым был хорошо знаком. Увидел здесь и сослуживца по Перми — капитана Николая Васильевича Полтавцева. Он командовал армейским батальоном связи.

В армии встреча со знакомыми людьми — праздник. Но в тот раз даже встреча с товарищами не принесла особой радости. О прошлом говорить не хотелось. О настоящем — тем более.

Обменявшись информацией и несколько часов отдохнув, выехали в район Идрицы, где и встретили штаб своей армии. Доложив генералу Шлемину обстановку в 22-й армии, я с тремя связистами отправился вновь на поиски штаба фронта. Капитан Васильев остался в своем батальоне.

В Старой Руссе удалось наконец узнать, что штаб Северо-Западного фронта обосновался в Новгороде. Послал телеграмму в Рыбинск своим родным с просьбой протелеграфировать о судьбе жены и детей. Когда мы вернулись в Старую Руссу, меня ожидало несколько телеграмм. Эшелон с семьями наших командиров благополучно прибыл в Аткарск.

Здесь же, в Старой Руссе, я узнал еще одну радостную весть: пробился из окружения со своей группой лейтенант Гаспарьян.

В памятный день 22 июня командир кабельно-телефонной роты лейтенант Гаспарьян выехал с отделением связистов в Алитус, чтобы установить проводную связь с 5-й танковой дивизией. У самого города связисты обнаружили разрушенную

авиацией противника постоянную линию и занялись ее восстановлением. Гаспарьян вовремя заметил, что из Алитуса выскочили немцы, и подал команду «К бою!». Прикрываясь огнем, группа отошла в лес, к машине.

Проехав несколько километров по шоссе, вновь чуть не напоролись на немцев. Гаспарьян решил двигаться проселочными дорогами. На пути оказалась река Вилия. Проскочить можно было только через мост, а по нему уже двигались немецкие части.

Начало смеркаться. По дороге все шли и шли войска. И тогда Гаспарьян пошел на отчаянный шаг: выждав, когда между двумя колоннами образовался небольшой промежуток, он приказал водителю выехать на шоссе. Теперь впереди и сзади были немцы, но поднятая машинами пыль и уже наступившие сумерки позволили благополучно миновать мост. Проехав несколько сот метров в немецкой колонне, машина снова свернула на проселок и скрылась в лесу. Кончилось горючее. Машину пришлось сжечь. В Каунас связисты уже не попали и стали пробиваться на восток.

Возвращение группы лейтенанта Гаспарьяна всех приободрило, вселило надежду, что еще вернутся многие из тех, кого считали погибшими. И даже потом, когда речь заходила о пропавших без вести, кто-нибудь обязательно напоминал: «А возьмите Гаспарьяна — с 22 июня блуждал по тылам противника и все-таки в конце концов пробился к своим…» И теплилась спасительная надежда…

* * *

6 или 7 июля мы были в Новгороде. Едва успел доложить о себе начальнику связи фронта полковнику Курочкину, как меня вызвали в оперативное управление. Там подробно рассказал о состоянии войск 11-й армии и о намеченном отходе армии в направлении Порхов, Дно, Старая Русса.

Наше появление в штабе фронта встретили с радостью.

«11-я армия жива, и не только жива, но дерется с противником!» — сообщали друг другу командиры. Кто-то даже зло пошутил: «Вот хорошо, что 11-я терялась, а то бы сейчас и не радовались…»

В управлении связи фронта я получил все необходимые данные для организации радио — и проводной связи, и мы выехали в Порхов. Пока добирались, обстановка резко изменилась — бои уже шли недалеко от Порхова. Город был эвакуирован, руководство всей гражданской связью возглавил начальник военно-оперативного узла (ВОУ).

Штаба армии в Порхове не было. Армейские связисты вскоре сообщили из Дно, что штаб отходит туда. Начальник ВОУ информировал меня, что узел связи в Порхове заминирован и при подходе немцев будет взорван.

К прибытию штаба армии в Дно впервые после Каунаса была установлена телеграфная связь по Бодо и радиосвязь со штабом фронта.

В конце июля армейский батальон переформировали в 33-й отдельный полк связи. Из его состава была создана 824-я отдельная телеграфно-строительная рота. Армейские части пополнились 38-й и 11-й отдельными кабельно-шестовыми ротами и 914-й отдельной телеграфно-строительной ротой. Новые роты были только наполовину укомплектованы штатным имуществом.

Крайне тяжелым оставалось положение в соединениях и частях. Достаточно сказать, что к 1 августа 415-й отдельный батальон связи 22-го стрелкового корпуса имел только одну радиостанцию. Зарядных агрегатов и телеграфных аппаратов СТ-35 не было вовсе. Такое положение приводило к тому, что подразделения связи зачастую использовались как стрелковые.

И все же наличие новых частей и подразделений в какой-то мере улучшило наше положение.

* * *

Я уже говорил, что в Полоцке генерал Шлемин получил от Ставки первую за время боевых действий задачу: армии — отойти на позиции укрепрайона, штабу армии — в Порхов и принимать там отходящие из Прибалтики войска. Войскам армии не удалось сдержать наступающего противника, а вскоре пришлось оставить и Порхов. Но все же ход войны постепенно менялся. Так, в Порхове генералу Шлемину удалось сформировать из разрозненных подразделений новую дивизию, которую возглавил полковник Карпетян. Штаб армии восстановил связь с фронтом, с дивизиями.

И вот в результате трезвой оценки обстановки армия нанесла противнику первый, неожиданный контрудар под Сольцами.

56-й танковый корпус 4-й танковой группы немцев, наступая на Ленинград, растянулся по дороге вдоль реки Шелонь от города Дно до Новгорода. Наша разведка доносила, что дорога забита колоннами автомашин с войсками и имуществом и что противник не выставил какого-либо серьезного флангового охранения. Танки немцев не смогут эффективно действовать, так как «увязли» в

общем потоке движения войск.

Немецкое командование, конечно, не могло предположить, что разрозненные отступающие соединения советских войск смогут нанести организованный контрудар. Противник, безусловно, понимал, что фланги его 56-го танкового корпуса очень уязвимы, но он рвался к Ленинграду и, учитывая общую обстановку на фронтах, решил пойти на риск.

Соединения 11-й армии и вновь сформированная дивизия ударили с трех направлений в незащищенные фланги гитлеровцев и в результате молниеносного удара выхватили на участке в несколько километров целый «кусок» из вражеской колонны. Удар был настолько неожиданным, что немцы не успели даже уничтожить автомашину, предназначенную для химической войны (мы немедленно отправили ее в Москву). Впервые с начала боевых действий нами были захвачены крупные трофеи и большая группа пленных.

Вот что пишет об этой операции нашей армии немецкий генерал Гот в книге «Танковые операции». «В результате отхода 41-го танкового корпуса на запад 56-й танковый корпус, который 15 июля подошел к Сольцам, оказался еще более изолированным. Не имея достаточного флангового прикрытия, обе дивизии подверглись ударам крупных сил противника с юга, северо-востока и севера. Под угрозой окружения они отошли к городу Дно.

В середине июля на всем северном участке Восточного фронта инициатива перешла на сторону противника».

Однако таяли и силы нашей армии. Мы не смогли развить свой успех под Сольцами. Более того, на других участках войска были не в состоянии долго сдерживать превосходящие силы противника и вынуждены были отходить на Старую Руссу. На ее подступах заняла оборону свежая, не обстрелянная еще в боях 254-я стрелковая дивизия, вошедшая в состав нашей армии. Бои становились все ожесточеннее. Противник, не считаясь с потерями, лез вперед. Его авиация и дальнобойные орудия обрушились на Старую Руссу.

С большим трудом удавалось поддерживать связь штаба армии с отходящими войсками. Телеграфной связи со штабом фронта в тот период не было. Телефонная осуществлялась по двухпроводной линии, а с войсками — по однопроводным местным линиям. Обстановка ухудшалась; завязала бои занявшая оборону на подступах к Старой Руссе 254-я стрелковая дивизия.

В это время командующим Северо-Западным фронтом был уже генерал-лейтенант Петр Петрович Собенников. И вот как-то звонит он на узел связи и требует командарма. Генерал Морозов

находился в войсках, но нам удалось быстро его разыскать. Телефонистка соединила Собенникова с Морозовым. Слышимость была весьма слабой.

— Есть ли кто из командиров у вас на станции? — . спрашивает командующий фронтом телефонистку.

— Да, есть майор Агафонов.

— Товарищ майор, — говорит мне Собенников, — я совершенно не слышу генерала Морозова. Почему так работает связь?

— Товарищ генерал, прямые переговоры невозможны. От вас до ЦТС линии двухпроводные, а до штабов соединений только однопроводные. Вот и теряется слышимость. Я могу продублировать переговоры.

— Давайте, майор, дублируйте.

Я сел к коммутатору и продублировал приказ командарму. Так состоялось мое первое знакомство с новым командующим фронтом.

* * *

В последних числах июля или в самом начале августа штаб армии перешел на восточную окраину Старой Руссы, и в это же время прекратилась телефонная связь с соединениями, которые вели бой за город. Большую находчивость и мужество проявил в те дни взвод старшины Тимашева, которому удалось под артиллерийским огнем противника восстановить разрушенную постоянную линию.

До войны Александр Алексеевич Тимашев был старшиной роты. С виду по-мужицки грубоватый и медлительный, он отличался хладнокровием и необыкновенной расторопностью. Среднего роста, физически очень крепкий, подтянутый и аккуратный, старшина не терпел суеты, но в то же время как-то умудрялся и первым получить нужное имущество, и первым накормить своих подчиненных. Главным же его достоинством было умение красиво работать. Будучи старшиной роты, да и теперь, став командиром взвода, он любил взять в руки топор и помахать им несколько часов кряду, да так, что бывалые строители рты раскрывали от удовольствия. Авторитет Тимашева непререкаем. Мы даже смирились с тем, что старшина обращается к подчиненным на «ты».

Отличные деловые качества командира взвода в полной мере проявились тогда в Старой Руссе. Улицы забиты полковыми обозами отступающих частей. Грохот приближающегося боя

временами заглушает и крики людей, и тревожное ржание лошадей. А невозмутимый Тимашев громко, но спокойно отдает распоряжения. Под стать командиру и его подчиненные: сноровисты и уверенны их движения, работают под огнем, а держатся так, что любо-дорого посмотреть.

Невольно залюбовавшись работой связистов, я спросил Тимашева, скоро ли восстановят линию.

— Через пятьдесят минут все будет в порядке, товарищ майор, — по-волжски нажимая на «о», уверенно ответил старшина.

С трудом пробившись сквозь плотный поток обозов, я добираюсь до телефонной станции. Здесь тоже кипит работа. Но наши усилия пропали даром, воспользоваться восстановленной линией не удалось: гитлеровцы уже овладели западной окраиной города. Забрав кое-какую аппаратуру, мы покидаем телефонную станцию. Старшина Тимашев со своим взводом все же успевает снять наведенную линию.

Вместе с нами уходят гражданские специалисты. Многие из них, в том числе женщины, решили добровольно вступить в армию. В полк зачислены высококвалифицированные телефонистки из Волота А. Е. Екимова, П. А. Ефимова, Ф. Е. Маслова, П. Е. Самойлова, А. И. Степанова. Из Парфино пришли к нам П. В. Сысоева, Н. Ф. Кузнецова и Р. В. Иванова.

Наравне с бойцами мужчинами женщины мужественно выполняли свой долг, дежуря на коммутаторах, за телеграфными аппаратами, на пунктах сбора донесений. Многие были впоследствии награждены орденами и медалями. Причем первыми среди награжденных значились волотские и парфинские телефонистки.

* * *

Наши части еще удерживали восточную окраину города, когда на узел связи прибыл командарм. Он переговорил по Бодо со штабом фронта, доложил обстановку. Генерал Собенников требовал, чтобы армия любой ценой удержала Старую Руссу, хотя бы на несколько дней.

Только Морозов отошел от аппарата, оперативный дежурный по штабу доложил, что наши части оставили город.

Генерал Морозов бросился к двери.

Мне рассказывали потом, что командарм сам водил части на штурм города и его буквально вытащили из огня. Но было поздно. Подтянув большое количество артиллерии, немцы спешно

укреплялись в городе.

Тяжелые бои завязывались за каждый населенный пункт восточнее Старой Руссы. Особенно жарко пришлось нам на реках Ловать и Пола. Командный пункт армии размещался вплотную к войскам и отходил только тогда, когда штабу грозила непосредственная опасность.

После боев за Рамушево противник форсировал Ловать. Штаб армии под прикрытием подразделений полка связи отошел в деревню Борок, а затем в Свинорой.

В Свинорое удалось установить проводную связь со штабом фронта и с некоторыми соединениями, но во второй половине дня наши части вновь начали отходить.

Во время передачи оперативной сводки прямым попаданием снаряда был перебит вводный станционный столб, находившийся вблизи узла связи. В аппаратную полетели осколки. Времени на восстановление телеграфной связи не оставалось. Приказав свертывать телеграфную станцию, я побежал с оперативной сводкой в блиндаж, где размещались телефонисты. Передал сводку, доложил, что штаб армии отходит на новый командный пункт[1].

* * *

В тяжелые сентябрьские дни встретил меня как-то бригадный комиссар Михаил Васильевич Рудаков.

М. В. Рудаков (фото 1941 г.)

— Ну, Василий Прохорович, желаю здоровья и успехов. Приходится, вот, расставаться… Не поминайте лихом!

Я уже знал, что Рудакова назначили членом Военного совета в другую армию и искренне жалел об этом. С Михаилом Васильевичем было связано самое большое событие моей жизни: в 1940 году в Каунасе он вручил мне партийный билет.

Увидеть М. В. Рудакова мне довелось только спустя много лет, уже в Москве.

* * *

С середины сентября штаб надолго обосновался в деревне Семеновщина, в нескольких километрах южнее станции Любница. Сдерживая наступление немецких частей на Валдай, тяжелые бои вела в это время наша 84-я дивизия в районе Лычково, Ямник, Лужно, Ильина Нива.

В Лычково был установлен контрольно-телефонный пост, возглавляемый помощником командира роты воентехником 1 ранга А. Г. Загоскиным.

В ясный сентябрьский день, когда штаб армии находился в деревне Выдерка и обстановка была более или менее спокойной, фашистские танки, прорвав фронт наших войск, неожиданно ворвались в Лычково. Воентехник Загоскин со своим постом отошел в кустарник, где проходила линия, и, подключившись к ней, корректировал огонь нашей артиллерии по Лычково. Немцы почти вплотную приблизились к кустарнику. Загоскин вызвал огонь на себя, гитлеровцы бежали. В течение двух дней штаб армии поддерживал связь со штабом фронта через голову противника.

3

Наступила осень. В ясные дни в затишье еще по-летнему припекало солнце, а на открытых местах уже продувало зябким осенним ветром. Деревья, не успевшие сбросить листву, быстро оголялись после каждого артиллерийского обстрела. Заметно убавился день, рано наступали унылые вечера. И гитлеровцы вроде бы приутихли. Обстановка на нашем участке фронта несколько стабилизировалась. Но затишье было обманчивым — предстояли жестокие бои.

Во второй половине сентября в состав армии с Дальнего Востока прибыла 26-я стрелковая дивизия под командованием полковника Павла Григорьевича Кузнецова, полностью укомплектованная личным составом, боевой техникой,

средствами связи.

Это явилось для нас большой подмогой: наши соединения были основательно потрепаны, а командование готовило контрудар.

22 сентября для проверки состояния связи в армию прибыл из Москвы ветеран войск связи генерал-лейтенант Иван Андреевич Найденов — высокий, худощавый и уже довольно пожилой человек с отличной строевой выправкой.

Выслушав мое представление и расспросив о житье-бытье, Найденов спросил:

— А как у вас, товарищ майор, обстоит со связью?

— Плохо, товарищ генерал, — выпалил я.

— Ну, это слишком мрачно и слишком общо, товарищ майор, хотя, наверное, и близко к истине. Давайте говорить более конкретно. В чем нуждаетесь в первую очередь?

— В дивизиях почти не осталось полевого кабеля. Не хватает радиостанций. Нет анодного питания. Последний резерв — кабельно-шестовую роту — отдал начальнику артиллерии армии на время предстоящего наступления.

— Не густо… Многого, конечно, не ждите. Сами понимаете обстановку… Но кое-чем поможем.

На следующий день нам доставили с фронтового склада около двухсот километров телефонного кабеля и анодное питание для радиостанций.

Рано утром 24 сентября мы с генералом Найденовым выехали на НП армии. Немцы непрерывно обстреливали основную дорогу от Семеновщины до Сосницы, ехать поэтому пришлось кружным путем по лощине. Генерал приказал мне остаться на узле связи, а сам с адъютантом и коноводом выехал в боевые порядки 26-й стрелковой дивизии.

Там с ним произошел небольшой казус, но я узнал об этом несколько позже. В разгар боя, оставив коновода с лошадьми в относительно безопасном месте, генерал Найденов пошел на КП стрелкового полка, а затем в один из батальонов. Тут как раз батальон начал наступление, и генерал с адъютантом оказались в цепи наступающих. Противник открыл сильный минометный огонь. Выйдя из боевых порядков, Найденов отправил адъютанта за коноводом. В это время к нему подошел сержант с группой красноармейцев.

— Ваши документы, товарищ генерал!

— Что ж ты, братец, требуешь документы? Разве генеральская форма не вполне достаточный документ? — спросил Найденов.

— А может, вы и не генерал, товарищ генерал…

— Ну вот, совсем запутался, — улыбнулся Иван Андреевич,

но сержант оставался непреклонным. Больше того, он расстегнул кобуру и достал револьвер.

Генерал Найденов протянул удостоверение личности. Сержант просмотрел его и вытянулся по стойке «смирно».

— А почему ты все-таки не поверил, что я генерал? Или не похож?

— Похож-то похож… Только я думал, если вы генерал, то у вас должна быть эта… — и сержант описал рукой несколько окружностей.

— Свита, что ли? — подсказал Найденов, и сержант в знак согласия улыбнулся.

— Молодец, братец, что живешь внимательно, а службу несешь исправно, — сказал Найденов и тоже улыбнулся. В это время показались верхами адъютант и коновод. — А вот и моя свита, — продолжал Иван Андреевич, — так что ты прав, сержант: генералов без свиты не бывает.

…Иван Андреевич весь день пробыл в частях и подразделениях дивизии. Работу связи он изучал и проверял непосредственно в боевой обстановке.

* * *

С началом боя потребность в связи была особенно велика. Мой заместитель по радио полковник Павел Карпович Изюмов неотлучно находился у радиостанций. Одна из них была развернута вблизи телефонной станции, а для ее расчета на некотором удалении подготовили небольшое укрытие.

В течение всего дня противник вел сильный артиллерийский и минометный огонь по нашему НП. Во время одного из наиболее продолжительных огневых налетов полковник Изюмов решил вернуться на радиостанцию, чтобы обеспечить передачу важных документов. Долг требовал от него быть там, где решалась судьба связи…

Накануне, поздно вечером, когда все уже спали, мы вышли с Изюмовым на улицу и долго бродили вдвоем.

День был облачный, ветреный, а к вечеру прошел редкий дождь. Теперь прояснилось, на небе высыпали звезды, и на землю лег ровный лунный свет. Шли мы медленно, старательно наступая на вытянутые черные силуэты собственных теней. Днем Изюмов получил письмо от жены, и я заметил, что он чем-то угнетен.

— Павел Карпович, что случилось? Все ли благополучно дома?

— Дома все в порядке… В полном порядке, — повторил он. — Просто меня грызет какое-то предчувствие. Вот получил от жены три письма. Ни на одно не ответил. Кажется мне, что мое письмо будет последним, прощальным… и не могу написать.

— Брось ты, Павел Карпович, это же нервы…

— Знаю, нервы, — рассеянно ответил Изюмов, а сам, будто от этого зависела его судьба, сосредоточенно растягивал шаг, пытаясь наступить подальше на собственную тень. Он поднимал ногу, ставил ее на землю, а тень, удлиняясь, убегала дальше. Эта его игра вызвала и во мне неясную тревогу. Я остановился. Вздрогнув, замерли наши тени.

— Пойдем обратно, Павел Карпович…

Теперь тени ползли за нами, и мы, не оборачиваясь, шли к своему дому.

— Василий Прохорович, ты когда-нибудь думал, что такое счастье?..

— Это, наверное, когда нет войны.

— Правильно, когда нет войны… — повторил он. Подошли к узлу связи.

— Пойду напишу письмо жене, — решительно сказал Изюмов.

— Лучше ложись отдыхать. Напишешь завтра…

Утром я видел Изюмова. От прежнего его настроения не осталось и следа. Подтянутый, бодрый, Павел Карпович энергично руководил работой своих радистов. Вот и теперь, не ожидая, когда утихнет огонь, Изюмов выскочил из укрытия и побежал к радиостанции. Не успел сделать и нескольких шагов, как был сражен осколком разорвавшейся мины.

Услышав, что ранен полковник Изюмов, я бросился к укрытию радистов. Павел Карпович лежал, откинув в сторону правую руку. Следов ранения не было видно, только из носа сочилась струйка крови.

— Скорее несите его в медчасть! — крикнул я санитарам.

— Полковник мертв, — ответили мне.

* * *

В результате кровопролитных боев войска Северо-Западного фронта сумели нанести гитлеровцам ощутимые удары. Сковав силы группы армий «Север» и часть сил группы армий «Центр», они ослабили наступление противника на Ленинград. И, что весьма важно, оттянули на себя главные силы 1-го воздушного флота, поддерживавшего наступление группы «Север». Это

позволило выиграть драгоценное время для организации обороны города Ленина.

Гитлеровцы понесли большие потери. На нашем участке фронта тогда впервые были применены гвардейские минометы РС. Их залпы буквально ошеломляли фашистских захватчиков.

После упорных осенних боев наступило затишье, нарушаемое лишь артиллерийскими налетами. Штаб армии по-прежнему оставался в Семеновщине. Пошли дожди, погода стала нелетной, и авиация противника не беспокоила нас. Но по-прежнему не унималась дальнобойная артиллерия: нас пытались во что бы то ни стало выжить из Семеновщины. К счастью, не долго пришлось терпеть участившиеся огневые налеты. Артиллеристам удалось засечь и уничтожить вражескую батарею.

Вообще превосходство наших артиллеристов чувствовалось с первых дней войны. И тут, как говорится, добро пришло от худа. У противника было много снарядов, и он, как правило, вел огонь по площадям. Это распускало немецких артиллеристов. У нас дело обстояло иначе. Советская артиллерия имела добрую традицию бережно относиться к снарядам. Так было заведено в мирное время (огонь на учениях велся обычно по целям), так оно шло и во время войны. И коли имелись боеприпасы, наша артиллерия работала отлично.

Если же говорить о связистах, то мы наживали опыт главным образом в ходе войны.

Однажды во время затишья сижу в отделе и думаю, как бы сделать проводную связь наиболее живучей в условиях обороны. Рассматривая и анализируя схему, я словно впервые увидел, что постоянные провода, по которым поддерживалась связь со штабом фронта и с некоторыми дивизиями армии, проходят через станцию Любница.

«Затишье, — думаю, — на фронте штука не вечная. Налетит авиация противника, сбросит несколько бомб на станцию, и тогда делай, что хочешь… Нужно немедленно сделать полуокольцевание — перехватить все провода до подхода к станции и установить контрольно-телефонный пост…»

Вызываю командира телеграфно-строительной роты и поручаю к исходу следующего дня сделать полуокольцевание. Как же это было своевременно! Спустя два дня гитлеровцы разбомбили Любницу. Но уже через несколько минут мы переключили связь на обходную линию.

Казалось бы, что мудреного — догадаться сделать обходную линию? Мудреного действительно ничего нет, но чтобы додуматься до этого, нужно было три месяца провоевать.

Да! Прошло девяносто дней войны. Тяжелые условия отхода

и ожесточенные бои первых месяцев не поколебали духа наших бойцов и командиров, не сломили их воли к победе. И в этом величайшая заслуга прежде всего политорганов и партийных организаций соединений и частей. Впереди всегда и везде были коммунисты и комсомольцы, показывавшие образцы героизма и самоотверженности. Об их огромном авторитете свидетельствуют и цифры роста партийных и комсомольских организаций частей и подразделений. Например, только в 33-м армейском полку связи, где военкомом был батальонный комиссар Н. И. Мартынов, а секретарем партбюро полка — старший политрук Ф. Р. Сидоров, со 2 июля по 28 октября в партию были приняты 76 лучших бойцов и командиров. За этот же период в члены ВЛКСМ вступили 54 человека. В результате хорошо поставленной работы по воспитанию личного состава партийно-комсомольская прослойка достигла здесь 75 процентов.

4

Войска противника, измотанные в изнурительных осенних боях, поспешно укреплялись в населенных пунктах, возводя насыщенные огневыми средствами оборонительные рубежи. Наши части тоже понесли ощутимый урон и перешли к обороне. А тут как раз наступила пора затяжных осенних дождей. Раскисли грунтовые дороги, лесные тропы затерялись в жирной трясине вспухших болот, леса затянуло туманом — все набухло знобкой осенней влагой.

В результате бездорожья отдельные подразделения, а порой и целые части оказывались отрезанными от пунктов армейского снабжения. На счету были каждый снаряд, каждый патрон. Раненые и тяжело больные томительно ждали эвакуации в тыловые госпитали. Изголодавшиеся бойцы, изверившись в способностях своих начпродов, больше надеялись на счастливый лесной промысел или неожиданную стычку с немцами, в которой случалось захватить походную кухню или какие-нибудь съестные припасы.

Настроение портилось с каждым днем, и больше всего, конечно, угнетали вести с фронтов. Сводки Информбюро стали предельно лаконичны, но даже по названиям направлений, на которых велись бои, можно было понять — враг рвется к Москве.

С середины октября «Правда» ежедневно печатала тревожные лозунги-призывы. Бои под Москвой не прекращались ни днем, ни ночью. Сражение шло на подступах к столице, а мы, обескровленные сентябрьскими боями, лишенные подкреплений

и надежды на существенную помощь, намертво вгрызлись в склоны Валдайской возвышенности, притаились в гиблых топях осенних болот. Внезапно вспыхивавшие и быстро кончавшиеся артиллерийские дуэли редко находили свое продолжение в разрозненных стычках передовых подразделений. Ни советское командование, ни противник не решались привести фронт в движение. Не было сил.

* * *

Осень сорок первого года оказалась скоротечной. Где-то с середины октября подули северные колючие ветры. Они сметали с земли мерзлую шуршащую листву, гоняли по стылым пашням легкий сухой бурьян, врывались в поредевшие леса, с ожесточением раскачивали стонущие деревья. Все оголилось вокруг, и только крепкая дубица держала кое-где желтые листья, невесело позванивавшие в зыбкой осенней тишине. Ночные заморозки лишь к полудню отпускали землю, и тогда на час-другой чернела поседевшая за ночь пашня. Непрочным стало тепло солдатских землянок, закурились над ними голубые едкие дымки.

Немецкие самолеты не появлялись даже в погожие дни: все было брошено туда, под Москву, на главное направление.

Над позициями повисла длительная тишина. Ни песни, ни традиционного армейского баяна. Одни только голоса войны вспарывали иногда эту зловещую тишину. То застучит где-то на переднем крае пулемет, то рассыплются ружейные выстрелы, то ударит дробь автоматов. Или еще прошипит в ночи стремительная ракета, озарит все своим мгновенным светом. И снова темно и тихо…

В первых числах ноября низкие облака затянули холодное солнце, запорошил сухой мелкий снежок. Почернели дальние леса, закурились туманом незамерзающие болота, закаркали над белыми пашнями крикливые стаи воронья. А по вечерам крутила легкая метель. Наступила зима.

Теперь стало ясно — затишье кончится не скоро. Появилось ощущение, что мы выстояли, выдержали натиск врага. Начинался другой период войны — зимний. И хотя фашистские орды еще продолжали исступленно рваться к Москве, время работало явно на нас.

Мы начали готовиться к работе в зимних условиях.

Завизжали пилы, забухали топоры, застучали молотки… Терпкий запах свежих опилок смешался с едким дымом костров,

от которых дышало теплом. Возле одного из них, уперев руки в бока и сдвинув на затылок шапку, стоял коренастый светловолосый сержант, тут же находился начальник связи 26-й стрелковой дивизии капитан Николай Васильевич Алешин. Он критически рассматривал новенькую лыжную установку. Красноармейцы, отодвинувшись чуть в сторону, выжидательно потягивали самокрутки.

Н. В. Алешин (фото 1942 г.)

Капитан Алешин доложил мне, что сержант Дронов сконструировал установку для перевозки радиостанций. Установка оказалась надежной и удобной в эксплуатации и вскоре была принята на вооружение по всей армии. Внедрилась и установка для прокладки кабеля, созданная сержантом Юрченко.

Зайдя с капитаном Алешиным в одну из землянок, мы услышали по-домашнему уютное рокотание швейной машинки. Рыжеволосый здоровенный боец с упоением крутил ручку старенького «Зингера», а его напарник старательно вел строчку по квадратам старой овчины. На полу разложены куски брезента, войлока, овчины. А кругом бойцы — кто с ножницами, кто с мелом, кто и просто только помогает или мешает советами. Настоящая портняжная мастерская. Здесь шили теплые чехлы для аппаратов и приборов. В зимней одежде нуждались не только люди, необходимо было защитить от мороза и большое хозяйство связистов.

Хватало забот и нашим техникам. В зимних условиях падала дальность действия радиостанции, и, чтобы повысить ее, требовались специальные антенны с удлиненными усами и штырями.

Во всех подразделениях связи в распорядок дня были включены ежедневные лыжные тренировки. Проводились специальные занятия по маскировке в зимних условиях. Связисты овладевали приемами прокладки и снятия кабельных линий в зимних условиях.

Устойчивой была зима 1941/42 года. Как лег первый снег, как ударил первый мороз, так и не отпускало. Осели в глубоких снегах дома Семеновщины. Сугробами взгорбились отрытые по осени землянки. Словно по тоннелям петляли по дорогам машины и повозки. Люди выбирали теперь дорогу напрямик, все поляны за день перечертят лыжнями, весь снег поколют палками, а нависнет седая туча, завьюжит на полчаса — и разом разутюжится скомканный белый покров.

У связистов свои трудности. Утеплили аппараты, переоборудовали антенны, а вот землю не утеплишь и не переоборудуешь. При устройстве заземлений в мерзлом грунте падает слышимость. В полях задымили костры, но земля уже промерзла так основательно, что с трудом оттаивает даже под огнем. В населенных пунктах полегче — там можно устроить заземление под полом здания, а еще лучше использовать в этих целях баню… Связисты теперь моются чаще всех — возле каждой баньки свой человек, осведомленность исключительная.

Вот и сейчас, едва генерал Шлемин закончил переговоры со штабом фронта, меня вызвали к телефону.

— Василий Прохорович, — заговорщически загудело в трубке, — есть баня, шикарная баня. С утра шпарятся, а сейчас никого… Жду.

От одной мысли о бане по телу разлилась приятная истома. Отказаться от предложения командира полка связи Рошаля было бы преступлением.

Баня действительно оказалась почти пустой. Возле лавок сиротливо стояло пар пять валенок, обкрученных портянками, а на лавках — маленькие свертки с бельем. Мы с Рошалем быстро разделись, открыли дверь… Сухой горячий пар резанул в ноздри, распаленной струей вошел в легкие…

— Две-е-ерь! — рявкнул из крутых клубов сизого пара раскатистый бас.

Захлопнув за собой дверь, мы растворились в теплом густом мареве. Как только начинало проясняться, тот же бас командовал: «Под-д-дай еще!» Зло шипела вода на раскаленных камнях, помещение заполнялось клубами пара.

От пара и жесткой мочалки (мыло оставляли на потом) тело краснело быстро, а горячий воздух очищал прокуренные едкими дымами легкие — дышалось легко и свободно. Раздавались

звонкие шлепки в грудь, по спинам, счастливое фырканье, приглушенный смех, живое бормотание воды. Скрипели отмытые, распаренные тела. Рошаль уплыл от меня туда, где парок был покруче. Слышу, кто-то обращается к нему:

— Товарищ капитан, я мигом, я сейчас…

— Здесь нет ни капитанов, ни генералов! Здесь все равны, как перед богом и перед пулей! — рявкает бас и, захохотав, как черт в преисподней, обрушивает на раскаленные камни полную шайку воды. Все вокруг в миг окуталось паром, и тут же ударило холодом из двери:

— Подполковник Агафонов! На выход!

Откуда-то вынырнул ко мне Рошаль. «Что случилось, Василий Прохорович?» — «Не знаю, Залман Моисеевич». «Кончилось для подполковника фронтовое счастье», — сочувственно констатировал бас. Я выскочил в предбанник.

Быстро оделся, заспешил к выходу. В дверях столкнулся со связистом.

— Товарищ подполковник! Товарищ подполковник! — радостно затараторил он. — Немцев под Ростовом разбили. С узла связи звонил капитан Васильев. Вас вызывают к аппарату Бодо из штаба фронта.

Я метнулся к моечному отделению, рванул дверь и с порога гаркнул:

— Товарищи! Наши под Ростовом немцев разбили!

Загромыхали шайки, дружно зашлепали по воде босые ноги. Все бросились к своим валенкам и сверткам, будто предстояло незамедлительно преследовать отступавшего противника.

…На узле связи оживление. Все возбуждены переданным по радио из Москвы сообщением «В последний час». Ходят именинниками. А вот повторное сообщение:

«В результате предпринятого контрнаступления войсками Красной Армии на одном из южных направлений западнее Ростова-на-Дону в боях за 20–23 ноября 1941 года разгромлены немецкие 49-й горнострелковый корпус, дивизия СС «Викинг» и 16-я танковая дивизия».

Долго стояли в ушах эти торжественные слова, вселявшие надежду и уверенность. Кто-то с облегчением обронил: «Началось!» И действительно началось. Через несколько дней после этого сообщения новая радость: войска 9-й и 56-й армий освободили Ростов. 10 декабря стало известно о взятии Тихвина. 11-го был освобожден Елец. Фронт пришел в движение.

И вот, наконец, главное: «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве».

Замелькали названия освобожденных городов: Яхрома… Солнечногорск… Истра… Михайлов… Епифань… Клин… Калинин…

21 декабря мы узнали о переходе в контрнаступление войск Ленинградского фронта.

* * *

Наша армия также начала перегруппировку сил. Теперь в ее состав входили пять стрелковых дивизий, три танковых и двенадцать лыжных батальонов. В разгар подготовки к наступлению нам пришлось расстаться с членом Военного совета Иваном Васильевичем Зуевым. Вечером 13 декабря его вызвали в Военный совет фронта. Иван Васильевич находился в одном из соединений, и мы передали ему распоряжение генерал-лейтенанта Богаткина поздно ночью.

Зуева назначили на должность члена Военного совета в 4-ю армию Волховского фронта. 16 декабря часов в девять утра мы собрались возле штаба, чтобы проводить своего комиссара, с которым прошли тяжелый военный путь и пережили вместе немало горьких минут. Все поздравляли Ивана Васильевича с новым назначением: 4-я армия в то время вела активные бои под Киришами. «Ничего, — говорил Зуев, — вам тоже ждать осталось недолго…» Он тепло попрощался с каждым, долго жал руку начальнику штаба армии генералу Шлемину:

— Ну, Иван Тимофеевич, спасибо вам, как говорится, за службу и за дружбу, надеюсь, дороги войны еще сведут нас…

Потом Зуев подошел к Морозову. Они крепко обнялись и расцеловались.

Медленно тронулась машина. Иван Васильевич долго смотрел в нашу сторону, махал рукой, пока машина не скрылась за поворотом. Кто мог подумать, что тем ранним декабрьским утром мы навсегда простились с нашим любимым комиссаром.

Во второй половине декабря командный пункт армии переместился в Гостевщину. В Семеновщину перешел штаб одного из стрелковых полков. 25 декабря штабу армии приказали передислоцироваться в направлении станции Крестцы и оборудовать командный пункт в Кушеверах. Стало ясно, армия готовится наступать на Старую Руссу.

Несмотря на энтузиазм и горячее желание всего личного состава обеспечить бесперебойную связь в предстоящих наступательных боях, сделать нам удалось далеко не все. По-прежнему не хватало командных кадров, ощущалась острая нужда

в радистах и телеграфистах. Недоставало средств связи.

Наступательные бои за овладение Старой Руссой начались в январе 1942 года. Одновременно 180-я и 254-я стрелковые дивизии продолжали окружать и уничтожать 290-ю немецкую пехотную дивизию в районе Парфино. Войскам 11-й армии, действовавшим на правом крыле Северо-Западного фронта, совместно с войсками Волховского фронта предстояло разгромить группу «Север». Нашей армии после освобождения Старой Руссы ставилась задача нанести удар в направлении Сольцы, Дно и, действуя с войсками Волховского фронта, уничтожить новгородскую группу гитлеровцев. Таков был общий замысел наступательной операции.

В ночь на 8 января по бездорожью, в сильную метель войска армии совершили 25–35-километровый марш-маневр в направлении озера Табачное. Связь с войсками решили поддерживать по осевой кабельно-шестовой линии. Чтобы скрыть наш маневр от противника, было запрещено пользоваться радиосвязью.

Стояли сильные морозы с метелями. Снежный покров в отдельных местах достигал полутора метров. Солдаты, расчищая заносы, по пояс утопали в снегу, продирались сквозь заболоченное редколесье, выбиваясь из сил, петляли между обширных незамерзающих болот. Вслед за передовыми подразделениями двигались связисты 38-й отдельной кабельно-шестовой роты старшего лейтенанта Исаченкова. Они прокладывали осевое направление. Ветер крепчал с каждым часом. Не выдержали, стали ломаться один за другим шесты. Пришлось перейти на полевой кабель. Тут снова возникло непредвиденное осложнение. Метель быстро заносила следы передовых подразделений, а проложенный кабель не везде был покрыт снегом и стал служить указателем дороги для идущих сзади частей, особенно для обозов. Пытаясь разыскать засыпанный снегом кабель, повозки то и дело обрывали его. Из-за этого, несмотря на усилия линейных надсмотрщиков, самоотверженно работавших на линии день и ночь, проводная связь работала с большими перебоями. Особенно тяжело было поддерживать ее с лыжными батальонами. Тут нас выручали только связные.

После марш-маневра разрешено было перейти на радио. Таиться теперь было бессмысленно: с установлением летной погоды воздушная разведка противника обнаружила передвижение наших войск.

* * *

К началу наступления в Лажинах был организован вспомогательный пункт управления (ВПУ), а если сказать точнее — оперативная группа армии, возглавляемая командармом. 15 января ВПУ переместился из Лажин в район озера Табачное. Отсюда мы имели проводную связь со всеми дивизиями, а командный пункт сообщался с дивизиями только через нас, по единственной двухпроводной шестовой линии. Естественно, что в этой ситуации одного телеграфного и одного телефонного каналов было недостаточно.

Вызываю помощника начальника отделения полевой связи техника-интенданта 1 ранга Шаповала.

— Что будем делать, Родион Ильич? Резервных кабельно-шестовых средств нет, а нагрузка на линию все увеличивается…

— Да и рискованно сидеть на одной линии, — соглашается Шаповал.

— Вот и давайте заменим шестовку постоянной линией.

— Куда бы лучше, да ведь нет столбов, товарищ подполковник. Кругом вон какой пейзаж…

Техник-интендант был, безусловно, прав. Кругом, насколько видит глаз, лежало открытое поле, изредка кое-где торчали небольшие кусты, занесенные снегом, а западнее простиралось схваченное крепким льдом озеро.

— Вот что, дорогой Родион Ильич, бери-ка ты обе телеграфно-строительные роты, езжай в Лажины и Кушеверы, облюбуй там подходящие сараи и бесхозные дома — вот тебе и столбы.

До войны Шаповал работал на Украине начальником линейно-технического узла в системе НКС. Человек он был исключительно добросовестный, дисциплинированный, но сугубо штатский по натуре. Больше всего Родион Ильич любил вспоминать свою довоенную жизнь. Если слушатели попадались внимательные, он вытаскивал из кармана гимнастерки конверт, потом извлекал оттуда фотографии жены и детей и с гордостью показывал их окружающим. К опасностям фронтовой жизни он привык сразу, а вот быт военного времени осваивал туговато. На этот раз Шаповала тоже будто удивило мое распоряжение.

— И можно будет разбирать эти постройки?

— Не можно, Родион Ильич, а нужно.

— Да, это, пожалуй, единственный выход… Здорово придумали, товарищ подполковник.

— Не я это придумал, Родион Ильич. Война…

Я рассказал Шаповалу, как одна из частей нашей армии во время летнего отступления была прижата противником к болоту. С трех сторон немцы, а с четвертой неширокое, но непроходимое

болото. Время уже клонилось к вечеру, а фашисты воевали по расписанию: днем воюют, а вечером и ночью приводят себя в порядок, отдыхают. Так было и в тот раз. Убедившись, что окруженные не намерены сдаваться, немцы отложили до утра операцию по их уничтожению. Утром гитлеровцы повели наступление по всем правилам военного искусства, но не помогли им ни правила, ни искусство. Окруженная часть исчезла. А подвел фашистов собственный распорядок дня. Болото действительно оказалось непроходимым, пробиться сквозь боевые порядки противника не представлялось возможным: хотя в составе полка имелось несколько танков, боеприпасы у танкистов давно уже кончились. И тут пришла кому-то счастливая мысль: разобрать в ближайшей деревеньке все постройки и за ночь настелить дорогу через болото. Работали все: и красноармейцы, и командиры, и местные жители. А с первыми лучами солнца арьергардные подразделения уже раскидывали за собой спасительный настил, по которому прошли сотни ног, проскрипели колеса повозок, осторожно проползли гусеницы танков. Гитлеровцы не нашли на болоте ни одной живой души…

Родион Ильич Шаповал был не только очень добросовестным и дисциплинированным работником, с каждым днем все больше раскрывались и его организаторские способности. В короткий срок ему удалось заготовить достаточное количество бревен и построить постоянную линию в две цепи. В работе здесь опять отличился взвод старшины Тимашева. Восхищаясь старшиной и его красноармейцами, Шаповал с гордостью называл их «гвардейцами». Шаповал и Тимашев так сдружились во время строительства этой линии, что часто ели из одного котелка и курили из одного кисета.

Я как раз был на узле связи, когда подключили вновь построенную телефонную цепь.

— Давайте проверим связь, товарищ подполковник, — слышу взволнованный и радостный голос Шаповала. — Как слышите меня?

— Прекрасно, Родион Ильич! А в какую цепь вы включились?

— В первую.

— Я тоже.

— Слышимость отличная, — радуется Шаповал.

— Теперь вот что, Родион Ильич, оставайтесь на первой, а меня переключат на вторую.

Тут и произошел казус. Телефонные аппараты были включены в разные цепи, а разговор наш продолжался.

— Товарищ Шаповал! Вы уверены, что линия исправна? Нет ли где сообщения проводов?

— Линия исправна, товарищ подполковник, я только что все просмотрел.

Для меня стало ясно, Шаповал не учел при подвеске цепей электромагнитной связи между ними и не сделал скрещивания проводов, а без этого при наличии двух цепей невозможно иметь два телефонных и два телеграфных канала. Спрашиваю его:

— Каким способом вы произвели скрещивание проводов?

— Виноват, товарищ подполковник. Я думал, что на восемнадцать — двадцать километров можно работать без скрещиваний.

— Родион Ильич, даю десять часов сроку. Душа из вас вон, но чтобы к утру обе цепи гремели…

— Будут греметь, — упавшим голосом отозвался Шаповал.

И действительно, к утру следующего дня линия «гремела». К тому времени связисты смонтировали второй комплект Бодо в штабном автобусе, и ВПУ стал иметь прямую телеграфную связь со штабом фронта. В дальнейшем в автобусах смонтировали телефонную станцию, кросс и телеграфные аппараты СТ-35. Так появился у нас подвижной узел связи армии.

А пока наш ВПУ помещался в лагерных палатках. В одной из них, где развернули телефонную станцию, пришлось жить и мне. В палатках круглосуточно топились печурки, но работать стало невозможно — коченели руки. Утром на ВПУ приехал Шаповал, и я пригласил его в свою палатку «погреться».

— Проходи, Родион Ильич, раздевайся, грейся, небось промерз в дороге-то…

Шаповал взялся было за крючки полушубка, но вовремя спохватился.

— Палатка-то у вас прогорела… Холодина… Как только вы тут живете?

— Живем плохо, а вот что будем делать дальше?..

— Да, — сочувственно произнес Шаповал, — здесь нужно что-то придумать. Подождите, товарищ подполковник, я сейчас.

Через несколько минут он вернулся вместе со старшиной Тимашевым.

— Палатку-то как прожгли, — сразу заметил хозяйственный Тимашев. — А печку здесь топить бесполезно… Но ничего… Мы вам, товарищ подполковник, такой дворец смастерим, все завидовать будут. Прямо на озере поставим. Благо бревна еще остались.

— Хорошая мысль. Только уж если делать, то побыстрей. А то возьмем Старую Руссу, и не придется пожить во дворце…

* * *

Домик нам соорудили действительно быстро, а вот со Старой Руссой получилась осечка. Завязались ожесточенные бои. Неумолчно гремели орудия, деловито стучали пулеметы, гулкие взрывы взметали в вышину бурые фонтаны перемешанного с землей снега. Город заволокло дымом. Но как только наши лыжники поднимались на штурм, подступы к Старой Руссе озарялись долгими дрожащими вспышками, с шуршанием шлепались мины, засыпая наступавших смертельными осколками. Лыжники, прижатые к земле, закапывались в снег, а потом, когда стихал вражеский огонь, возвращались на исходные позиции, таща на волокушах раненых и убитых товарищей.

Немцы сопротивлялись ожесточенно. И не только под Старой Руссой. Отдельные населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. Связистам приходилось не только быстро прокладывать линии, но порой еще поспешнее снимать их. Кабель ценился на вес золота, и связисты считали бесчестьем оставить врагу хотя бы несколько метров.

НП артиллеристов в одном из сел находился в овине. Пехотные подразделения получили приказ отойти на новый рубеж. Командир батареи, взяв разведчиков, также отошел на новый НП. Красноармейцы Судкицын, Маршавин и Смирнов решили снять телефонную линию.

Смотав кабель, Судницын побежал к саням, где его должны были ожидать товарищи. В это время послышался шум мотора. Из-за домов выполз немецкий танк, и тут же глухо ударила танковая пушка. Когда рассеялся дым и танк, развернувшись, пополз обратно, Судницын бросился к саням. Смирнов был мертв. Маршазина рядом не оказалось. Вдали появились фашистские автоматчики. Судницын юркнул в ближайший двор. Его заметили и обезоружили. В это время из-за поворота, прихрамывая, вышел подгоняемый гитлеровцем Маршавин. Связистов втолкнули в холодный сарай, стащили валенки и полушубки, ударами прикладов свалили на пол.

Не прошло и нескольких минут, как снова загрохотали взрывы. Стены сарая качнулись, сверху посыпалась густая пыль. Засветились широкие щели. Судницын увидел, что по селу в панике бегут немцы. Часовой исчез. Тогда он рванул одну из досок и выполз во двор. Никого. Только мечется ошалевшая от страха лошадь. Поймал лошадь, запряг в сани, вытащил раненого товарища и огородами двинулся в сторону, откуда неслись орудийные раскаты.

Связисты встретили пехотинцев, шедших штурмовать село. Сдав Маршавина санитарам, Судницын быстро раздобыл валенки и винтовку и побежал догонять цепи атакующих.

В ночном коротком бою наши выбили противника из села. Но к рассвету оборвалась проводная связь между подразделениями, занявшими село, и командным пунктом 26-й стрелковой дивизии. На линию вышел связист Негреев. А примерно через час послышалась отдаленная перестрелка. В помощь Негрееву выслали взвод автоматчиков. Бойцы нашли связиста уже мертвым. К ноге его была привязана катушка с кабелем, рядом лежали расстрелянные автоматные диски. Негреев, видимо, быстро нашел порыв, срастил концы кабеля и, разматывая катушку, пополз проверять линию дальше. Тут-то по нему и открыли огонь, Негреев привязал катушку к ноге и вступил в перестрелку. Метров тридцать отважный связист продолжал ползти, стреляя по врагу. Этот отрезок его пути был усеян гильзами. Негреев успел устранить неисправность, но вражеская пуля сразила его.

* * *

В результате ожесточенных боев соединения нашей армии понесли значительные потери, а взять Старую Руссу так и не удалось.

С прибытием свежих частей началась подготовка к новому наступлению. Предстояли ночные действия отрядов по захвату города. Руководство ими осуществлял генерал Шлемин с КП 84-й стрелковой дивизии, который находился в лесу, километрах в четырех от Старой Руссы.

Бойцы вновь прибывшей к нам 735-й кабельно-шестовой роты еще не участвовали в боях, и меня очень беспокоило, справятся ли они с задачей, особенно в ночных условиях. Решил побывать у них.

С опушки леса, где собрались командиры-связисты, видны развалины притаившейся Старой Руссы. Город молчит, его окутывают хмурые сумерки. Я, как завороженный, гляжу на изломанный контур города, постепенно исчезающий в вечернем мареве, вслушиваюсь в тревожную тишину. Сегодня ночью, когда небо прострочат первые трассирующие дорожки, когда огненные сполохи разрывов высветят все вокруг, а снежная равнина накроется разноцветными куполами ракет, туда устремятся наши лыжные батальоны. Навстречу им вспыхнут далекие мерцающие огоньки. И таким беззащитным станет любой, кто окажется на этой, такой спокойной сейчас равнине…

Ставлю задачи командирам, указываю направления ночных действий, советую, как лучше вести прокладку кабельных линий

вслед за наступающими отрядами. Потом иду к бойцам. Всматриваюсь в возбужденные предстоящим боем лица. Для них это будет первый бой. А для некоторых, быть может, и последний.

В подчеркнуто громких разговорах, в молниеносной реакции на каждую шутку, в торопливом смехе угадывается скрытая тревога. Что ж, так людям легче побороть волнение, преодолеть предчувствие возможной беды, сохранить душевные силы.

Прошу построить взвод. И моментально наступает тишина. Строй замирает в ожидании.

— Товарищи! Сегодня ночью вы пойдете в свой первый бой. Будет трудно, не скрою. Пришел наш час встретиться лицом к лицу с врагом. Желаю удачи, друзья!

Больше я говорить не стал. По лицам бойцов понял: они свой долг выполнят.

Наступление началось в ту же ночь. Бой не стихал целый день. Одному из батальонов удалось ворваться на окраину города, но его не смогли поддержать, а гитлеровцы располагали достаточными резервами. На других участках фронта соединения нашей армии вели не менее кровопролитные бои.

3-му батальону 937-го стрелкового полка 254-й стрелковой дивизии, завершавшей окружение 290-й пехотной дивизии немцев, была поставлена задача захватить в тылу противника станцию Беглово, перерезать железную дорогу на участке Старая Русса — Лычково и соединиться с нашим 929-м стрелковым полком.

Батальон на лыжах пересек линию фронта и лесами скрытно приблизился к Беглово с северо-востока. Но здесь лыжников обнаружили и атаковали немцы. Батальон отошел и, совершив скоростной маневр, вышел к станции с юго-востока. Комбат лейтенант Ткаченко решил сразу атаковать, и атака завершилась успешно. Батальон захватил Беглово и удерживал его более двух недель.

Все это время экипаж батальонной радиостанции под командой старшего сержанта Алексея Жданова поддерживал непрерывную связь со штабом полка и дивизии, хотя радистам не раз приходилось участвовать в отражении вражеских контратак.

В одной из таких стычек осколком мины была повреждена упаковка питания и перебит кабель, соединявший ее с приемо-передатчиком. Немцы наседали, а батальон остался без связи. Жданов слышал, что стрельба с нашей стороны становится все реже. Вбежал командир батальона:

— Жданов! Передайте командиру дивизии, кончаются боеприпасы. Больше двух контратак не отобьем… Передавайте быстрей!

— Товарищ лейтенант, повреждена радиостанция.

— Сейчас все зависит от тебя, Алексей, судьба всех ребят…

Уже кончились патроны, собранные у раненых и убитых, оставались только гранаты… И тут из-за леса вынырнул наш ночной бомбардировщик По-2. Летчик по-дружески покачал крыльями и сбросил ящики с патронами. Старший сержант Жданов сумел исправить радиостанцию и вовремя сообщить в штаб дивизии о бедственном положении батальона.

Батальон лейтенанта Ткаченко удержал Беглово до подхода главных сил полка. Радиостанция работала безотказно.

За образцовое выполнение задания старший сержант Алексей Жданов был награжден орденом Красного Знамени.

* * *

В тяжелых условиях приходилось работать связистам телеграфно-строительных рот. В сильный мороз, проваливаясь по грудь в глубокий снег, часто под артиллерийским огнем и бомбежками противника, они самоотверженно выполняли труднейшие задачи. Используя подручный материал, связисты только за январь построили более 200 километров постоянных линий и подвесили около 70 проводо-километров по существующим. Это позволило на протяжении всей зимы поддерживать проводную связь по постоянным линиям со всеми стрелковыми соединениями. Теперь уже Родиону Ильичу Шаповалу не нужно было подсказывать, где можно раздобыть бревна или другой материал. Он сам мог научить этому кого угодно. Старшина Тимашев стал за это время лучшим командиром телеграфно-строительного взвода, и Шаповал не раз говорил, что старшина свободно потянет роту. Я ходатайствовал перед командованием армии о присвоении Александру Алексеевичу Тимашеву звания «младший лейтенант».

В результате зимнего наступления армия освободила Взвад, Юрьево, Парфино, Конюхово, Мухино, Берлюково, Рамушево и многие другие населенные пункты на реке Ловать. На реке Пола были очищены от врага Тулитово, Антипово, Лукино, Щечково, Пола… Но овладеть Старой Руссой так и не удалось.

Наша 11-я армия, действовавшая на правом крыле Северо-Западного фронта, не сумела прорвать на большую глубину оборону противника и выйти на направление Сольцы, Дно. Армиям, действовавшим на левом крыле фронта и принимавшим участие в окружении крупных сил гитлеровцев под Демянском, не удалось перехватить восьмикилометровую горловину и

захлопнуть выход из котла.

А февраль подходил к концу. Появились первые признаки приближающейся весны. Убавились ночи. Днями, порой ярко, светило солнце. Начало подтаивать по затишкам. С крыш стали обваливаться тяжелые снежные карнизы. И уже совсем не по-зимнему, весело посвистывал ветер. Предчувствуя весеннее половодье, войска жались к дорогам, выбирали для стоянок места повыше и подальше от зашевелившихся болот.

Во второй половине марта командный пункт армии переместился в лес, километра на полтора северо-восточнее Мануйлово. Второй эшелон армии перешел в Лажины. К началу апреля численность нашей армии резко увеличилась. В ее состав теперь входили восемь стрелковых дивизий, одна танковая и восемь стрелковых бригад. Срочно потребовалось изменить систему управления. Чтобы приблизить управление к войскам, мы организовали два вспомогательных пункта управления: один в лесу юго-восточнее Ершино — для руководства соединениями левого фланга армии; другой в лесу юго-восточнее Стариково — для руководства соединениями, оборонявшими центральный участок фронта.

А весна между тем вступала в свои права. Вскрылись реки, взбухли почерневшие болота, вешние воды затопили землянки, размыли дороги. Пришлось делать насыпные блиндажи, гатить дороги, а в иных местах поднимать настилы на козлы. Из-за весеннего разлива Тулебли, Полисти, Ловати стало невозможно обеспечивать боеприпасами и продовольствием 182-ю и 188-ю стрелковые дивизии. Пришлось вывести их из затапливаемых районов и оставить населенные пункты Взвад, Чертицко, Медведно, Подборовье.

И все нее, несмотря на распутицу, войска нашей армии не только удерживали оборонительные рубежи западнее реки Ловать, но и вели ожесточенные бои с противником, пытавшимся развить наступление вдоль Рамушевского шоссе.

* * *

Во второй половине апреля в состав армии вошли новые соединения. Теперь их стало двадцать пять. В Сельцах был создан ВПУ № 3. Протяженность передней линии войск армии достигала к этому времени 140 километров.

С развертыванием третьего ВПУ и установлением связи с вновь прибывающими соединениями окончательно истощился резерв линейных средств. Резервная радиосеть, в которую

включались радиостанции прибывающих соединений, была заполнена до отказа.

Из Москвы приехали представители Главного управления связи Красной Армии комбриг Алексей Григорьевич Лапкин и полковник Федор Федорович Ильюкевич.

— Докладывайте, товарищ подполковник, как у вас обстоят дела.

Я развернул рабочие схемы. Комбриг бегло просмотрел одну из них.

— Сколько у вас в армии соединений?

— Одиннадцать стрелковых дивизий и четырнадцать бригад. В том числе одна танковая.

— Какие имеются части связи?

— Полк связи, три кабельно-шестовые и две телеграфно-строительные роты, товарищ комбриг. Из проводных средств в резерве нет ничего. Из радиосредств — одна радиостанция РБ с повышенной антенной.

— Да, не богато, совсем не богато. Федор Федорович, — обращается он к Ильюкевичу, — посмотрите как следует организацию радиосвязи, а я пойду к начальнику штаба армии. Для меня все ясно.

На другой день я сопровождал комбрига Лапкина и полковника Ильюкевича. Мы побывали на нескольких наблюдательных пунктах командиров соединений и артиллерийских частей. У деревни Сельцы увидели грузовую автомашину. Шофер пытался втащить кого-то в кабину.

— Что случилось? — спросил Лапкин.

— Да вот, товарищ комбриг, ехали мы со старшиной. Шальная пуля пробила стекло кабины, его и ранило.

Мы помогли поднять старшину, но он был уже мертв.

* * *

Объезжая с комиссией соединения, я услышал, что батальоном связи одной из вновь прибывших стрелковых бригад командует капитан Сергей Петрович Аверьянов. Я хорошо знал этого толкового, смелого командира. Осенью сорок первого года он возглавлял батальон в нашем полку связи. Затем был откомандирован в академию связи. Грех было упустить такого специалиста, и я тут же согласовал с отделом кадров перевод Аверьянова в отдел связи.

* * *

По решению Ставки начала формироваться 27-я армия. Я получил назначение на должность начальника войск связи вновь формируемой армии. Пришлось расставаться с боевыми товарищами, с которыми провел вместе самый тяжелый год войны.

Воспользовавшись предоставленным мне правом, я взял с собой нескольких командиров из отдела связи 11-й армии, в том числе капитана Аверьянова и воентехника Шаповала. В конце мая нам предстояло выехать в район Мануйлово, где формировалось полевое управление 27-й армии.

С грустью распрощался с командиром 33-го полка связи майором Рошалем, талантливым и смелым человеком, сумевшим в труднейшее время сколотить высокобоеспособную часть связи, и с капитаном Васильевым, ставшим теперь начальником штаба полка связи. Но и потом, находясь в 27-й армии, я нередко обращался за помощью к верным боевым друзьям.

5

Вновь формируемую 27-ю армию возглавил генерал-майор Федор Петрович Озеров. Я хорошо знал его еще по 11-й армии как командира 5-й стрелковой дивизии. Озеров был одним из немногих командиров соединений, кто был награжден орденом Красного Знамени еще в первые месяцы войны. Его дивизия, сохранив боеспособность, прошла с боями путь от госграницы до Торопца. Позже Федора Петровича назначили комендантом укрепрайона. И вот теперь он формировал новую армию.

Ф. П. Озеров (фото послевоенных лет)

В состав 27-й армии были переданы из 11-й шесть стрелковых дивизий и три бригады. Связистам передали 38-ю и 534-ю кабельно-шестовые, а также 914-ю телеграфно-строительную роты. Родион Ильич Шаповал воспрянул духом, узнав об этом: раз 914-я рота будет с нами, — значит, не придется расставаться с младшим лейтенантом Тимашевым. Кроме того, в наше распоряжение прибыли 117-й отдельный полк связи, 425-я телеграфно-строительная и 494-я телеграфно-эксплуатационная роты, 561-я отдельная авиационная эскадрилья связи. Так что мы теперь имели даже свою авиацию! Остались за нами и все постройки, возведенные еще связистами 11-й армии.

Значительно труднее было с укомплектованием отдела опытными специалистами. К тому же и кадровики не всегда целесообразно использовали знающих людей.

Закончив однажды проверку связи в 384-й стрелковой дивизии, я уже собирался ехать в штаб армии, когда начальник связи дивизии предложил зайти в мастерские батальона и посмотреть, как организован ремонт аппаратуры. Заведовал мастерскими военинженер 2 ранга Владимир Николаевич Кессених, исполнявший обязанности помощника начальника связи дивизии по снабжению.

Военинженера Кессениха мы застали за какими-то расчетами. В мастерских был образцовый порядок.

— Над чем работаете, товарищ военинженер?

— Да вот заканчиваю кое-какие расчеты. Хочу повысить дальность действия маломощных радиостанций…

— Скажите, товарищ военинженер, что вы делали до войны?

— Вообще-то я доктор физико-математических наук… До войны был профессором Томского университета…

— А как оказались здесь?

— Призвали в армию… как и всех. Назначили в дивизию. Работа меня вполне удовлетворяет. Надеюсь, смогу принести кое-какую пользу…

— В этом я не сомневаюсь, товарищ профессор, но мне кажется, вы способны на большее.

— Я человек военный…

— Этим как раз мы и воспользуемся, если не возражаете.

В тот же день я доложил о Кессенихе начальнику связи фронта генералу Николаю Степановичу Матвееву. Посетовал, что плохо используем специалистов, попросил перевести военинженера в отдел связи армии. Генерал Матвеев пошел навстречу. Профессора В. Н. Кессениха перевели из дивизии, только не в армию, а в управление связи фронта.

* * *

В тесной землянке генерала Озерова с весны еще не выветрился запах сырости. К столу, сколоченному из досок, и к железной кровати, накрытой серым солдатским одеялом, ведут от порога дорожки из всосавшихся в земляной пол кирпичей. На ножках деревянной скамьи остались темные отметины: таков был уровень вешней воды, державшейся в землянке не один день. Высокий, грузный Озеров сидит на кровати, внимательно изучая расстеленную перед ним карту. Он приглашает меня к столу.

— Ну, рассказывай, как идет формирование отдела связи.

— По-прежнему мало специалистов, товарищ командующий. Зато своими помощниками — доволен. И Аверьянов, и Шаповал прекрасно знают дело.

— Ты, товарищ Агафонов, наверное, порядком ободрал напоследок 11-ю, — смеется Озеров.

— Только самое необходимое, так сказать, минимум…

— Можешь радоваться: отдел кадров разрешил забрать начальника связи 188-й дивизии майора Поповича.

Я действительно обрадовался. С Григорием Кузьмичом Поповичем мы были знакомы по Каунасу. Совсем еще молодой командир, он имел за плечами академию, начал свой боевой путь на госгранице и прошел с дивизией самые трудные дороги войны. Лучшего заместителя нечего было и желать.

В непринужденной обстановке, за разговорами о предстоящих делах мы просидели около часа, а потом невольно вспомнили 11-

ю армию, наших боевых товарищей.

— Трудно сейчас приходится нашему Ивану Васильевичу Зуеву, — со вздохом проговорил командарм и снова занялся картой.

Мы знали, что члена Военного совета Ивана Васильевича Зуева из 4-й армии перевели во 2-ю Ударную, которая с кровопролитными боями пробивалась из окружения под Волховом.

— И вот еще что, товарищ Агафонов, — сказал напоследок генерал Озеров, — начинайте готовить связь на новом командном пункте. В нескольких километрах севернее Мануйлово лес более густой, да и место там повыше… Туда и перебазируемся. А этот КП немцам наверняка известен. Сроками я вас особенно не ограничиваю, переезжать будем недели через две. Устраивает?

— Вполне, товарищ генерал. Раньше, пожалуй, и не успеть: полк связи прибудет с часу на час, но он только что сформирован и опыта не имеет.

На другой день после прибытия полка я организовал проверку специалистов. Картина получилась невеселая. Радисты, за небольшим исключением, не умели работать в армейских сетях. Слабо справлялись с дежурством на коммутаторах телефонисты. Мало чем порадовали и телеграфисты.

И все же мы вышли из затруднительного положения: выручили опытные специалисты из 11-й армии, оставленные для обслуживания узла связи. За две недели подготовили помещения и полностью оборудовали узел в новом районе. Оставалось только переключить туда «связи». Возникла задержка. Мы с Шаповалом выехали на новый узел.

— Что случилось? — спрашиваю начальника телефонной станции техник-лейтенанта Зорина.

— Да вот, товарищ подполковник, запутались с проводами. Не получается что-то…

— Не волнуйтесь, товарищ Зорин. Сейчас разберемся. Знаю, вы инженер, но у нас своя специфика.

Как видите, и телефонные цепи и телеграфные провода — все сосредоточено в одном месте. Со временем, безусловно, освоитесь. А сейчас дорога каждая минута. Думаю, не обидитесь, если я вызову надсмотрщика из Парфино. Он сержант, но очень опытный и толковый специалист. С его помощью все встанет на свое место. Да и вам будет не вредно кое-чему поучиться. А пока проверьте еще раз с товарищем Шаповалом все вводы проводов и цепей на кросс.

К вечеру все «связи» были приняты на новый узел. Забегая вперед, скажу, что впоследствии полк связи отлично справлялся

со своими задачами. Но тогда до этого было еще далеко. Личному составу предстояло много и напряженно учиться. У меня же еще не был полностью укомплектован отдел связи. Однако случай с профессором Кессенихом научил внимательно приглядываться к людям.

Будучи как-то в полку связи, я услышал очень приятный баритон. Голос показался знакомым. Заглянул в палатку и увидел высокого, стройного командира.

— Товарищ Гринченко?

— Начальник боевого питания полка военинженер 3 ранга Гринченко, — отрекомендовался он.

— Какими судьбами? Почему на должности начальника боевого питания?

— Долго рассказывать, товарищ подполковник. Да это еще что! Мне довелось побывать даже во фронтовом красноармейском ансамбле…

Алексей Алексеевич Гринченко когда-то преподавал в Киевской школе связи. Инженер-электрик, окончивший два высших учебных заведения, прекрасный методист-математик, опытный командир, он мог принести большую пользу связистам.

— Согласны работать в отделе связи армии? — без обиняков спросил я.

— Согласен работать там, где смогу быть полезным, товарищ подполковник.

Гринченко назначили моим помощником по снабжению и ремонту.

В командование полком связи вступил майор Петр Александрович Прилучный, комиссаром стал батальонный комиссар Федор Григорьевич Ревенко. Был в основном сформирован и отдел связи 27-й армии.

…Летом 1942 года соединения армии вели бои местного значения, улучшали занимаемые позиции. Фронт армии, протяженностью 126 километров, вытянулся по восточному берегу озера Ильмень до реки Ловать в районе Рамушево. На южных направлениях Красная Армия вела ожесточенные бои с гитлеровцами, рвавшимися к берегам Волги и на Кавказ. Перед войсками 27-й армии стояла задача сковать на своем участке как можно больше сил противника и вынудить его усилить свою группировку в районе Старой Руссы. С этой задачей армия справилась.

В конце лета к нам приехал начальник связи фронта генерал Николай Степанович Матвеев. Блестящий специалист и чуткий командир, он давно снискал уважение и любовь связистов. Этот удивительный человек располагал к себе с первого взгляда.

Притягательную силу его обаяния я испытал на себе. Глубокой осенью 1941 года, когда генерал Матвеев сменил полковника Курочкина, вызвали меня в Управление связи фронта. Штаб фронта располагался в лесу, невдалеке от Валдая.

Встретил меня сам генерал. Высокий, стройный, с седой шапкой волос, хотя было ему тогда чуть больше сорока, он выглядел очень представительно. Говорили, что в первую мировую войну Николай Степанович был уже офицером, имел ранение, а после революции сразу перешел на службу в Красную Армию. И хотя я немало уже слышал о необычайной приветливости Матвеева, невольно растерялся, поняв, что прибыл к нему первым.

— Приехали, вот и отлично! Вы первый, пока еще никого нет. Пойдемте обедать, подполковник, — радушно предложил Николай Степанович, — сегодня смогу накормить вас настоящим обедом.

После плотного и вкусного обеда потянуло в сон. Какое уж тут, думаю, совещание… Николай Степанович будто прочитал мои мысли:

— А сейчас — отдыхать. Совещание будет ночью, так что не теряйте времени…

С того первого знакомства прошло много месяцев. И вот мы встретились снова.

— Ну, как живете, ветеран старорусских лесов? — спрашивает генерал Матвеев. — Как идут дела?

— Кажется, все в порядке, товарищ генерал.

— Хорошо ли работают связисты? Вспоминаете небось 11-ю армию и ее 33-й полк?

— Теперь уже дела идут лучше. А в первое время здорово помог нам 33-й. Надеюсь, что и 117-й станет не хуже.

Я подробно доложил о проводимых и намечаемых мероприятиях. А затем попросил удовлетворить наши заявки на радиостанции, полевой кабель и различную аппаратуру.

— Ну хорошо, ваши мероприятия одобряю. А вот насчет имущества — скоро не ждите. Сами знаете, какая обстановка сложилась на южных направлениях.

Генерал Матвеев в течение двух дней проверял работу связи армии. Проезжая по линии, мы не пропускали ни одного контрольно-телефонного поста, чтобы не посмотреть и его работу. И везде Николай Степанович беседовал с людьми, интересовался их жизнью, указывал на недостатки, давал ценные советы.

Начальник связи фронта остался доволен состоянием связи нашей армии и работой личного состава.

Вскоре меня вызвали в Управление связи фронта, а на обратном пути я неожиданно повстречал подполковника Сошальского. Мне показалось, что Алексей Андреевич еще больше похудел и был чем-то подавлен. Присели на обочине дороги, закурили, вспомнили свои семьи и нашу довоенную жизнь.

— Будешь писать домой, передавай привет Вере и дочкам.

— И ты, Алексей Андреевич, кланяйся от меня своим.

— Василий Прохорович, а о Зуеве ничего не слыхал? — неожиданно спросил Сошальский.

— Ничего, Алексей Андреевич…

— Дошло до меня, что Иван Васильевич застрелился[2]. За достоверность этих слухов не ручаюсь. Да и сам не очень верю им. Но так говорят…

Подавленные, мы распрощались и разъехались каждый своим путем.

* * *

С наступлением осени резко ухудшилось снабжение армии. Опять, как и веской, многие подразделения оказались отрезанными распутицей от штабов и складов своих частей. Не легко было в те дни и связистам. Противник всячески пытался дезорганизовать работу наших радиосетей, так как знал, что проводная связь в таких условиях действует с большими перебоями.

В одной из стрелковых бригад радиосвязь с батальонами поддерживал радист Кириченко. Нужно было передать срочное распоряжение командиру батальона. Кириченко быстро вошел в связь и приготовился к работе, но чуткое ухо радиста уловило — вмешалась чужая радиостанция. А незнакомый голос торопил: «Передавайте быстрей, я вас принимаю».

— Нас слушает посторонний, не иначе немец, — доложил Кириченко ефрейтору Басналееву.

— Ничего, мы его перехитрим, — ответил ефрейтор. — Сообщите, чтобы принимал мой друг радист Ирматов. Я передам сам, а немец пусть слушает сколько угодно — все равно ничего не поймет.

Через минуту Басналеев сидел у микрофона и передавал радиограмму на родном казахском языке.

* * *

23 ноября 1942 года советские танковые корпуса замкнули кольцо вокруг армии Паулюса под Сталинградом. Это был крах летнего наступления гитлеровцев на южных направлениях. А в декабре 1942 года 27-я армия получила боевое задание: имея главную группировку сил на восточном берегу Ловати, ударом на юг прорвать оборону противника, выйти на рубеж Сутиски, Быково, соединиться с частями 1-й Ударной армии и завершить окружение демянской группировки противника.

Войска перешли в наступление, но полностью выполнить задачу не удалось. Используя естественные непроходимые участки, немцы создали на направлениях возможного прорыва мощные узлы обороны. Недостаточное количество боеприпасов, невозможность применить средства усиления — танки и артиллерию, а также слабое продвижение 1-й Ударной — все это неблагоприятно сказалось на действиях соединений нашей армии.

В конце декабря начальника штаба армии полковника Ивана Ивановича Степанова сменил полковник Григорий Сергеевич Лукьянченко, а в январе началась подготовка к новой операции. На станцию Крестцы, где находилась наша армейская база снабжения, ежедневно прибывали эшелоны с новыми соединениями для нашего соседа — 11-й армии.

Г. С. Лукьянченко (фото 1963 г.)

В один из этих дней вызвал меня полковник Лукьянченко.

— Вы знаете, какое движение войск происходит сейчас ночью по дорогам из Крестцов к фронту?

— Знаю. И нет сомнения, что противник уже пронюхал об

этом.

— Правильно. И нам приказано попытаться ввести его в заблуждение. Пусть думает, что все прибывающие соединения идут не в 11-ю армию, а к нам. Короче говоря, необходимо провести оперативную маскировку. Через час, товарищ Агафонов, жду вас с планом использования средств связи для этой цели.

Вместе с Сергеем Петровичем Аверьяновым и Григорием Кузьмичом Поповичем мы быстро подготовили необходимые данные. Через час я докладывал начальнику штаба:

— По дороге Крестцы, Зайцево, Кушеверы, Лажины предлагаю вести по ночам работу радиостанций средней мощности только короткими радиосигналами. Днем будем изредка передавать из некоторых пунктов небольшие радиограммы, рассчитанные на прием радиостанцией нашего командного пункта. По интенсивности работы в эфире немцы и попытаются определить конечный маршрут прибывающих соединений.

С. П. Аверьянов (фото 1951 г.)

Г. К. Попович (фото 1964 г.)

Полковник Лукьянченко одобрил наши предложения. Проведенная армией оперативная маскировка достигла цели. Новый начальник штаба был вообще изобретателен и неутомим.

Высокий, атлетически сложенный Лукьянченко поражал нас своей работоспособностью. В любое время дня и ночи его можно было застать в штабе или встретить в соединениях. И было непонятно, когда он умудрялся отдыхать. Нам, связистам, начальник штаба уделял особое внимание.

Незадолго до начала операции мы тепло проводили генерала Озерова. Федор Петрович командовал потом армиями, был начальником штаба Волховского фронта, его 50-я армия в числе других штурмовала Кенигсберг, а генерал Озеров стал первым начальником гарнизона этой бывшей цитадели немецкого милитаризма.

Новым командармом был назначен генерал-лейтенант Сергей Георгиевич Трофименко. Волевое лицо, сдвинутые густые брови, сердитый, даже чуточку мрачноватый взгляд свидетельствовали о его крутом характере.

* * *

В февральской операции армия имела задачу овладеть Старой Руссой — мощным пунктом обороны и основным узлом коммуникаций демянской группировки противника, — а в дальнейшем наступать на северо-запад в направлении Шимска.

К приезду командарма на ВПУ все было подготовлено и

проверено. В надежности связи я не сомневался.

Нашему наступлению должна была предшествовать мощная артиллерийская подготовка. Но получилось по-другому.

Ранним утром 23 февраля противник, упредив нас, открыл артиллерийский и минометный огонь. Через пятнадцать минут вышла из строя проводная связь с ее многочисленными обходными направлениями. Меня вызвал генерал Трофименко.

— Почему нет связи? Для чего вы здесь находитесь?

— Перебиты все линии, товарищ командующий. Через десять — пятнадцать минут восстановим. А пока нет проводной связи, разрешите поставить у вас переносную радиостанцию…

— Сам знаю, когда пользоваться радиостанцией! — взорвался командарм. — Овладеем Старой Руссой, пойдем вперед, тогда и давайте радио. А сейчас чтобы была телефонная связь!

Через несколько минут телефон заработал, но буквально тут же линия снова оказалась перебитой. Очередная нахлобучка. Явившись по вызову командарма в третий раз, я не выдержал:

— Товарищ командующий, связисты тоже находятся в бою! Кругом рвутся снаряды и мины. В такой обстановке поддерживать бесперебойную проводную связь невозможно, а от радио вы отказываетесь…

— Опять вы о своем! — уже более спокойно ответил генерал. — Идите и принимайте все меры. Телефонная связь должна работать.

Как только начал стихать артиллерийский огонь, связь заработала более устойчиво.

В результате проведенной операции была прорвана оборона противника южнее Старой Руссы и перерезаны последние пути к демянской группировке. Своей активностью наша армия содействовала 11-й и 34-й армиям в ликвидации демянского котла.

Однако очень ранняя оттепель сделала невозможным дальнейшее продвижение. Противнику удалось удержать Старую Руссу. Соединения 27-й армии закрепились на новых рубежах.

Сразу же после окончания операции ко мне зашел начальник отдела кадров.

— Командующий приказал представить отличившихся связистов к правительственным наградам. Скажу по секрету, вы представлены тоже.

После того, что произошло на ВПУ командарма, я ожидал чего угодно, но только не этого.

Забегая вперед, скажу: работать с генералом Трофименко было хотя и нелегко, но интересно. Требовательный и суровый, он всегда внимательно выслушивал мои соображения,

касающиеся связи, а нередко спрашивал и совета в выборе пунктов управления. Если я находился на наблюдательном пункте, командарм подзывал меня к стереотрубе и говорил: «А ну-ка, взгляните. Видите, как успешно идет прорыв? Немцы начинают отходить. Готовы ли ваши связисты? Здесь мы не засидимся». Но так было потом, в дальнейших боях.

С завершением февральско-мартовской операции закончилась боевая деятельность войск нашей армии на Северо-Западном фронте. В апреле мы передали занимаемую полосу 34-й армии и вышли в резерв Ставки, а потом передислоцировались в Рязанскую область.

Незадолго до того в резерв Ставки была выведена и 11-я армия. Мне удалось побывать у старых боевых друзей, повидать майора Гошаля, капитана Васильева, полковника Сошальского. Это была встреча перед долгой разлукой. Рошаля я увидел затем только после войны на учениях в Германии, с Васильевым довелось встретиться лишь через 12 лет, когда я уже ушел в отставку, а он работал в Министерстве связи. А вот Алексея Андреевича Сошальского я видел тогда в последний раз. 31 августа 1943 года коммунист Сошальский погиб на Луганщине в бою под селом Дьяково.

6

В первых числах мая 1943 года армия, получив новые соединения, совершила многокилометровый марш под Ливны, Орловской области. В течение двух месяцев войска строили здесь тыловые оборонительные рубежи, совершенствовали свое боевое мастерство, готовились к предстоящим жестоким сражениям. Боевая подготовка в подразделениях шла успешно, но меня по-прежнему беспокоил некомплект имущества. Недоставало кабеля, телефонных аппаратов, переносных радиостанций. В полку не было ни одного исправного мотоцикла. Во время учебы мы обеспечивали связь, но в боевых условиях управление войсками могло оказаться под угрозой.

Эти мысли ни на минуту не покидали меня. Решил еще раз вызвать своего помощника по снабжению и ремонту инженер-майора Гринченко.

А. А. Гринченко (фото 1945 г.)

Надо сказать, поначалу, когда Гринченко перевели в наш отдел, я словно бы разочаровался в нем, хотя сам ходатайствовал об этом переводе. Свои прямые обязанности он исполнял будто и добросовестно, но без особой инициативы, без огонька, что ли… К жизни отдела Гринченко тоже вроде бы оставался равнодушен, товарищей сторонился. А в нашем отделе давно существовали совсем иные традиции. Я уже стал подумывать: «Может, не по душе инженеру новая должность?» Но тут я был совершенно неправ. Пока Алексей Алексеевич вникал в работу отдела, пока по-настоящему не освоился с новой должностью (а она была не из легких), пока близко не узнал своих товарищей по работе, он действительно держался как-то в стороне от всех и от всего. Но прошло немного времени, и Гринченко незаметно стал душой коллектива. Веселый, жизнерадостный, изобретательный, он не только прекрасно справлялся со своими обязанностями, но выполнял их, я бы сказал, как-то особенно лихо, с блеском. А своим отношением к трудностям напоминал мне полковника Козачка: трудности не пугали, а, скорее, вдохновляли инженер-майора. Мне порой даже казалось — исчезни разом все трудности, Гринченко сникнет.

И уж совершенно был я неправ, когда посчитал майора Гринченко малоинициативным командиром. Его инициативы хватило бы на троих. Вот и теперь, когда вырисовалось весьма неприглядное положение со средствами связи, я решил еще раз посоветоваться с Гринченко, в надежде, что он сумеет найти какой-нибудь выход.

— Что будем делать, Алексей Алексеевич? Обещают что-

нибудь снабженцы?

— Ничего утешительного, товарищ полковник. Если говорить откровенно, то надежды мало. Это точно.

— Надо же что-то делать. Мотоциклов нет. Кабеля нет. Линейные надсмотрщики изолируют сростки кабеля газетами и тряпками! В частях забыли, как выглядит изоляционная лента. С радиостанциями и питанием к ним тоже не лучше…

Алексей Алексеевич рассеянно слушает меня (все, что я говорю, для него не новость), потом начинает смущенно улыбаться:

— Знаете что, товарищ полковник, давайте рискнем?

Ага, думаю, кажется, входит в азарт, это уже хорошо. И я решил подзадорить своего помощника:

— А чем мы, собственно говоря, можем рискнуть?

— Риск, конечно, есть риск… Но что остается еще делать? — тянет Гринченко.

— Готов рискнуть чем угодно! — здесь уже, кажется, я сам начал входить в азарт.

— Пошлите меня в Москву. Ей-богу, кое-что привезу, — выпаливает он.

Скажи это кто-то другой, меня бы наверняка разочаровало такое предложение. Многим казалось, что в Москве только и ждут, чтобы удовлетворить наши заявки, что снабженцы в Москве — добрые дяди, а наши фронтовые — лютые вороги. Нет, я понимал, что трудности снабжения вызваны объективными причинами, а не только нерасторопностью армейских или фронтовых снабженцев. Но в выдающиеся способности майора Гринченко я верил, как фаталист.

— Что ж, Алексей Алексеевич, это, пожалуй, идея! Конечно, на таком деле я могу заработать выговор, а возможно, и больше…

— Возможно, и больше, — утешает Гринченко. — Начальство не очень любит, когда обращаются через его голову.

— Знаю, и все равно готов понести любое наказание — лишь бы получить мотоциклы, кабель, радиостанции и злополучную изоляционную ленту. Только вы уж давайте начистоту: надеетесь привезти?..

— Надеюсь, товарищ полковник.

— Тогда счастливо!

Через несколько дней Алексей Алексеевич сообщил телеграммой, что достал десять мотоциклов, около трехсот километров телефонного кабеля, свыше ста кругов изоляционной ленты, несколько переносных радиостанций, телефонные аппараты и другое имущество.

Когда утих мой первый восторг, пришло место беспокойству.

Гринченко достал имущество — хорошо. Но это еще полдела. Если груз пойдет по железной дороге, когда он попадет к нам? Этот вопрос не показался мне праздным. Но я, видимо, не до конца постиг способности своего подчиненного. Гринченко ухитрился разыскать в Москве автомашины, которые отправлялись в наш армейский автобат, ускорил их отправку и появился через десять дней со своим драгоценным грузом.

Незадолго перед тем вызвал меня генерал-майор Лукьянченко. Встретил на редкость сурово.

— Почему не работает связь? С утра не могу переговорить ни с одной дивизией… В чем дело?

— Товарищ генерал! Как раз перед вашим вызовом все проверил, связь с дивизиями работает нормально.

— Может быть, может быть, — неопределенно произнес начальник штаба. — В таком случае, садитесь и проверяйте при мне.

На коммутаторе дежурила одна из лучших связисток — парфинская телефонистка Полина Сысоева. Вызываю станцию:

— Поля! Давай по очереди всех командиров дивизий.

Не прошло и получаса, как Лукьянченко переговорил со всеми.

— Убедились, что все в порядке, товарищ генерал?

— Это просто случайно, наверное потому, что вы здесь, — улыбаясь, ответил он. — Ну, хорошо. Только имейте в виду, завтра к нам приезжает Мехлис.

Для меня все стало ясно: проверка перед появлением начальства. И я вспомнил, что строгость у Лукьянченко была какая-то не настоящая. «Дипломат», — без тени осуждения подумал я, но, говоря откровенно, не на шутку разволновался.

Естественно, что с этого момента я не отлучался с узла связи. На другой день вызвали к командующему. Здесь был и Мехлис, — я узнал его по ранее виденным портретам.

— Как дела со связью и имуществом? — сурово спросил он.

— Связь работает нормально, товарищ генерал. А с имуществом плохо. Мало радиостанций, не хватает кабеля. Нет мотоциклов…

— Что предпринимаете?

— На свой риск, товарищ генерал, послал помощника по снабжению в Москву. Знаю из телеграммы, он кое-что достал.

— Ну что ж, правильно сделали. А как вообще у вас со связью, товарищ Трофименко? — обратился он к командарму.

— Я удовлетворен работой связистов, товарищ Мехлис.

Больше меня не задерживали.

…По обстановке на фронте чувствовалось: наша учеба

подходит к концу.

5 июля началось наступление немцев на орловско-курском и белгородско-курском направлениях. 8 июля наша армия начала марш-маневр с задачей выйти в район Тургеневка, Ивань 1-й, Кобзево, Смирное и подготовить удар в направлении Малоархангельска и Понырей.

В ходе марша, ввиду изменившейся обстановки (наступление гитлеровцев удалось сдержать), войска армии были повернуты в юго-западном направлении с новой задачей: выйти на рубеж Макаровка, Бунино и занять оборону фронтом на юг и юго-запад по реке Сейм, в основном на рубеже Курского укрепленного района. В каждое соединение был послан на самолете офицер штаба. Через тридцать минут все соединения изменили направление движения. Армия вошла в подчинение Воронежского фронта.

19 июля соединения достигли конечного района сосредоточения: (исключительно) Мокрушино, Новоясеновский, Зинаидино, Вышние Пены, Студенок, Пены. Сюда армия подтягивала свои тылы, готовилась к предстоящим боевым действиям. После трехмесячного перерыва мы вновь вошли в соприкосновение с противником.

На исходном положении перед началом наступательной операции по уничтожению белгородской группировки противника КП армии был расположен в районе Красной Яруги. С соединениями армии и взаимодействующими с ней 4-м гвардейским и 10-м танковыми корпусами была организована радио — и телеграфно-телефонная связь. Кроме того, с НП командующего также существовала радио — и проводная связь к НП командиров соединений, действовавших на главном направлении.

Чтобы выявить систему обороны противника и улучшить исходные позиции, 4 августа усиленные батальоны четырех стрелковых дивизий первого эшелона провели разведку боем. Для развития успеха командующий дополнительно ввел в бой еще несколько батальонов. Передний край обороны гитлеровцев был взломан во всей полосе армии, и наши части продвинулись на 2–4 километра в глубину.

С утра 5 августа войска повели решительное наступление по всему фронту армии, противник начал отходить, советские танки и пехота ворвались в Грайворон и продолжали развивать наступление в направлении Ахтырки. Здесь-то и сказалось отсутствие достаточного опыта в организации связи в период стремительного наступления.

Я сразу понял, что совершил большой промах, решив

поддерживать проводную связь со всеми шестью дивизиями по отдельным направлениям и строить ось связи. В новых условиях опыт Старой Руссы, где продвижение войск ограничивалось несколькими километрами в глубину, оказался непригодным. К тому же армейские части связи не имели опыта прокладки линий вслед за быстро продвигавшимися войсками. И не случайно на первом этапе наступления проводная связь работала со значительными перерывами.

Чтобы выправить положение, стали срочно перестраивать способы организации связи с соединениями. Выслал вперед взвод лейтенанта Тимашева, поставил майора Шаповала руководить доставкой бревен для строительства телефонно-телеграфной линии. Но уже через полчаса Тимашев сообщил, что в направлении Грайворон, Ахтырка имеется постоянная линия, правда сильно разрушенная на отдельных участках. Вызвал командира авиационной эскадрильи связи капитана Александра Яковлевича Джеваго.

— Нужно срочно выяснить, есть ли постоянная линия в направлении Грайворон, Ахтырка и в каком состоянии она находится. В помощь вам выделяю майора Дудыкина, на бреющем полете он сможет все просмотреть, а вы пошлите опытного летчика — лейтенанта Атланова или вашего заместителя старшего лейтенанта Королева…

— Не надо отрывать ваших людей, товарищ полковник. Я поручу это дело Королеву, он справится.

— В таком случае пусть поторопится. Момент подходящий — авиации противника сегодня в воздухе нет.

Через два часа я располагал необходимыми данными, такой способ разведки стал практиковать и в дальнейшем. Теперь проводную связь мы организовывали следующим образом: вслед за продвигающимися частями строились основная и вспомогательная оси связи армии. На концах обеих осей развертывались вспомогательные узлы связи (ВУС), возглавляемые офицерами отдела. От ВУС начальники направлений строили кабельно-шестовые линии к обслуживаемым соединениям. На каждую ось обычно базировались две-три дивизии (дивизии второго эшелона, как правило, базировались на основную ось). При вынужденном переходе армии к обороне связь снова организовывалась по отдельным направлениям.

Особенно большая нагрузка выпала в те дни на долю телеграфно-строительных подразделений. Активизировалась авиация противника, линии то и дело приходилось восстанавливать. А в летные часы фашистские пилоты просто

охотились за связистами, работавшими на линиях.

914-ю телеграфно-строительную роту, ту самую, что прошла с нами весь путь от госграницы, возглавил лейтенант Тимашев.

* * *

Сосредоточив танковые дивизии, противник 18 августа нанес контрудар из района Ахтырки в восточном и юго-восточном направлениях. Армия вынуждена была временно отказаться от наступательных действий и вела тяжелые оборонительные бои. Сдержав натиск врага, армия вновь перешла в наступление.

Незадолго до начала контрнаступления немцев я находился в расположении 38-й кабельно-шестовой роты, которой командовал старший лейтенант Евгений Петрович Фомин.

Е. П. Фомин (фото 1945 г.)

На окраине небольшого совхозного поселка, в тени ветрозащитной полосы, отдыхали от ратных дел солдаты: кто, устроившись поудобнее, писал письма, кто читал газету, кто затеял небольшую постирушку, а кто просто спал, развалившись в траве, или, закрыв глаза, вспоминал далекий дом… Не часто солдату выпадали такие минуты.

Лето было на исходе, но по-прежнему дули горячие ветры, кружили по дорогам сухую пыль, днями знонко палило солнце, а в тени лесопосадок — и не жарко, и ветер потише. И тут мы увидели трех бойцов, которые, пристроившись на небольшом холмике, жарились на солнцепеке.

— Неужели не надоела жара? — спросил я старшего

лейтенанта Фомина, показывая на загоравших.

— Многие никак не прогреются после старорусских болот.

И мне невольно вспомнилась Старая Русса, вернее, леса и болота на подступах к ней, вязкая хлябь дорог. Вспомнились долгие знобкие вечера, и нечаянное тепло ночлега, и густые утренние туманы, когда так не хочется покидать жилье…

А здесь прохлада наступает только с вечерними сумерками, и даже в заметно подлинневшие августовские ночи бойцы не жмутся к теплу уцелевших домов, не ищут ночлега под надежной крышей. Первые же лучи мгновенно растапливают осевшую по низинам легкую дымку тумана, быстро прогревают открытые места, над головой уверенно поднимается слепящее солнце.

Украина! Бойцы-украинцы, вступив на родную землю, целовали ее, а майор Шаповал и не пытался скрывать своих слез… Тяжело сейчас Родиону Ильичу. Совсем недавно он узнал о смерти жены. Мы привыкли здесь встречаться со смертью и, хотя болезненно переживали каждую утрату, видели в этом закономерность войны. Но смерть там, в тылу, казалась нелепостью, больше того — несправедливостью.

Что это на меня нашло? Увидел, как отдыхают люди, и размагнитился. Нервы сдают, что ли…

— Ну, товарищ старший лейтенант, пусть люди отдыхают, а я поехал на КП. Вы тоже отдохните, ведь больше одного-двух дней мы не сможем держать вас в резерве.

— Товарищ полковник, подождите еще полчаса. Повар Смеловский таким обедом грозился накормить… Он до войны работал шефом в ресторане «Поплавок» в Куйбышеве. Прямо, говорит, ресторан на Волге качался…

Но я не мог ждать. Поблагодарив Фомина, выехал на командный пункт армии.

Только приехал на КП, вызвали к телефону. Докладывал старший лейтенант Фомин. В Ахтырке разгорелся сильный бой, не прекращается бомбежка. Ближе к Ахтырке оборону заняли курсы младших лейтенантов. В роте совершенно нет противотанковых средств и автоматов.

Генерал Лукьянченко через минуту уже кричал в трубку:

— Фомин! Фомин! Продержитесь до вечера. Только до вечера! К ночи мы вас сменим. Зарывайтесь в землю. Вы меня слышите, Фомин? Сейчас постараюсь помочь противотанковыми гранатами и автоматами. Зарывайтесь в землю! Противник попытается расширить коридор прорыва. Будьте готовы к отражению танковых атак. Не теряйте связь с курсами младших лейтенантов. Боюсь, левее вас есть некоторый разрыв в обороне. Обстановка еще не совсем ясна, но в глубине прорыва немцы уже

выдыхаются… Вот тебе и в резерве! — устало сказал мне Лукьянченко. — Товарищ Агафонов, после боя всех отличившихся представить к наградам. А сейчас любой ценой доставить Фомину противотанковые средства.

Я вызвал майора Гринченко. Выслушав приказ начальника штаба, он только чуть шевельнул усами и пулей вылетел с КП.

Через час старший лейтенант Фомин доложил, что в боевые порядки роты прибыли две машины с противотанковыми гранатами, автоматами, патронами.

В 4 часа дня после очередной бомбежки на позиции роты Фомина из зарослей кукурузы выползли пять фашистских танков. За ними бежали автоматчики с засученными рукавами.

Фомин подпустил немцев метров на двести, потом по его команде рота открыла такой огонь, что гитлеровцы, бросив убитых и раненых, помчались обратно в кукурузу. Танки тоже повернули назад, один из них при развороте наскочил на мину и застыл на месте. Однако опасность еще не прошла. Немцы попытались обойти позиции роты, но натолкнулись на отчаянное сопротивление курсантов и к ночи откатились. На этом участке им так и не удалось расширить коридор прорыва.

С наступлением темноты роту сменили подразделения воздушнодесантной дивизии, а через несколько дней положение было полностью восстановлено. Сдержав натиск врага, армия вновь перешла в наступление…

…Сейчас, задним числом, не так уж трудно проанализировать ту или иную операцию Великой Отечественной войны, заметить допущенные ошибки, найти наилучшие варианты действий. Кое-кому может даже показаться, что не так-то уж трудно и руководить армией, достаточно, дескать, быть вдумчивым человеком и грамотным генералом. Глубоко заблуждаются те, кто мыслит подобным образом. Мне самому привелось убедиться на всю жизнь, что полководческий талант — не только выучка, не только знания, но и нечто большее. Вот это «нечто» было присуще генералу Трофименко.

Во время преследования отходящего противника НП командарма находился на опушке леса неподалеку от Грайворона. А на дороге Грайворон — Ахтырка неожиданно была замечена большая колонна войск. В ходе дневного боя обстановка настолько запуталась, что было неясно: немцы это или наши. Начальник разведки стал убеждать генерала Трофименко, что это наши. Командующий артиллерией уверял, что немцы, и просил разрешения открыть огонь. Разгорелся спор — чьи войска?

Момент был ответственный: не ударишь по колонне — противник отойдет без потерь, ударишь… а вдруг это свои.

Выслушав доводы начальника разведки и командующего артиллерией, генерал Трофименко несколько минут нервно ходил по НП, потом резко повернулся к командующему артиллерией и твердо сказал одно только слово:

— Огонь!

Колонну накрыли мощные залпы тяжелых орудий. На дороге Грайворон — Ахтырка остались сотни трупов гитлеровских солдат и офицеров, большое количество автомашин, боевой техники.

Был ли здесь риск? Нет. Генерал Трофименко не пошел бы на такой риск. Упустить врага, в конце концов, простительно, а вот накрыть мощными огневыми залпами свои же войска — равносильно тяжкому преступлению. Тут, видимо, дело заключалось в другом. Командарму потребовалось несколько минут какого-то особого напряжения воли, памяти, знаний, интуиции, расчета, чтобы безошибочно определить, чьи войска могут находиться в данном районе. Я уверен, если бы штаб, располагая только теми сведениями, которые мы имели в тот момент, занялся их анализом, то он, безусловно, пришел бы к выводу, что по дороге движется противник. Но этот вывод уже не имел бы практического значения: мы упустили бы время. Вывод же, сделанный командармом, решил все. Не это ли качество — умение правильно произвести анализ не вообще, а в нужную единицу времени — одно из главных достоинств подлинного полководца!

* * *

Враг не только яростно сопротивлялся на земле. Немецкая авиация старалась дезорганизовать работу тылов нашей наступающей армии, разрушить ее коммуникации, вывести из строя линии связи. Не знали отдыха телеграфно-строительные подразделения, занимавшиеся не только постройкой новых линий, но и ремонтом уже существующих. Ранним утром была основательно повреждена в результате бомбежки постоянная линия к 6-й гвардейской армии. Вызываю майора Шаповала.

— Как дела, майор?

— Хорошего мало, товарищ полковник. Видали, как они, гады, лютуют? Вон в Грайвороне забросали гранатами стариков и детей, укрывшихся в подвале церкви… Волосы шевелятся, как вспомню об этом…

Шаповал был взвинчен до предела, и я решил сменить тему. После смерти жены к Родиону Ильичу приехал

шестнадцатилетний сын Виталий. Юноша интересовался радиотехникой, мечтал стать, как отец, связистом. Мы определили его в армейские мастерские.

— Ну а как Виталий, привыкает у нас?

— Сынок молодец. И к работе уже привыкает. Нравится, говорит…

— Пусть пока поработает. Направим его со временем на курсы младших лейтенантов. А вам, Родион Ильич, предстоит важное дело: к исходу дня надо восстановить постоянную линию к 6-й гвардейской армии. Возьмите один взвод из роты Тимашева и, как говорят, с богом. Имейте в виду, по этой цепи будут работать и телеграф и телефон.

— Ясно, товарищ полковник!

— Желаю успеха, Родион Ильич!

Весь день грохотала далекая артиллерийская канонада, землю сотрясали взрывы авиабомб. И только к вечеру, когда солнце спряталось за щетиной далекого леса, наступили часы долгожданной тишины. Обсыпанный землей, уставший и голодный, приехал из соединений Сергей Петрович Аверьянов.

— Ну и денек, будь он неладен, пойду помоюсь да позавтракаю, хоть дело к ночи.

Чуть поздней вернулась группа связистов. Опустили на землю носилки, скупыми движениями стащили с голов пилотки. Люди не расходятся, ждут, когда к ним подойдут товарищи и также застынут в скорбном оцепенении. Бросаюсь к ним, предчувствуя большую беду, осторожно протискиваюсь туда, куда устремлены все взгляды…

— Родион Ильич!

На носилках из плащ-палатки, вытянувшись во всю их длину, лежит майор Шаповал. Каблуки его запыленных сапог уперлись в землю и ноги чуть напружены, грудь обхватили землисто-пергаментные руки. Лицо уже отчужденное, со строго сомкнутыми синеющими губами, с выпуклыми веками закрытых глаз, с мертвой щетиной впавших щек. Я опускаюсь на землю и долго шепчу:

— Родион Ильич… Родион Ильич…

Слышу детское всхлипывание. Это Виталий. Он стоит, беззащитно прижав руки к груди. В сгустившихся сумерках влажно блестят его глаза. Кто-то гладит юношу по непокрытой голове.

…На другое утро под Воскресеновкой раздался нестройный залп: мы проводили в последний путь своего боевого товарища. Над маленьким могильным холмиком выросла деревянная тумба с красной пятиконечной звездой.

И тогда мне снова вспомнилась Старая Русса — там прошли нелегкие месяцы нашей совместной службы, там подружились мы с Родионом Ильичом. А здесь, на его родной украинской земле, мы навсегда расстались. Последнее свое задание коммунист Шаповал выполнил блестяще. Проводная связь, восстановленная под его руководством, действовала бесперебойно. Пулеметная очередь фашистского самолета сразила Родиона Ильича, когда работа уже была закончена. За мужество и отвагу майор Шаповал был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Стойко перенес гибель отца шестнадцатилетний Виталий. Вскоре мы послали его на курсы младших лейтенантов. Впоследствии Виталий Родионович Шаповал стал хорошим офицером-связистом.

* * *

В разгар боев под Ахтыркой прибыла танковая армия. Нужно было срочно установить по кабельной линии связь с НП ее командующего. Расстояние от проходившей на Ахтырку постоянной линии, в одну из цепей которой предстояло включить кабель, до НП было с полкилометра. Поручаю это несложное задание лейтенанту Демьяненко. Смелый, физически очень сильный человек, лейтенант Демьяненко справлялся с делами и посложнее.

А здесь меня что-то взяло сомнение. За день намотался, лег отдохнуть, а сон не идет. Вдруг, думаю, не дадут к утру связь? Тут же начинаю себя успокаивать: не может быть, чтобы Демьяненко не справился. Опытный офицер, награжден несколькими орденами и медалями… А какая силища у него в руках: легко гнет трехмиллиметровую проволоку. И все же… Я встал, посмотрел на часы: 4.00. Звоню начальнику штаба:

— Товарищ генерал, разрешите выехать на линию?

— Чего вам не спится?.. Что-нибудь случилось, товарищ Агафонов?

— Просто берет сомнение: успеет ли к сроку связь с НП танковой армии.

— Езжайте. Имейте в виду: командарм будет там в 6.00.

Через несколько минут я был уже на линии. У небольшой деревушки увидел связистов, прокладывавших кабельную линию. Остановил машину.

— Чей взвод?

— Взвод Демьяненко, товарищ полковник, — отвечает сержант. — Да вон и сам лейтенант бежит.

— Демьяненко! Что вы делаете?

— Прокладываю линию на КП танковой армии.

— Вы в своем уме?! Связь приказано дать на НП.

— Виноват, товарищ полковник. Связисты танковой армии сказали, что их командарм на КП.

— Немедленно снимайте линию и следуйте на наш НП.

Помчался на узел связи танковой армии. Связисты выручили меня — дали две катушки кабеля. Демьяненко размотал 4 километра провода, больше у него ничего не осталось.

— Ну как, залезешь на столб без когтей? — спрашиваю своего шофера, подъехав к постоянной линии.

— Конечно, товарищ полковник.

— Бери два конца кабеля и включай в цепь… Я покажу в какую.

Через пять минут кабель был включен в провода.

— А теперь бери обе катушки и бегом разматывай кабель на НП. Катушки отдашь связистам, скажешь, чтобы немедленно включили линию в коммутатор.

Время приближалось к шести утра. К НП танкистов проехал генерал Трофименко. И опять меня взяло сомнение: «Вдруг неисправен кабель, вдруг не работает связь?» Давало себя знать напряжение последних дней. Бросился к машине. Минут через пятнадцать были на своем НП. Вбежал на узел связи.

— Как дела, Евгений Петрович? — спрашиваю командира 38-й роты капитана Фомина.

— Все в порядке, товарищ полковник. Генерал Трофименко только что говорил по телефону с нашим НП, а потом с начальником штаба.

* * *

Под ударами войск 40-й армии с севера и нашей армии с севера и востока город Ахтырка, несколько раз переходивший из рук в руки, после ожесточенных боев вновь был взят нашими войсками 25 августа. Противник начал отходить на юго-запад.

Связисты кабельно-шестовых подразделений напрягали все силы, чтобы не отстать от своих войск. В ходе преследования гитлеровцев начальники направлений, не ограничиваясь установкой связи до НП командиров дивизий, строили линии вслед за продвигающимися передовыми частями. Расстояние от пунктов управления некоторых дивизий до командного пункта армии достигало порой сорока и более километров, что резко ухудшало слышимость. Из-за недостатка средств пришлось

перейти на однопроводные кабельно-шестовые линии. Дежурным телефонистам контрольно-телефонных постов часто приходилось дублировать переговоры, а это очень замедляло управление войсками.

Понимая, что технические возможности связи имеют свой предел, генерал Лукьянченко стал постоянно согласовывать со мной выбор населенного пункта, в котором предполагалось развернуть оперативную группу (мы по-прежнему называли ее ВПУ). А однажды мне даже пришлось изменить место развертывания ВПУ. Намеченный для этой цели поселок был полностью разрушен. Уцелела только школа, но она не подошла нам: вблизи не оказалось постоянных линий. Между тем связисты обнаружили, что в 3–4 километрах расположен населенный пункт Химки, через который в нужном направлении проходит местная постоянная линия в одну цепь. К тому же в Химках сохранились почти все постройки.

Отдав необходимые приказания, я выехал в Химки. К приезду командующего связь была подготовлена. Вечером, закончив дела на узле, вышел на улицу. Иду мимо дома, в котором разместился генерал Трофименко. Слышу его голос: «Агафонов, зайдите!» Тут же вспомнил, что допустил промашку — не выставил «маяк» у школы в поселке, где первоначально думали развернуть ВПУ.

— Молодцы ваши связисты, товарищ Агафонов! — добродушно встретил меня командарм. — Подъезжаем к школе — никого. А у стены классная доска, и на ней крупными буквами написано мелом: «Агафонов — Химки». Повернули сюда. Молодцы, молодцы связисты. И работают хорошо, и смекалку имеют.

— Не пойму я вас, товарищ командующий, то ругаете связистов, то хвалите, — слукавил я.

— Эх, батенька! Ругают не того, кто ничего не делает! Того просто снимают. А связисты работают день и ночь! Разве не вижу?

Командарм пригласил меня к карте. Предстояли новые бои, перед связистами вставали новые задачи, и генерал Трофименко с большими подробностями информировал меня о сложившейся на фронте обстановке.

7

После сражения под Курском немцы пытались остановить наступление наших войск на промежуточных рубежах. Но гитлеровское командование, видимо, не очень надеялось на успех и не случайно изо всех сил укрепляло свой Восточный вал,

основой которого был Днепр.

В ходе успешного форсирования Днепра войска Воронежского фронта[3] захватили несколько плацдармов на правом берегу. Южнее Киева, у Букрина, образовался букринский плацдарм, севернее Киева, у Лютежа, — лютежский.

В середине сентября 27-я армия совершила марш из-под Опочки через Зеньков, Гадяч, Лохвицу в район Переяслав-Хмельницкого. А с 25 сентября с рубежа Козинцы начала форсировать Днепр в районе букринского плацдарма.

Когда вспоминают о форсировании водных рубежей, непременно применяют термин — «подручные средства». Как только мы подошли к Днепру, появилась новая команда: «Ломай сараи!» А после форсирования вряд ли можно было найти на левом берегу хоть одно строение, которое подходило бы под определение «подручные средства». К реке стаскивали все, что держалось на воде, что можно было использовать во время переправы. Бревна, доски, деревянные щиты, бочки, канистры превращались в большие плоты или маленькие индивидуальные плотики. Лодка считалась богатейшей военной добычей.

Под разрывами снарядов и мин связисты вместе с бойцами передовых батальонов форсировали осенний Днепр, вгрызались в узкую полоску плацдарма, отражали контратаки, обеспечивали связь.

Обвальный грохот сотрясал все вокруг: немцы били из всех калибров. Высокие фонтаны вздымались над рекой, а потом, словно подрубленные, обрушивались тяжелым холодным дождем на головы смельчаков. А бойцы передовых батальонов неудержимо рвались вперед.

Начальнику связи 136-й стрелковой дивизии майору Ивану Ивановичу Спице пришлось в тот горячий момент улаживать своеобразный «инцидент». Командир 210-й отдельной роты связи доложил, что взрывом авиабомбы контужен взводный — лейтенант Павел Богатов и что он наотрез отказывается от эвакуации в госпиталь.

— А вы прикажите, — посоветовал майор Спица.

— Уже приказывали, — безнадежно махнул рукой ротный.

— Что же говорит Богатов?

— Говорит, что не бросит взвод в такой обстановке, а после форсирования готов отправиться хоть в санаторий.

— А как он все-таки себя чувствует?

— Да откуда я знаю, товарищ майор… Врач считает, надо срочно в госпиталь. Богатов стоит на своем.

— Может, и прав лейтенант. Если чувствует в себе силы, пусть сам ведет бойцов.

Взвод Богатова в числе первых проложил телефонную линию на правый берег Днепра.

Передовые подразделения 136-й стрелковой дивизии, форсировав Днепр, захватили остров Казачий. 5 октября 358-й стрелковый полк, которому взвод лейтенанта Богатова обеспечивал связь, отбивал ожесточенные контратаки врага. В этот ответственный момент была повреждена линия, проложенная в воде. И снова отличился Павел Богатов. Бросившись в ледяную воду, он нашел концы оборванного кабеля, срастил их и восстановил связь. Казалось бы, пора уже лейтенанту отправиться если не в санаторий (как он грозил), то хотя бы в госпиталь. Но ничего подобного не случилось, да и не было в этом необходимости. Взводный чувствовал себя прекрасно. Как только были отбиты атаки гитлеровцев, Богатов вызвался идти с группой разведчиков в тыл противника. На третьи сутки разведчики достигли окраины Киева и спрятались в развалинах небольшого дома. Им удалось обнаружить замаскированные тяжелые орудия, минные поля, многочисленные огневые точки. В назначенное время лейтенант Богатов развертывал радиостанцию и передавал на КП дивизии все новые данные о фашистах. Благодаря этим сведениям дивизия почти без потерь преодолела оборону немцев и ворвалась в Киев.

За проявленный героизм лейтенанту Павлу Михайловичу Богатову было присвоено звание Героя Советского Союза. По окончании войны он в составе сводного полка 1-го Украинского фронта участвовал в Параде Победы, а демобилизовавшись, поступил на юридический факультет Саратовского университета и успешно закончил его.

За форсирование Днепра звания Героя Советского Союза были также удостоены воины-связисты 163-й стрелковой дивизии: командир телефонного взвода роты связи 529-го стрелкового полка лейтенант Александр Иосифович Рощин и командир телефонно-кабельного взвода 863-й отдельной роты связи старший лейтенант Василий Александрович Шулятиков, командир отделения связи 529-го стрелкового полка сержант Сергей Тимофеевич Ивашуров и рядовые роты связи 1318-го стрелкового полка Иван Романович Карасев и Михаил Корнеевич Пилипенко. Золотую Звезду Героя получили также связисты 38-й стрелковой дивизии: командир телефонного взвода 703-й отдельной роты связи младший лейтенант Иван Иванович Оленин и телефонист рядовой Кузьма Антонович Гаврилов.

* * *

Участки переправ и районы сосредоточения войск находились под непрерывным воздействием артиллерийско-минометного огня и авиации противника. Переправу основных сил армии производили только в ночное время. Части соседних армий — 40-й (справа) и 47-й (слева) вели упорные бои, с трудом удерживая захваченный ими на западном берегу плацдарм. Переправившиеся подразделения и части нашей армии вступали в бой, имея весьма ограниченное количество артиллерийских и минометных средств. Как только переправились основные силы, развернулись еще более ожесточенные бои за расширение букринского плацдарма.

Обеспечивая надежное взаимодействие с 3-й танковой армией, мы помимо проводной связи между штабами организовали отдельное радионаправление. Надежную связь установили и между соединениями (стрелковыми дивизиями и танковыми корпусами).

Однако, несмотря на все усилия наших войск, прорвать оборону гитлеровцев на правом берегу Днепра не удалось. Одна из причин нашей неудачи заключалась в том, что изрезанная оврагами местность не позволяла производить маневр танками. Кроме того, неприятель занимал ряд господствующих высот. Решением Военного совета фронта наступление было приостановлено, а 3-я гвардейская танковая армия переброшена с букринского плацдарма под Киев.

Переправа танков на левый берег Днепра производилась в ночное время. Распоряжением штаба фронта в целях маскировки на плацдарме были оставлены фанерные макеты танков и реально работающие в прежнем режиме радиостанции.

По договоренности с начальником связи 3-й гвардейской танковой армии полковником Петром Петровичем Борисовым, руководство радиомаскировкой я возложил на майора Аверьянова, которого в то время в шутку называли «начальником обмана». Сергей Петрович блестяще справился с этой задачей.

27-я армия осталась на плацдарме, продолжая бои за его расширение. Пытаясь сбросить наши войска в Днепр, немцы контратаковали, не считаясь с потерями.

В отражении контратак вместе с бойцами передовых подразделений нередко участвовали связисты.

Когда гитлеровцы атаковали один из батальонов 659-го стрелкового полка, вместе с другими бойцами бросился в бой линейный надсмотрщик Донцов. Атака была отражена. Донцов вернулся к аппарату, но связь не работала. А по всему чувствовалось: близка новая атака. Донцов побежал на линию. Разыскав порванный кабель, связист не успел сделать сростков —

на него набросились трое фашистов. Выстрел — и здоровенный фашист, схватившись за живот, рухнул на землю. Второго Донцов принял на штык. Третий попытался удрать, но и его настигла пуля.

В это время подполковник Попович и инженер-капитан Комаров с группой радистов находились на НП. Чтобы получить информацию непосредственно с поля боя, Попович приказал Комарову настроить личную радиостанцию командарма на одну из дивизионных радиосетей. Вскоре Комаров услышал, как командир полка докладывал командиру дивизии о большом скоплении немцев, готовящихся атаковать позиции полка, и просил помочь артиллерией. Чтобы ускорить помощь, Попович и Комаров тут же сообщили необходимые данные артиллеристам. Прибежавший на НП офицер-артиллерист переговорил по радио с командиром полка, уточнил координаты целей. Через несколько минут грянул залп РС, затем Комаров услышал в эфире восторженный голос командира стрелкового полка: «Отлично! Отлично! Спасибо «катюше»!» Атака неприятеля сорвалась.

* * *

6 ноября 1943 года Советская Армия освободила столицу Украины — Киев.

В результате успешных действий войска 27-й армии расширили плацдарм на букринском выступе, и армейские связисты проложили через Днепр только что полученный одножильный речной кабель. Но его оказалось мало и не хватило даже на одну цепь, а имевшийся у нас четырехжильный трофейный кабель требовал хорошей изоляции в местах сростков. Надо было что-то срочно придумывать.

— Петр Александрович, — обращаюсь к командиру полка связи подполковнику Прилучному, — где можно достать смолу, вар, гудрон или что-нибудь в этом роде?

— Трудно сказать, товарищ полковник. Но где-то найти можно. Не такой уж это ценный материал…

— В таком случае мобилизуйте на розыски весь свой хозяйственный аппарат. И прикажите сегодня же сделать десятка два ящиков по размеру соединительных муфт трофейного кабеля.

На второй день у нас появился гудрон. Сростки кабеля уложили в деревянные ящики и залили гудроном, после чего кабель привязали к железному четырехмиллиметровому проводу и проложили по дну реки. Так мы нашли выход из трудного положения.

С развертыванием ВПУ, а впоследствии и командного пункта армии на правом берегу Днепра, в районе деревни Зарубенцы, срочно потребовалось улучшить качество речных переходов. Трофейный кабель позволял иметь кроме двух телефонных один телеграфный канал. И хотя через Днепр проложили несколько линий, потребность в телеграфной связи все возрастала. А работать на реке становилось труднее с каждым днем. Пошли дожди, размыло дороги, вязли в грязи машины, стало хуже снабжение. В первую очередь подвозили боеприпасы, об имуществе связи нечего было думать — и в лучшие времена нас не баловали своевременным обеспечением.

В подавленном настроении бродил я вдоль потемневшей реки. К концу дня прошел дождь. Я хлюпал по лужам, не разбирая дороги, не замечая, что давно промок. Возле переправы увидел начальника телеграфно-телефонного отделения подполковника Александра Спиридоновича Гальмакова. Пошли вместе. Я поделился своими заботами. Он вроде слушал рассеянно: уж очень внимательно обходил глубокие лужи.

В сыром воздухе запахло горьковатым дымком. Показалось жилье.

— Ну и времена, — отреагировал на мои сетования подполковник Гальмаков. — Сверху мокнешь, снизу мокнешь, остается только еще изнутри вымокнуть. Давайте завернем, может, кипяточек найдется…

Я почувствовал, что промерз, и согласился. Часовой нас узнал, пропустил в дом. Здесь располагались связисты телеграфно-строительной роты старшего лейтенанта Тимашева. В комнате за столом сидел дежурный телефонист и при свете слабой коптилки читал книгу. Он вскочил, приветствуя нас, и на вопрос Гальмакова: «Где командир роты?» — показал на дверь, ведущую в другую комнату. Мы осторожно перешагнули через спавших вповалку солдат.

В крохотной комнатке командира роты тоже еле мерцала коптилка. На лавке, закутавшись в видавшую виды шинелишку, спал Тимашев. Черные стекла окон, наглухо прикрытые снаружи ставнями, запотели.

В комнате было по-ночному тихо и, с холоду показалось, тепло.

Тимашев проснулся сразу. По бледному лицу и покрасневшим глазам было видно, что часы на сон у него считанные. Правда, уже через минуту он был бодр и пообещал раздобыть кипяточку.

Мы остались с Гальмаковым вдвоем. Я стянул сапоги, сбросил мокрые портянки и уселся с ногами на лавку. Гальмаков достал

фляжку, свинтил крышечку и, застыв в таком положении, проговорил:

— У меня, товарищ полковник, есть два предложения…

— Против первого не возражаю, — ответил я, поглядев на фляжку.

Гальмаков засмеялся, взял со стола стакан, налил до половины:

— Пейте, вы же промокли до нитки…

Покончив со своей порцией, он протянул мне еще четверть стакана водки:

— Разотрите ноги, а то и ревматизм схватить недолго.

— В детстве уже переболел.

— Ну, это не скарлатина, иногда повторяется, — усмехнулся Гальмаков. — А теперь насчет второго предложения. По дороге вы мне говорили о необходимости увеличить число телеграфных каналов. По-моему, прокладывать дополнительные кабели под водой — это муть. Во всяком случае, полумера. Надо построить через Днепр постоянную линию.

Я даже присвистнул.

— Не пугайтесь, товарищ полковник. У меня в этом деле есть небольшой опыт. Потребуется только помощь саперов.

— За саперами дело не станет. С начальником инженерных войск я договорюсь.

— Вот и отлично.

— Сколько нужно саперов — отделение, два?..

— Достаточно будет одного, ну и еще две-три лодки…

— Хорошо. Берите роту Тимашева и завтра же приступайте.

Вернулся Тимашев. Принес жестяной чайник, обросший густой копотью, и две пары сухих портянок.

Я подивился, как внимательно умеет слушать Гальмаков и как догадлив Тимашев.

Через несколько дней с помощью саперов под руководством подполковника Гальмакова в четырехстах метрах южнее понтонного моста рота Тимашева построила на сваях постоянную линию с семью нормальными пролетами, емкостью в шесть проводов. Линия хотя и находилась под воздействием артиллерийского огня противника, однако работала весьма устойчиво. Кабельные переходы через Днепр стали теперь резервными и частично использовались для телефонной связи.

8

Во второй половине ноября армия получила дополнительный

участок южнее Обухова, где в ее состав вошел 47-й стрелковый корпус. С этого времени мы занимали два обособленных боевых участка: на южных подступах к Киеву и букринский плацдарм.

28 декабря армия перешла в наступление на обоих участках, и к 9 января 1944 года войска, действовавшие из района Киева и на букринском плацдарме, соединились.

В этой операции особенно трудно было обеспечивать связь с 309-й стрелковой дивизией, успешно наступавшей левее 206-й дивизии. Находившемуся на ВПУ подполковнику Дудыкину я приказал все внимание обратить на поддержку связи с 309-й дивизией и при необходимости усилить начальника направления за счет средств 206-й.

Вначале все шло хорошо. Но через несколько дней мы потеряли проводную связь с 309-й дивизией и полностью израсходовали запас кабельно-шестовых средств.

— Плохо дело, Андрей Федотович, — сказал я, выслушав Дудыкина. — Вы предупредили начальника связи дивизии?

— Да, попросил его перейти на радио.

— Вот что. Дивизия продвинулась уже далеко. Снимайте линию, она больше не нужна. Высвобожденные средства направляйте ко мне.

Два-три дня связь с дивизией поддерживалась только по радио. Затем и она прекратилась. Ранним утром звонит генерал Лукьянченко:

— Товарищ Агафонов, связались с 309-й?

— Нет, товарищ генерал.

— А вы что думаете, командир дивизии будет дожидаться, когда вы подадите ему конец провода? Идите с начальником оперативного отдела на радиостанцию и разыскивайте дивизию во 2-м Украинском фронте.

Придя на радиостанцию, мы с полковником Петровым быстро связались с правофланговой армией 2-го Украинского фронта и узнали, что наша «пропавшая» дивизия находится в их полосе.

* * *

Повалил снег, начались метели, а наша армия продолжала наступать с переменным успехом в южном и юго-восточном направлениях, имея в основном продвижение на правом фланге.

В этих боях мы едва не потеряли армейский узел связи.

Командный пункт 47-го стрелкового корпуса находился в местечке Виноград. В тот же район намечался переход и штаба армии. Радиосвязь корпуса с дивизиями и со штабом армии

работала весьма неустойчиво. Чтобы выяснить причины неполадок и оказать помощь, я выслал в штаб корпуса инженер-капитана Бориса Александровича Комарова.

Обстановка в корпусе сложилась тяжелая: одна из его дивизий вела бои в окружении. Комарову не раз приходилось самому брать ключ. И только благодаря его настойчивости и находчивости радиосвязь с дивизиями была налажена, а штаб армии смог поддерживать ее с корпусом.

ННСом[4] к корпусу был командир взвода 534-й кабельно-шестовой роты лейтенант Гринюк, очень расторопный и находчивый офицер.

Получив задачу подготовить связь для штаба армии в местечке Виноград, я приказал своему заместителю подполковнику Роману Семеновичу Павлину следовать с колонной подразделений полка связи, а сам выехал вперед.

У меня существовало правило: куда бы ни ехал, как бы ни спешил, всегда заезжал на контрольно-телефонные посты, чтобы проверить их работу, поговорить с людьми, услышать боевые новости. Кто, как не связисты, раньше всех узнавал об изменении обстановки! Не отступил от этого правила и в тот раз. Не доезжая нескольких километров до местечка Виноград, я остановил машину и направился на контрольно-телефонный пост.

Только открыл дверь дома, навстречу начальник поста:

— Товарищ полковник! Вас срочно просит к телефону наш командир взвода.

Подхожу к телефону, беру трубку:

— Что случилось, товарищ Гринюк?

— В Виноград ворвались немецкие танки. На окраине идет перестрелка. Штаб корпуса еле успел погрузиться на машины и выехать… Мой обоз подготовлен. Буду следовать по другой дороге. Линию придется бросить. Товарищ полковник, танки выходят в вашем направлении.

— Отходите, товарищ лейтенант. Вышлите вперед разведку. Любой ценой сохраните имущество, которое у вас осталось.

Пока разговаривал с лейтенантом Гринюком и докладывал генералу Лукьянченко о прорыве немецких танков, неподалеку завязалась артиллерийская дуэль. Вышел на улицу: разрывы снарядов доносятся со стороны Винограда. Остался у дороги, решил встретить подполковника Павлина с колонной. «Чего доброго, не разберутся в обстановке, махнут напрямик в Виноград и попадут под огонь своей артиллерии или немецких танков», — думал я, с тревогой поглядывая в ту сторону, откуда должна была появиться колонна.

Шум моторов послышался с противоположной стороны. От

Винограда неслись на предельной скорости несколько автомашин. Затормозили. Из передней выскочил подполковник Павлин:

— Товарищ полковник! Чуть не угодили к фашистам. Хорошо, услышали перестрелку, успели развернуться… Из Винограда уже выползали немецкие танки. Если б не наши артиллеристы, нам конец. — На побледневшем лице Павлина следы недавно пережитого, а в глазах радость человека, чудом избежавшего смертельной опасности.

— Надо было, товарищ Павлин, зайти на контрольный пост, узнать что к чему, а не гнать, очертя голову. Вы что, не заметили мою машину? Или во что бы то ни стало решили меня опередить?

Оставив колонну возле контрольного пункта, мы с подполковником Павлиным прошли на небольшую высотку, с которой был виден Виноград. На окраине в густых клубах дыма догорало несколько фашистских танков. Местечко заволакивало черным туманом.

По дороге в сторону Винограда прогромыхали наши танки с десантниками на борту. Вскоре там завязался ожесточенный бой, продолжавшийся несколько дней.

Мы вернулись к своей колонне.

— Товарищ Павлин! На старый КП.

Сидя уже в машине, я подумал: «Название-то какое соблазнительное — Виноград! А вот поди ж ты, еще немного — и вышел бы нам боком этот Виноград…»

Повалил снег. Ветровое стекло залепило белыми хлопьями. Единственный «дворник», дергаясь из стороны в сторону, с трудом выскабливал на стекле широкую прозрачную черту. Настроение было прескверное.

* * *

Отразив контрудар гитлеровцев в районе Винограда, армия приводила себя в порядок. Теперь командармы получили право самостоятельно проводить мобилизацию на освобожденных территориях. В нашем 150-м запасном стрелковом полку число призванных, с которыми велось обучение, доходило до нескольких тысяч человек. С пополнением порядок. А с имуществом, со средствами связи все так же неважно. «Воюем третий год, и хотя бы раз вызвали и сказали: «Бери, что положено по штатному расписанию, товарищ Агафонов!» Куда там… Все приходится вырывать, выклянчивать, будто связь в войсках что-то вроде комфорта… Нет, дальше так нельзя».

Решаю пойти к начальнику штаба. На мой звонок адъютант сообщает, что Лукьянченко у командарма, но должен скоро прийти.

— Что нос повесил, товарищ Агафонов, — гремит голос генерала Лукьянченко. А я и не заметил, когда он вошел. Начштаба лихо шмякнул на стол заснеженную папаху, обтер рукой мокрое от снега лицо. — Радуйся, начальник связи, скоро опять в наступление! Связистам работенка найдется.

— А мы, товарищ генерал, не сидим без дела.

— Не нравится мне что-то сегодня настроение начальника связи, — не теряя шутливого тона, говорит Лукьянченко. — Присаживайтесь, товарищ Агафонов, кое-что покажу, — продолжает он, вытаскивая карту. — Сейчас посмотрим, как будем наступать…

Я сказал, что когда-то служил в Шепетовке и в предстоящем наступлении местность мне будет знакома.

— Навряд ли, — возразил Лукьянченко, — наступать-то будем, только не в том направлении. Смотрите сюда. После освобождения Левобережной Украины и форсирования Днепра нам удалось изрядно потеснить противника. Все это верно. Однако юго-восточнее Киева немцы удерживают на среднем течении Днепра значительную территорию с центром в Корсунь-Шевченковском.

Действительно, хотя мы и вышли в район Сарн и на подступы к Шепетовке и Виннице, дальнейшее наступление по Правобережной Украине поставило бы под удар весь левый фланг нашего фронта. Войска 2-го Украинского фронта, действуя на кировоградском направлении, заняли рубеж Смела, Варваровка, и теперь в случае их дальнейшего продвижения на запад мог также оказаться под ударом их правый фланг.

Рассказав в общих чертах о готовящейся Корсунь-Шевченковской операции, генерал Лукьянченко детально остановился на задачах армии. Я доложил о состоянии средств связи.

— Знаю, полковник, знаю, — машинально произнес он, прикрыв глаза ладонью и что-то соображая. — Послушайте, Агафонов, — оживился Лукьянченко, — слышал я, что начальник связи фронта генерал Стрелков очень любит, когда, обращаясь к нему, в первую очередь докладывают обстановку, а потом уже излагают просьбы. Говорят, в таких случаях генерал Стрелков становится более податливым…

Иду к себе в отдел и по ВЧ звоню начальнику связи фронта.

— Здравия желаю, товарищ генерал! Докладывает полковник Агафонов. У меня к вам просьба, товарищ генерал…

— Я вас слушаю, полковник, — раздается очень сдержанный голос Андрея Матвеевича Стрелкова.

— Товарищ генерал, разрешите сначала доложить обстановку на участке фронта нашей армии? — закидываю я свой «крючок» и делаю паузу.

— Да, да, пожалуйста, товарищ Агафонов! Только прошу, подождите одну минуточку.

Я слышу, как что-то шуршит, наверное, генерал разворачивает карту.

— Итак, прошу, товарищ Агафонов…

Я и раньше докладывал начальнику связи фронта обстановку, но на этот раз доложил за каждое соединение, не скупясь на подробности. А потом, затаив дыхание, спросил:

— Товарищ генерал! В предстоящей операции наша армия будет играть очень важную роль. Прибывают новые соединения, а я не только не могу им помочь, но даже не в силах как следует установить с ними связь. Не хватает кабеля, анодного питания. Прошу вашей помощи.

— Анодного питания я вам подброшу. С кабелем дело хуже. А сколько нужно?

Моментально соображаю — цифру надо завысить.

— Да хотя бы километров триста — четыреста, товарищ генерал.

— Что вы, полковник, разве можно столько?

«Неужели перегнул и все испортил?»

— Километров двести, пожалуй, выделю, а больше не просите…

Звоню генералу Лукьянченко, хочу поделиться хорошей новостью. Отвечают — занят. Я понял, начальник штаба разрабатывает предстоящую операцию, теперь его нельзя отвлекать. Я знал, что в таких случаях командарм и начальник штаба работают порознь, потом встречаются и сверяют свои оперативные планы. Расхождения, как правило, бывают очень незначительными. Сергей Георгиевич Трофименко обладал незаурядным военным дарованием, глубокими военными знаниями, смелостью и редкостной интуицией. Хладнокровие и дерзость Григория Сергеевича Лукьянченко подкреплялись большим опытом оперативной работы, изобретательностью, исключительными военными знаниями. И думаю, не ошибусь, сказав, что такая слаженность в работе командарма и начальника штаба была основой успешных действий нашей 27-й армии в наступательных операциях.

В полночь позвонил генерал Лукьянченко.

— Что там у вас, товарищ Агафонов? Мне доложили о вашем

звонке. Только освободился.

Я рассказал о результатах переговоров с начальником связи фронта.

— Ну вот, а вы отчаивались, — весело загремел начальник штаба. — Я же говорил, найдем выход… Через час жду вас у себя.

За время нашей совместной службы в 27-й армии я хорошо узнал генерала Лукьянченко. Тайной для меня навсегда осталось одно: когда он спал.

Утром рассказал Алексею Алексеевичу Гринченко о своем разговоре с генералом Стрелковым.

— Надо ехать немедленно, пока не раздумали, — оживился Гринченко.

На следующий день он привез обещанные нам кабель и анодное питание. Отдел связи начал усиленно готовиться к предстоящей Корсунь-Шевченковской операции.

9

26 января 1944 года войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление и взломали оборону противника. Наша армия, прорвав оборону гитлеровцев в районе Антоновки и Лук, развивала наступление в восточном направлении. Используя резко пересеченную местность и развитую систему оборонительных сооружений, немецко-фашистские войска оказывали яростное сопротивление, часто переходили в контратаки. Связистам то и дело приходилось вступать в бой наравне с пехотинцами.

Особенно трудно в те дни приходилось личному составу линейных частей и подразделений связи. Внезапно началась оттепель. Утопая в мокром снегу, под непрекращающимися артиллерийскими обстрелами и бомбежками связисты прокладывали кабель к передовым подразделениям, устраняли многочисленные повреждения линий.

Командир отделения кабельно-телеграфной роты младший сержант Афанасьев получил приказ установить телефонную связь с одним из отрядов. Во время прокладки кабельной линии отделение попало под сильный пулеметный огонь. Ползком и перебежками бойцы добрались по глубокому снегу до НП командира отряда. И тут увидели фашистских автоматчиков. Крикнув товарищам: «За мной!» — младший сержант Афанасьев первым ринулся в бой. Вместе с бойцами и командирами, находившимися на НП, связисты отбросили гитлеровцев. После этого Афанасьев, включив в линию аппарат, соединил командира

отряда с НП армии и доложил обстановку подполковнику Поповичу.

Но враг не унимался. Отряд был окружен. Связь прекратилась. Ночью, когда разбушевалась метель, Афанасьев пробрался сквозь боевые порядки немцев в расположение наших войск. При поддержке нашей артиллерии отряд вышел из окружения.

За мужество и отвагу младший сержант Афанасьев был награжден орденом Красной Звезды.

Большая нагрузка в этих боях легла на радиосвязь. Благодаря радио мы через голову противника поддерживали связь с армиями и соединениями другого фронта, действовавшими нам навстречу. И не было случая, чтобы та или другая радиостанция не ответила на вызов.

Стремясь обеспечить в любых условиях бесперебойную связь, армейские радисты по инициативе подполковника Поповича и майора Аверьянова создали в начале операции специальную радиосеть информации. Чтобы ускорить получение данных об обстановке, в боевые порядки стрелковых дивизий выехали офицеры штаба армии с радиостанциями РБМ.

* * *

28 января ударная группировка нашего фронта, преодолевая сопротивление неприятеля, вышла в район Звенигородки и соединилась с 5-й гвардейской танковой армией 2-го Украинского фронта. Кольцо окружения гитлеровцев замкнулось.

31 января дивизии нашей армии соединились с 11-й кавалерийской дивизией 5-го гвардейского кавкорпуса.

Противник решил деблокировать окруженную группировку и начал подтягивать новые танковые соединения на внешний фронт в район Канижа, Ерки, Рузина. Бои на внутреннем фронте разгорелись с новой силой.

Командованию армии приходилось часто маневрировать войсками, и тут очень многое зависело от связистов.

Экипаж радиостанции РСБ младшего лейтенанта Петухова из армейского полка связи придали танковому корпусу. Во время налета вражеской авиации Петухов, находившийся на НП командира корпуса, был тяжело ранен. Мужественный офицер разрешил перенести себя на перевязочный пункт только после того, как лично передал важное оперативное донесение.

Неоценимую помощь командованию оказал Герой Советского Союза лейтенант Павел Богатов, тот самый Богатов, что

отличился при форсировании Днепра. В один из напряженнейших моментов, когда неожиданно прекратилась радиосвязь между стрелковым полком и штабом дивизии, ему приказали проложить кабельную линию и восстановить нарушенную связь. Сориентировавшись по карте, Богатов взял два отделения и отправился выполнять задание. Невдалеке слышалась пулеметная стрельба: поблизости были немцы. Богатов тянул линию в кустарнике, возле дороги, когда неожиданно заметил по другую сторону дороги тонкие столбики с аккуратно подвешенными проводами. Это была типичная немецкая постоянная линия. Лейтенант приказал своему помощнику продолжать прокладку кабеля, а сам быстро вырезал несколько пролетов немецкой линии и с одним отделением остался в засаде. Ждать пришлось недолго. Буксуя по глубокому снегу, к месту повреждения направлялась машина. Из нее выскочили человек десять солдат и два офицера. Вытащив карманный фонарик, офицер стал шарить лучом по столбам. Наше отделение выскочило из засады. В короткой схватке гитлеровцы потеряли несколько человек убитыми, остальные сдались в плен.

Прихватив пленных, группа Богатова догнала работавших впереди товарищей и помогла им в срок проложить кабель. При обыске у одного из офицеров обнаружили карту с дислокацией штабов окруженной группировки. Эти данные были очень важны для нашего командования.

За отличное выполнение боевого задания и захват важных оперативных документов лейтенант Богатов и его связисты были представлены к правительственным наградам.

* * *

Чтобы избежать напрасного кровопролития, советское командование предъявило командованию окруженных немецко-фашистских войск ультиматум о капитуляции.

8 февраля в течение двух часов окопные звуковещательные станции передавали сообщение о предстоящем переходе парламентеров с ультиматумом командования Советской Армии.

В расположение гитлеровских войск направлялась группа офицеров во главе с подполковником Савельевым. Вскоре немецкое радио сообщило, что текст ультиматума принят и изучается. Наши парламентеры благополучно вернулись.

В течение суток царило затишье… Ответа на ультиматум не поступило. 9 февраля неприятель предпринял попытку вырваться из окружения.

Вновь начались тяжелые бои.

Отбивая ожесточенные контратаки врага на одних направлениях и наступая на других, наша армия, произведя перегруппировку, продолжала уничтожать окруженных гитлеровцев в районе Стеблево, Шандеровка. В эти горячие дни к нам прибыла 202-я стрелковая дивизия, немедленно вступившая в бой.

Управление войсками осуществлялось в тот период с двух пунктов: оперативной группой командарма (ВПУ), которая находилась в Джурженцах, и с КП, располагавшегося в Бараньем Поле. Чтобы сделать устойчивой проводную связь между командным пунктом и ВПУ армии, связисты быстро восстановили две постоянные линии: на участке Баранье Поле, Медвин, Лисянка, Джурженцы и на участке Баранье Поле, Медвин, Щербашенцы, Джурженцы. Одна из них могла быть обходным направлением. И это вскоре оправдало себя.

Критическое положение создалось 11–12 февраля, когда гитлеровцы предприняли отчаянную попытку деблокировать свою окруженную группировку. Из районов Ризино и Ерки, со стороны внешнего фронта, восемь немецких танковых дивизий и шесть пехотных ценой больших потерь сумели прорвать фронт и пробились в район Лисянки. Одновременно из района Стеблево окруженные соединения противника нанесли мощный удар по нашим войскам внутреннего фронта и пробились в район Шандеровки. Коридор между двумя фронтами достигал в этом районе 10–12, а на отдельных участках 6–8 километров.

Но даже когда противник захватил Лисянку и перерезал магистраль на участке Лисянка — Медвин, то и в этих условиях штаб нашей армии не потерял проводной связи с ВПУ и подчиненными войсками: удалось использовать направление, которое проходило через Щербашенцы.

С 10 по 12 февраля войска 27-й армии отбивали на правом фланге в районе Шандерсвка, Стеблево непрерывные атаки пехоты и танков противника, пытавшегося прорваться через шандеровский коридор и соединиться со своими частями, наступавшими из района Франковки и Бужанки. В это время радиостанции противника работали уже через голову наших войск.

В столь напряженный момент нужно было во что бы то ни стало парализовать управление противника, и мы начали забивать его радиостанции. На ряде частот результаты забивки оказывались столь эффективными, что немецкие радиостанции полностью прекращали работу. Правда, и нам пришлось на этом участке перейти в основном на проводную связь, прокладывать

новые линии (почти все армейские и дивизионные радиостанции использовались для создания радиопомех).

Положение со средствами связи ухудшалось с каждым днем. Выходили из строя радиостанции, на исходе было анодное питание, особенно плохо обстояло с кабелем. В метель и снегопад свои же танки и автотранспорт нередко обрывали линии, ломали в темноте шестовку. А какой ущерб причинял артиллерийско-минометный огонь противника! Потребовалось срочно увеличить число контрольно-телефонных постов. На наиболее уязвимых участках создали аварийные команды. Усилили охрану и патрулирование линий.

А бои становились все ожесточеннее.

* * *

14 февраля на наш командный пункт в Бараньем Поле прибыла оперативная группа фронта. Теперь уже телефонные каналы между КП и нашим ВПУ не удовлетворяли резко возросших потребностей в связи.

— Мне здесь делать больше нечего, товарищ Агафонов. Сижу без связи. Поедем к командующему в Джурженцы, — говорит по телефону генерал Лукьянченко.

— Я готов, товарищ генерал.

— Только как будем добираться? На машине, пожалуй, не проскочим. Надо достать лошадей.

— Через двадцать минут будут две верховые лошади с коноводом.

— Жду.

Ночь безлунная и беззвездная. Темное небо висит над головой. От снега светло, но дороги не видно — все замело. Вначале по брюхо в снегу оказалась моя лошадь. Потом с трудом выкарабкался Лукьянченко.

— Давайте я поеду впереди… — предлагает коновод.

— Давай, — покровительственно разрешает начальник штаба. — А то вот мы с полковником малость отвыкли от кавалерии.

— В такую ночь не в седле мотаться, а портянки бы сушить в теплом месте, — бросаю я на ходу.

— Что проспато, то прожито, товарищ Агафонов. В такую бы ночь… Стой! — неожиданно обрывает свою мысль Лукьянченко. — Вон, смотрите. — Он выбросил руку в сторону темневших вдали кустов. Всмотревшись, я с трудом различил силуэты людей.

— Наши?! — будто с надеждой спросил Лукьянченко, а я почему-то сказал:

— Видать, наши.

— В самом деле, отсюда видать?

— Предположительно, товарищ генерал.

На этом дебаты закончились.

Дорога привела нас к связистам, которые тянули новую шестовку в расположение своей части. С трудом пробираясь по глубокому снегу, солдаты тащили на себе катушки, аппараты, шесты. Командир взвода, совсем молоденький паренек, выбрался к нам на дорогу. Весь белый от снега, он лихо пристукнул по виску обындевелой варежкой и по всей форме доложил о выполняемом задании.

Подъезжая к Джурженцам, Лукьянченко сказал:

— Да, цены нет таким солдатам. С такими солдатами нельзя не победить. Ничто им не помеха.

— Согласен. Но и немцы, наверное, сейчас не спят…

— Немцы? С отчаяния, — уверенно сказал генерал и твердо заключил: — А через пару дней им будет крышка. Это точно.

Джурженцы были буквально забиты штабами подчиненных и взаимодействующих с нами соединений и частей. На окраине — огневые позиции артиллерии и минометов. Метрах в двухстах от узла связи притаились «катюши». Зато управлять войсками отсюда удобно: командиры танковых соединений и частей то и дело появлялись на своих танках возле нашего ВПУ.

15–16 февраля соединения 27-й армии совместно с 4-й гвардейской армией, действовавшей с юга на Стеблево, продолжали вести наступление, но уничтожить окруженную группировку противника в районе Шандеровка, Стеблево не удалось.

Немцы сосредоточили в этом районе основную массу своих войск. Пытаясь разомкнуть кольцо окружения, они несли огромные потери, но контратаковали без передышки. Кольцо нашего окружения сжималось.

В ночь на 17 февраля противник решился на отчаянную попытку вырваться из котла.

Наши войска приготовились к решающему сражению.

Тишину ночи разорвали орудийные раскаты. Поставив в авангарде дивизию СС «Викинг», за ней мотобригаду «Валлония» и наиболее боеспособные части 72-й и 112-й пехотных дивизий, немцы при поддержке сильного артиллерийско-минометного огня начали атаковать нашу 180-ю стрелковую дивизию в районе Комаровки и лавиной двинулись к Джурженцам. Завязался жестокий бой. Наши артиллеристы ударили по пехоте врага с

открытых позиций. Стрелковые части ввели в действие все свои огневые средства, но озверевшие гитлеровцы, не считаясь с потерями, лезли напролом. Тяжелой ценой им удалось вклиниться в наши боевые порядки и выйти в лес южнее и юго-западнее Комаровки.

Обстановка создалась весьма напряженная. Перед нашими войсками стояла задача не дать соединиться атакующим группам неприятеля, выдержать натиск и окончательно разгромить их.

В соответствии с решением командарма Трофименко 735-й стрелковый полк 206-й дивизии, усиленный десятью тяжелыми танками, во взаимодействии с 202-й стрелковой дивизией, наступавшей на Комаровку из района Хильки, нанес удар в направлении дороги Джурженцы — отметка 193,3. Одновременно 337-я стрелковая дивизия и 159-й укрепленный район продолжали наступление с севера, чтобы овладеть районом Шандеровки.

180-й стрелковой дивизии предстояло восстановить положение в районе Комаровки и уничтожить прорвавшегося противника.

Немцы, обняв друг друга и построившись в колонны, ринулись в последнюю психическую атаку. Бьют прямой наводкой «катюши», артиллерия перешла «на картечь»…

К исходу дня наша армия в тесном взаимодействии с частями других армий разгромила окруженную группировку противника и, овладев Стеблево и Шандеровкой, продолжала уничтожать недобитых гитлеровцев в районе Комаровки и в лесу юго-западнее ее.

Началась массовая сдача в плен немецких солдат и офицеров. Операция была успешно завершена.

В этих боях гитлеровцы потеряли 55 тысяч человек убитыми и ранеными. Свыше 18 тысяч сдались в плен.

Среди убитых был обнаружен труп командующего 11-м армейским корпусом генерал-полковника Штиммермана. А генералу Гилле с небольшой группой генералов и офицеров удалось ускользнуть.

После завершения Корсунь-Шевченковской операции создались благоприятные условия для перехода советских войск в новое большое наступление с целью полного разгрома фашистских захватчиков на Правобережной Украине.

* * *

Меня вызывает начальник штаба генерал Лукьянченко.

Интересуется потерями связистов.

— Кстати, товарищ Агафонов, немедленно свяжитесь с начальником связи фронта генералом Матвеевым и доложите о состоянии войск связи армии.

В ходе Корсунь-Шевченковской операции нашу 27-ю армию переподчинили 2-му Украинскому фронту, Моим начальником по линии рода войск стал генерал Николай Степанович Матвеев, которого я хорошо знал по Северо-Западному фронту.

Н. С. Матвеев (фото 1946 г.)

— Товарищ генерал, — обращаюсь я к начальнику штаба, — сколько времени в нашем распоряжении и как долго мы пробудем здесь?

— Очень недолго, товарищ Агафонов, и времени в нашем распоряжении, считайте, почти нет. Готовится новое наступление. — Лукьянченко подошел, положил мне на плечо руку: — Хочу поздравить вас, Василий Прохорович, сейчас только узнал: наши войска освободили Старую Руссу.

Эта добрая весть принесла радость и одновременно отозвалась болью: сколько бесплодных атак, сколько погибших товарищей, сколько сомнений и горечи связано с названием этого древнего города. Старая Русса… Мы штурмовали ее еще зимой 1942 года, а освободить ее удалось только теперь, зимой 1944 года… Неудачи, наверное, сближают людей больше, чем успехи. И те, с кем мне пришлось пережить неудачи под Старой Руссой, как-то крепче остались в памяти.

Вот и Лукьянченко даже после такой блистательной победы, которую мы только что одержали, не просто сообщил об

освобождении Старой Руссы, а поздравил меня. Все мы, наверное, носили в сердце этот город, как ноющую рану.

23 февраля командарм Трофименко собрал офицеров штаба, чтобы отметить 26-ю годовщину Красной Армии и поздравить нас с победой в Корсунь-Шевченковской операции. Он подвел итоги сражения, отметил особо отличившихся офицеров, остановился на трудностях и специфике предстоящих боев.

С. Г. Трофименко (фото 1945 г.)

— На подготовку операции нам отведено только десять дней, — предупредил командарм. — Враг не успел еще как следует укрепиться. По сведениям разведки, в тактической зоне противника имеется в настоящее время только одна главная оборонительная полоса глубиной до восьми километров. Весна обещает быть ранней, и, если мы задержимся с началом наступления, все сорвется. Прошу учесть, мы с Лукьянченко доложили командующему фронтом генералу Коневу, что армия будет готова начать наступление в назначенный срок…

Генерал Лукьянченко огласил выписку из приказа о награждении офицеров штаба правительственными наградами за Корсунь-Шевченковскую операцию.

Член Военного совета армии генерал Иван Петрович Шевченко сообщил, что сейчас будет транслироваться из Москвы приказ Верховного Главнокомандующего. В комнату, где мы собрались, принесли приемник. Замигал зеленый глазок, зазвучали позывные Москвы… В наступившей тишине раздался знакомый голос диктора:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы, партизаны и партизанки!

26-ю годовщину Красной Армии народы нашей страны встречают в обстановке исторических побед советских войск над немецко-фашистскими войсками…

Советские войска устроили немцам новый Сталинград на правобережье Днепра, окружив и уничтожив в районе Корсунь-Шевченковский 10 немецких дивизий и одну бригаду…»

По комнате прошелестел глубокий вздох удовлетворения: «Это и про нас!»

…После очередной оттепели в ночь опять ударил мороз. Все запорошило мелким снежком, порывистый ветер предвещал метель. На узле связи я застал подполковника Поповича и майора Гринченко. Проговорили о делах до утра. Забот и трудностей хватало. Но все трое знали одно: связь должна работать надежно.

10

Мы уже привыкли на фронте недоверчиво относиться к весне. Вроде бы и радуешься после крепких ночных заморозков яркому дневному солнцу, вроде бы и веселит душу звонкая капель, а все с тревогой поглядываешь на почерневшие дороги, на забитые мокрым снегом низинки и кюветы… На припеке в предчувствии близкого тепла тяжелеют шинель и шапка… А опустится солнце, и опять по-зимнему продувает вечерний ветер.

С 1 марта прекратились ночные заморозки. Земля сразу набухла талой водой, дороги поплыли жирной грязью, зазвенели холодные ручьи, напряглись в последнем ожидании реки. Весна пришла рано даже для здешних мест.

После поражения под Корсунь-Шевченковским гитлеровцы отошли на рубеж Нов. Гребля, Рубаный Мост, Чемериское, Чижовка, Рыжановка и начали закрепляться. Основательно потрепанные танковые части они отвели в район Умани, подготавливая оборону по реке Горный Тикич.

В последних числах февраля КП 27-й армии переместился из Бараньего Поля в Бужанку. 5 марта после почти часовой артподготовки соединения нашей армии во взаимодействии с 2-й танковой и 5-й гвардейской танковой армиями прорвали передний край обороны противника на участке Рубаный Мост, Чемериское, Чижовка.

К исходу следующего дня наши части достигли реки Горный Тикич и начали форсирование. Автомашины с понтонными парками застряли, и передовым отрядам стрелковых соединений пришлось форсировать реку на подручных средствах. Захватив плацдармы на правом берегу реки, войска начали стремительно

наступать на Христинивку и Умань.

Весенняя распутица сделала свое дело. Дороги оказались непроходимыми. Автотранспорт встал. Полевое управление армии не могло поспевать за войсками. Была создана небольшая оперативная группа во главе с командармом. В ее состав вошел и я со своим заместителем подполковником Поповичем.

Основные радиосредства и весь автотранспорт армейского полка связи пришлось оставить в Бужанке. С оперативной группой командарма находились только пять радиостанций и два приемника. Их мы перевозили на подводах или переносили на руках.

В условиях быстрого продвижения войск радио являлось основным, а иногда и единственным средством связи. Радиогруппу возглавил инженер-капитан Комаров. Узел связи наш выглядел весьма примитивно: радиогруппа из двух работающих радиостанций (РСБ и РБМ) и двух приемников; телеграфная станция на один аппарат СТ-35 и Морзе и телефонная — на 6–8 абонентов внутренней и дальней связи. Две радиостанции РБМ, составлявшие мой резерв, пришлось отдать в корпуса.

Радиосвязь с соединениями поддерживалась по сети командарма радиостанцией РБМ. На период движения устанавливалось строго определенное время работы. В предусмотренные часы делались короткие остановки, и командарм вел переговоры с командирами соединений.

Радиосвязь со штабом фронта и с взаимодействующими армиями поддерживалась только во время остановок. Но вскоре мы потеряли связь со штабом фронта[5]. И случилось это как раз в тот момент, когда отсутствовала проводная связь.

— Молчат, товарищ полковник, — доложил мне инженер-капитан Комаров. — Сколько ни бьемся, молчат. Разрешите вызвать Москву?

— Подождите, Борис Александрович. Попробуйте еще с полчаса вызывать штаб фронта.

Но и через полчаса мы ничего не добились. Принесли срочные донесения. Ждать было нельзя.

На первый же позывной, посланный в эфир старшиной-радистом 1-го класса Росляковым, мы получили ответ с радиоузла Генерального штаба. В течение последующих двух-трех суток связь с фронтом поддерживалась через Москву. И не было случая, чтобы радиостанция Генштаба заставила себя ждать.

В один из этих дней начальник штаба генерал Лукьянченко даже поинтересовался:

— Почему мы так быстро стали получать ответы штаба

фронта на наши запросы, товарищ Агафонов?

— Да, видимо, потому, товарищ генерал, что связь с фронтом держим через Москву.

— Вот как! — удивился Лукьянченко и не без иронии спросил: — А что, через Москву поближе?

— Радиостанции фронта на наши вызовы не реагируют. Вот мы и вынуждены воспользоваться помощью Москвы.

— Здорово, хотя и странно. Ну что ж, продолжайте в том же духе.

* * *

К утру 10 марта 35-й гвардейский стрелковый корпус овладел местечком Христинивка, Шукайводами и железнодорожной станцией Христинивка, а 180-я стрелковая дивизия во взаимодействии с частями 2-й танковой и 52-й общевойсковой армий ворвалась в город Умань. На этом направлении наши войска продвинулись на юго-запад до 65 километров.

Понеся большие потери в районе Умани и Христинивки, гитлеровцы стали поспешно отходить. Чтобы не дать противнику организовать оборону на правом берегу Южного Буга, стрелковые соединения и танковые части начали стремительное преследование. Танковые армии уже к 13 марта должны были захватить переправы через Южный Буг и создать плацдармы на правом берегу.

К этому времени тыловые части и учреждения отстали так сильно, что были не в состоянии обеспечивать войска ни боеприпасами, ни продовольствием, ни обмундированием. Даже в период подготовки операции автотранспорт почти бездействовал — весенняя распутица сделала дороги непроходимыми. И не случайно бывший начальник штаба 2-го Украинского фронта, ныне Маршал Советского Союза М. В. Захаров, анализируя Уманскую наступательную операцию, вспоминает: «Основная тяжесть подвоза грузов непосредственно в войска легла на гужевой транспорт, вьючные подразделения; во многих случаях грузы (особенно снаряды и мины) переносились на руках. Только в одной 27-й армии на подвозе грузов в войска в период подготовки операции работало до 400 пароконных повозок местных жителей, 150 вьючных лошадей и 5400 человек, подносивших грузы вручную».

Еще в период подготовки к наступлению части получили пополнение, а вот обмундировать людей не успели.

Как известно, с февраля 1943 года в нашей армии были

введены новые знаки различия — погоны. Многие жители оккупированных районов не знали об этом и принимали советских бойцов и командиров за иностранных волонтеров. Наши новобранцы на волонтеров походили очень мало. Зато когда они врывались в населенные пункты, жители радостно кричали: «Да здравствуют партизаны!» И нередко задавали вопрос: когда их освободит насовсем Красная Армия…

Эта операция была, пожалуй, одной из самых дерзких: армия стремительно наступала, а тылы ее оставались далеко позади. И тут, конечно, неоценимую помощь оказали нам местные жители. Они радушно встречали своих освободителей, старались получше накормить, устроить на ночлег. В то время у нас пошло в ход шутливое выражение «бабушкин аттестат». Фактически мы были отрезаны от своих баз снабжения так же, как и в распутицу под Старой Руссой, но там нас окружали гиблые болота, а здесь были рядом родные советские люди, которые с радостью делились с нами последним куском.

Хуже обстояло с боевой техникой, здесь уже никто помочь не мог. Линейные армейские части связи оставили свой автотранспорт еще в Бужанке. Правда, они имели конский состав и смогли взять с собой весь запас полевого кабеля и часть шестовых средств. А вот для перевозки аппаратуры узла связи не нашлось и повозок. По моей просьбе командование армии выделило в помощь связистам для переноски имущества две роты из запасного стрелкового полка. Ответственным за транспортировку имущества я назначил подполковника Дудыкина.

Таким небывалым способом от Бужанки до Тырново (на расстояние более 300 километров!) было перенесено: несколько аккумуляторов на 120 вольт, зарядный агрегат, два аппарата СТ-35, два аппарата Морзе, три телефонных коммутатора (на 10 и 20 номеров), два швейцарских коммутатора, 15 километров полевого телефонного кабеля и кое-какое другое имущество.

Несмотря на это, мы делали все, чтобы поддерживать в ходе операции надежную связь.

В первые два дня после прорыва обороны противника со всеми подчиненными соединениями поддерживалась устойчивая проводная связь. Но войска все увеличивали темпы наступления. Смена районов КП корпусов так участилась, что проводную связь с ними едва успевали организовывать по рубежам.

Наиболее устойчиво работала проводная связь со штабом 35-го гвардейского стрелкового корпуса, ось перемещения которого совпадала с осью перемещения армии. Тяжелые условия создались для начальника направления связи к 33-му

стрелковому корпусу при подходе к Южному Бугу. Постоянные линии в полосе корпуса отсутствовали. Сильно растянув свои средства по пути движения корпуса, ННС не мог их своевременно подтянуть из-за бездорожья, и проводная связь с корпусом на некоторое время была потеряна. Только ценою неимоверных усилий всего личного состава роты капитан Фомин сумел обеспечить связь с корпусом при форсировании Южного Буга. Когда останавливались обессилевшие лошади, Фомин со своими бойцами разгружал повозки и перетаскивал имущество на себе. Отличный специалист и смелый командир, Евгений Петрович Фомин получил боевое крещение под Старой Руссой. Тогда он был заместителем командира роты. Под Ахтыркой его рота, находясь в резерве, отбила атаку танков и пехоты противника, прорвавшего нашу оборону. И не случайно я был спокоен за участок, где действовала рота капитана Фомина.

В этой операции отчетливо проявились качественные изменения, которые произошли в нашей армии за годы войны. Дело было не только в приобретенном опыте. Изменилась психология людей. Теперь, ставя боевую задачу командиру роты или офицеру отдела, можно было полностью рассчитывать на его инициативу и изобретательность, не опекать мелочными советами. Каждый офицер, в свою очередь, мог рассчитывать на инициативу солдат и младших командиров. Условия, в которых нам приходилось в то время воевать, не стали легче, но мы сами начали действовать увереннее. Имея за плечами крупные победы над врагом, мы поверили: любая операция, любое сражение, любой бой будут успешными. А это, наверное, самое главное.

* * *

12 марта на рассвете началось форсирование Южного Буга. К середине дня передовые отряды захватили на правом берегу плацдарм. Разведав дно реки, на плацдарм удалось переправить семь танков Т-34. Танки прошли под водой, и их появление было полкой неожиданностью для противника. Нашим передовым отрядам удалось значительно расширить свой плацдарм и уже утром следующего дня приступить к восстановлению 60-тонного моста (по нему потом переправились главные силы).

А надо сказать, момент для форсирования Южного Буга был не самым удачным. Начался паводок, река вышла из берегов, затопила на большой площади прибрежные участки. Но дожидаться окончания паводка означало потерять темп наступления, потерять инициативу, которую мы прочно держали

в своих руках.

Отходя к Южному Бугу, гитлеровцы побросали много боевой техники, средств связи, автотранспорта и даже лошадей. Этим не преминули воспользоваться наши связисты: они пополнили свои запасы трофейным кабелем, заменили немецкими неисправные аппараты и, что тоже очень важно, подобрали лошадей, на которых можно было перевозить свое хозяйство.

И снова разыскивались подручные средства, наскоро сколачивались плоты, промокшие насквозь бойцы тянули на правый берег телефонные линии. Лошадей переправляли вплавь.

К исходу 13 марта войска главной ударной группировки форсировали Южный Буг и начали на широком фронте развивать наступление в еще более высоком темпе. Корпусные телефонисты, используя внутрирайонные постоянные линии и уцелевшие телефонные станции, поддерживали через них связь с дивизиями и даже с населенными пунктами, занятыми еще противником. И если там на коммутаторе оказывались русские телефонистки, они передавали нам важные сведения о вражеских войсках.

После форсирования Южного Буга проводная связь между оперативной группой армии и штабами соединений организовывалась по прежней схеме, то есть только к исходу дня.

В эти дни состоялось заседание Военного совета армии, на которое пригласили и меня. В конце заседания, когда был решен главный вопрос о подвозе войскам боеприпасов и продовольствия, член Военного совета генерал-майор И. П. Шевченко сказал командарму:

— Предлагаю, Сергей Георгиевич, указать полковнику Агафонову на плохое обеспечение нас связью. Куда это годится, если я в течение дня не могу переговорить с соединениями по телефону?!

— А ты что хочешь, Иван Петрович, чтобы, как только мы сели на коней, за нами сразу прокладывали кабель и бежал телефонист с аппаратом? — резко спросил Трофименко.

— Я хочу сказать, что в то время как наши войска успешно громят противника и быстро продвигаются вперед, связисты отстают…

— Здесь нет прямой зависимости. Скорее, обратная, — возразил командарм. — Чем быстрее продвигаются войска, тем труднее обеспечивать связь. Это нельзя забывать. Полковник Агафонов делает правильно: в течение дня мы имеем хорошую связь с соединениями по радио, а на ночь устанавливается проводная. У меня претензий к связистам нет. Заседание Военного совета закончено.

Позиция, занятая генералом Трофименко, очень поддержала меня в тот трудный период: ведь всей связью армии фактически руководили мы с подполковником Поповичем. И еще — я окончательно убедился в справедливости командарма. В одном из последующих боев это дало мне силы вмешаться в его решение, не отступить перед его резкостью и настоять на своем.

* * *

Никакие трудности, связанные с бездорожьем, не могли остановить стремительного темпа наступления наших войск. Местные жители, освобожденные из немецко-фашистской неволи, охотно помогали нам. Сотки подвод везли военные грузы, тысячи людей несли на руках снаряды и мины, ящики с патронами и гранатами. Там, где не могли пройти лошади, проходили люди, неся на себе бесценный военный груз. Но попадались места, где не под силу было пройти даже людям…

Танк стоит большой, приземистый, хищно вытянув вперед длинный ствол. Он похож на слона, опустившегося на колени. На боках его многочисленные вмятины, следы глубоких царапин, танк тяжело дышит, готовый сорваться с места.

— Ну, вперед на врага, — весело командует генерал Трофименко, и мы бежим к танку, вскарабкиваемся на броню, помогаем взобраться двум телефонисткам и двум телеграфисткам, привязываем к скобам наше небогатое штабное имущество. Мы — это оперативная группа командарма, целиком уместившаяся на броне одного танка.

Впереди море непроходимой грязи.

— Поплыли, — бросает кто-то с облегчением.

И действительно, танк словно плывет по раскисшей пашне, оставляя после себя широкий след, который сразу заполняет вода.

— Не дай бог сорваться и загреметь туда, — с напускным страхом говорит молоденькая телефонистка.

— Появятся немецкие пикировщики, сама полезешь под танк, — замечает кто-то из офицеров.

— Лучше помереть здесь, чем прятаться под танком, — не сдается телефонистка.

— Ну, это потом выберешь, что лучше, — резонно заключает тот же офицер.

А танк упрямо ползет вперед, прибавляет скорость на более сухих местах, потом опять, словно нехотя, лезет в воду.

— Не худо бы оставить этот танк за собой, — мечтает кто-то вслух, с явным расчетом на то, что его услышит командарм.

И командарм услышал.

— Вчера этот танк был просто танк, сегодня он — танковая рота, завтра будет танковым полком, — как бы между прочим рассуждает генерал Трофименко и неожиданно задает вопрос: — А знаете вы, сколько в танковых армиях осталось танков?

Мы знаем это, и разговор продолжения не имеет.

Проехав километров сорок, достигли села, в котором намечалось развернуть армейский пункт управления. Как и всюду, жители встретили нас очень радушно: пригласили в дома, стали накрывать столы. Обычно мы с удовольствием откликались на гостеприимные приглашения. Да и как откажешься? Наша группа на протяжении всей операции продовольствием не снабжалась, и полагаться приходилось все на тот же «бабушкин аттестат».

Но в тот раз на счету была каждая минута: к вечеру предстояло наладить телефонную связь с соединениями. Мы с Поповичем очень торопились. Пришлось нарушить добрую и приятную традицию и сразу браться за дело.

* * *

15 марта был освобожден крупный железнодорожный узел Вапнярка. Развивая наступление, войска нашей армии во взаимодействии с частями 6-й танковой армии ворвались в Могилев-Подольский и вышли на левый берег Днестра.

С каждым днем все труднее становилось поддерживать связь. Радиостанции работали на пределе: стало падать напряжение в последних батареях для анодного питания. Выход оставался лишь один — раздобыть трофеи. Как только наши войска ворвались в Могилев-Подольский, я вызвал инженер-капитана Комарова.

— Как думаете, Борис Александрович, должен быть в городе склад связи?

— Непременно, товарищ полковник.

— А не сумеем ли мы здесь кое-что раздобыть? В первую очередь анодные батареи и телефонный кабель?

— Ясно, Василий Прохорович. Шофер у меня есть, машина найдется…

— Тогда поспешайте. Начальники связи соединений тоже не дремлют — их команды наверняка уже там.

Когда Комаров разыскал склад, там действительно уже орудовали проворные старшины из подразделений связи. Капитан быстро навел порядок, распределил трофейное имущество, а главное, привез с собой то, в чем мы так остро нуждались.

* * *

Перед форсированием Днестра выброшенные вперед телеграфно-строительные подразделения срочно восстанавливали местные постоянные линии. Со всеми соединениями и штабом фронта заработала проводная связь.

А войска армии, форсировав Днестр, стремительно преследовали неприятеля. Не встречая на пути серьезного сопротивления, они неудержимо продвигались к нашей государственной границе с Румынией.

Вечером 25 марта я поручил командиру телеграфно-строительной роты старшему лейтенанту Тимашеву восстановить через сутки беглым ремонтом хотя бы один провод для связи с фронтом и довести ремонт линии до Тырново, где предполагалось разместить командный пункт армии.

Утром следующего дня наша оперативная группа переправилась через Днестр. Сойдя с парома, я обернулся и увидел, что на противоположном берегу к переправе подъезжают с радиостанциями инженер-капитан Комаров и офицер для поручений командарма. Крикнул, чтобы с первым рейсом переправляли радиостанции и догоняли нас.

Я всегда был хорошего мнения о Комарове, очень исполнительном и находчивом офицере, но какое-то смутное беспокойство не покидало меня всю дорогу: «Догонят ли они нас? Подвезут ли вовремя радиостанции?..»

— Вы что, Василий Прохорович, о радиостанциях беспокоитесь? — словно прочитал мои мысли Попович. — У нас же есть с собой запасная РБ. С соединениями связь будет в любое время, — пытался он успокоить меня.

— А с фронтом, а с соседями?

— Вы же приказали Тимашеву восстановить хотя бы один провод. Не было еще случая, чтобы Тимашев подвел… А с соседями, на худой конец, свяжемся через штаб фронта.

— Именно на худой конец, Григорий Кузьмич! Наши войска вот-вот выйдут к Пруту. Граница! И в такой момент вся надежда на одну радиостанцию и один провод…

— Ваше волнение разделяю… Но уверен: радиостанции скоро подойдут.

К вечеру въехали в Тырново. Не успел соскочить с коня, подбегает боец телеграфно-строительного взвода из роты Тимашева:

— Товарищ полковник! Провод с фронтом восстановлен. Куда прикажете подать конец телефонного кабеля?

— Спасибо, дорогой! Видишь, куда телеграфисты свой

аппарат понесли?

— Вижу, товарищ полковник!

— В тот дом и вводи кабель.

Связь с фронтом была установлена по Морзе. Радисты, развернув резервную РБ, быстро вошли в связь с соединениями. Штаб фронта требовал немедленного доклада о положении войск. Началась горячая работа по сбору, обработке и передаче донесений.

В это же время над нами появился самолет По-2, пилотируемый майором Александром Яковлевичем Джеваго. Тут уж весеннее солнце сослужило нам добрую службу: удалось наконец выбрать взлетно-посадочную площадку. Заместитель начальника оперативного отдела подполковник Игнатенко вылетел в соединения собирать необходимые данные и уже в темноте благополучно приземлился на окраине Тырново.

К 20 часам в штаб фронта было доложено о выходе наших войск на государственную границу СССР с Румынией — реку Прут. А в 21.00 Москва салютовала доблестным войскам 2-го Украинского фронта двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

Три недели продолжалось наступление советских войск. В разгар распутицы, по бездорожью, форсируя водные преграды, наши солдаты с боями прошли на юго-запад около 400 километров. Не просто прошли, перенесли на себе большую часть военного имущества. И вот — граница! На этом участке враг выбит с родной советской земли. Теперь боевые действия развернутся на территории противника!

* * *

Ликует наша 27-я армия. Радость омрачена только у нас с Поповичем. После передачи боевого донесения о выходе на госграницу штаб фронта сообщил: Ставка требует донесений о положении войск через каждый час, докладывать без особых напоминаний.

Только включили радиостанцию, чтобы связаться с соединениями, вбегает взволнованный Григорий Кузьмич Попович.

— Связи с корпусами нет, товарищ полковник! Анодное питание в радиостанции село. Не можем работать ни на передачу, ни на прием. Батареи БАС полностью израсходованы. А Комарова с радиостанциями до сих пор нет. Что делать?

Это известие ошеломило меня. Но криком в таких случаях

делу не поможешь. Пытаюсь найти какой-либо выход.

— Видите, что получилось, Григорий Кузьмич! А вы говорили, нечего беспокоиться… Вот что, берите всех радистов и отправляйтесь искать питание. Другого пути пока не вижу.

Об отсутствии связи с войсками доложил командованию. К моему большому удивлению, ни командующий, ни начальник штаба не высказали своего возмущения.

Трудно передать, что мы с Поповичем пережили в ту ночь. Только под утро моему заместителю удалось найти батарею.

— Искали везде, — возбужденно говорил он. — И на железнодорожной станции и чуть ли не в каждом доме… На одном доме торчит антенна. Вбежал — никого. Вижу — приемник. Вырвал элементы и скорей сюда.

Через несколько минут связь с войсками была восстановлена. А часов в восемь прибыли все наши отставшие радиостанции. Мы с Григорием Кузьмичом облегченно вздохнули.

* * *

Не мне судить, чьи войска первыми вышли на государственную границу: нашей 27-й, 40-й или 52-й армий. Каждая из трех армий считала, что приоритет принадлежит ей.

Важность этого исторического события заключалась в том, что впервые в ходе Великой Отечественной войны части Красной Армии вышли на государственную границу Советского Союза. Разгромив фашистских захватчиков, войска 2-го Украинского фронта перенесли военные действия из пределов нашей Родины на территорию врага, на фронте протяженностью 85 километров.

С утра 26 марта 35-й гвардейский стрелковый корпус в составе четырех дивизий (202-й Краснознаменной Корсунской стрелковой, 3-й гвардейской воздушнодесантной, 206-й стрелковой и 93-й гвардейской стрелковой), наступая в юго-западном направлении и разбив неприятеля в районе Единцы, Тырг, к исходу дня вышел основными силами на Прут. Передовые отряды корпуса с ходу форсировали реку и захватили плацдарм на западном берегу.

33-й стрелковый корпус в составе трех стрелковых дивизий (78, 337 и 180-й) с утра 26 марта продолжал развивать наступление и, уничтожая прикрывающие отход части гитлеровцев, также вышел к Пруту. Передовой отряд корпуса форсировал реку и завязал бои на западном берегу.

За образцовое выполнение заданий командования 3-я гвардейская воздушнодесантная дивизия, 206-я и 180-я

стрелковые дивизии были награждены орденом Суворова II степени, а 337-я стрелковая дивизия — орденом Красного Знамени.

117-й отдельный полк связи получил почетное наименование Прутского.

И мне вспомнилось лето 1942 года… Старая Русса. Формирование 27-й армии. Вновь прибывший 117-й полк связи. Отчаянное положение с подготовкой специалистов. Вопрос генерала Матвеева: «Как работают связисты полка? Вспоминаете небось 11-ю армию и ее 33-й полк?» Я не забыл замечательных умельцев из 33-го, как не забыл всех своих боевых товарищей по 11-й армии. Но теперь я не меньше горжусь и 117-м, отныне Прутским, полком.

* * *

Войска 2-го Украинского фронта в самый разгар весенней распутицы и бездорожья провели успешные наступательные бои и нанесли серьезный урон врагу. Противник потерял убитыми более 62 тысяч солдат и офицеров. Около 19 тысяч гитлеровцев было захвачено в плен. Неприятель потерял 500 танков, 200 бронетранспортеров, 3000 орудий и минометов, 3300 пулеметов, 4500 повозок, 10 500 лошадей. В результате поспешного отступления немцев на складах осталось большое количество различного военного имущества и боеприпасов[6].

По решению Ставки наши войска, достигнув реки Прут на фронте от Тицкан до Ясс, приостановили дальнейшее наступление. 2 апреля 1944 года Советское правительство сделало заявление, в котором говорилось, что Советский Союз не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника.

Чтобы избежать напрасного кровопролития, представитель Советского Союза передал бывшему румынскому премьер-министру Штирбею, находившемуся с тайным визитом в Англии, условия перемирия.

Клика Антонеску, связанная преступными планами войны с Гитлером, не приняла наших условий.

Больше того, Антонеску объявил новую тотальную мобилизацию. Стало ясно: на территории Румынии предстоят жестокие бои.

* * *

С переходом командного пункта в Рышкановку мы использовали постоянные линии и установили надежную телефонную и телеграфную связь с корпусами.

Через Прут был оборудован воздушный переход емкостью в пять проводов. Армейские части связи в этот период усиленно подтягивали свои отставшие средства, благо дорога от Могилева-Подольского до Стефанешти оказалась в хорошем состоянии. Полностью же связисты перебросили свое имущество только в первой половине мая, когда командный пункт армии переместился во Владений.

Не прекращая боев местного значения, войска 27-й армии начали готовиться к новому решающему наступлению.

На чужой земле

1

В конце мая крупные силы танков и пехоты противника попытались отбросить наши войска за Прут. Ожесточенные бои продолжались до 10 июня.

Учитывая, что против нас действуют не только немецкие части, командование решило широко применить передачи-обращения к войскам неприятеля. В передачах, адресованных румынским солдатам и офицерам, говорилось о неминуемой гибели гитлеровской клики, о желании советского командования предотвратить ненужное кровопролитие и разрушения на территории Румынии, раскрывались истинные цели союза Гитлера с Антонеску, передавался текст условий Советского правительства о перемирии.

Войскам нашего фронта противостояла армейская группа немецкого генерала Отто Велера. В одном из перехваченных донесений на его имя значилось: «…Треть румынских офицеров настроена антигермански, треть — безразлично, треть — прогермански». Наша задача состояла в том, чтобы первая треть постоянно увеличивалась за счет второй, а вторая за счет третьей.

9 июня немцы поняли, что их контрудар провалился. На район, откуда велись передачи, обрушился шквальный огонь нескольких батарей среднего и крупного калибра. Наши разведчики засекли огневые точки врага и сообщили о них артиллеристам. Завязалась артиллерийская дуэль.

Когда все стихло, на поле, сплошь изрытом глубокими воронками, мы разыскали разбитую звуковещательную станцию, подобрали тяжело раненных старшего техник-лейтенанта Н. А. Кудырко и членов экипажа звуковещательной станции.

В этих же майских боях беззаветное мужество проявили связисты 117-го Прутского полка. Во время отражения яростной контратаки фашистов командир телефонной роты лейтенант Илья Иванович Зобнин с командой бойцов обеспечивал связь с артиллерийским наблюдательным пунктом. В самый разгар боя связь прекратилась. Невзирая на шквальный минометный огонь, коммунист Зобнин бросился на линию. Воодушевленные примером командира, за ним побежали трое бойцов.

Разорвавшаяся мина сразила лейтенанта Илью Ивановича Зобнина. Последующие разрывы накрыли его товарищей. Но их боевые друзья все же восстановили линию и вынесли с поля боя

тела героев. Поздно вечером мы похоронили отважных связистов, отдав им последний воинский долг.

* * *

С 10 июня на нашем участке фронта установилось относительное затишье. Но каждый понимал: предстоят бои на территории Румынии. Учитывая, что боевые действия будут проходить и в горных условиях, провели трехдневное полевое учение с погрузкой кабеля и телефонно-телеграфной аппаратуры на вьюки. С командным составом отрабатывалась организация связи в горных условиях. Почти все полевые кабельно-шестовые линии были заменены постоянными. Под руководством инженер-майора Гринченко из состава армейской мастерской создали три ремонтные летучки и направили их в дивизии. Хотелось все предусмотреть до начала активных наступательных действий.

В июне к нам прибыл новый член Военного совета генерал-майор Петр Васильевич Севастьянов, ранее занимавший эту должность в соседней, 40-й армии генерала Ф. Ф. Жмаченко. Петра Васильевича я хорошо знал по 11-й армии. Он был тогда комиссаром 5-й стрелковой дивизии, которой командовал Федор Петрович Озеров.

— Ну вот, видите, — говорил мне Севастьянов, — в вашей армии я будто и не чужой. Федор Петрович создавал ее, а я теперь буду как бы продолжать его дело.

— Да, Петр Васильевич, расстались мы с вами на границе, а вот теперь встретились опять на границе, правда уже на другой…

— Теперь веселее, Василий Прохорович. Тогда враг преследовал нас, нынче мы гоним его.

Севастьянов рассказал о предстоящей работе по разложению войск противника.

— Нужно резко усилить деятельность звуковещательных станций. Начальник поарма со своим аппаратом подготовит тексты передач, а ваша задача довести их до сведения солдат противника. Конечно, мы не надеемся, что в результате этой работы капитулирует вся румынская армия. Главное, посеять у румынских солдат сомнения, убедить, что они обречены, что дальнейшая связь с Гитлером — гибель для них… Как только начнем наступление, сразу почувствуем плоды своей работы…

Энергично взялись за дело связисты. Самолеты армейской эскадрильи разбрасывали по ночам в тылу врага сотни тысяч листовок-обращений.

* * *

В середине лета мы проводили генерала Григория Сергеевича Лукьянченко. Он получил назначение в другую армию. Я и не думал, что так болезненно буду переживать разлуку с Лукьянченко. Как-никак, а мы вместе прошли большой боевой путь — от Старой Руссы до Прута. В самые тяжелые минуты я всегда чувствовал его поддержку и помощь, многому у него научился.

На должность начальника штаба нашей армии прибыл генерал-майор войск связи Георгий Михайлович Брагин, с которым я был знаком еще по академическим курсам, Во время советско-финляндской войны Брагин командовал бригадой и был ранен. После выздоровления и учебы в Академии Генерального штаба перешел на общевойсковую работу.

— Ну вот и вновь встретились, товарищ Агафонов! — сказал после моего представления генерал Брагин. — Это хорошо, будем работать вместе. Заходите ко мне в любую минуту. Порядки, заведенные генералом Лукьянченко, я отменять не собираюсь.

* * *

Как-то в середине августа вызвал меня командарм. Дело было поздней ночью. Предложив мне сесть, генерал встал и начал ходить по комнате.

— Как самочувствие, товарищ Агафонов?

— Отличное, товарищ командующий.

— Как настроение у подчиненных?

— Рвутся в бой. Говорят: «Что же это мы — первыми вышли на границу и стоим…»

— Недолго осталось стоять, товарищ Агафонов, недолго. — Трофименко подошел к двери, плотно закрыл ее, вернулся к столу. — Имейте в виду: то, о чем скажу, знают только четверо — член Военного совета, начальник штаба, командующий артиллерией и я. Теперь будет знать пятый человек — это вы.

— Я вас понял, товарищ командующий.

Трофименко подозвал меня к карте.

— 20 августа армия переходит в наступление в направлении Негрешти, Фокшаны. Как видите, мы опять наступаем в составе главных сил фронта. Нам из 40-й армии передан 104-й стрелковый корпус генерала Петрушевского…

Командарм детально ознакомил меня с направлением главного удара, оперативным построением войск армии и

задачами соединений. Выслушав мои общие предложения по связи, генерал Трофименко утвердил места пунктов управления армии на первые три дня операции.

— Делайте все, что считаете необходимым для обеспечения операции связью. Но план разработаете самостоятельно, и чтобы о нем не знала ни одна живая душа! — еще раз предупредил он.

Выйдя от командующего, я не спеша направился на узел связи. «Вот оно, начинается решающее наступление, — думал я. — Мы будем громить фашистов на их территории. В случае успеха перед нами откроется путь в глубь Румынии, путь на Балканы и на Венгерскую равнину… Враг наконец узнает по-настоящему, что такое война…»

Многое продумал я в ту ночь. Прежде всего решил поручить командиру линейного батальона майору Василию Ивановичу Ковалеву заготовить тысячу столбов для строительства постоянной линии протяженностью до 50 километров. По ночам в течение пяти суток все столбы удалось подвезти в район армейского контрольно-испытательного пункта в Ферешчий. Это подстраховывало нас на случай, если бы противник при отходе успел разрушить в глубине своей обороны все постоянные линии связи.

Планом связи на операцию предусматривалось: с соединениями, действовавшими на главном направлении, иметь радио — и проводную связь с двух пунктов управления — КП и НП. С соединениями, действовавшими на вспомогательном направлении, связь организовывать только с КП. Радиосвязь с соседними армиями и с 6-й танковой армией генерала Андрея Григорьевича Кравченко, вводимой в прорыв, предусматривалась по радиосети фронта. Для большей надежности мы обменялись с начальником связи 6-й танковой армии полковником Алексеем Александровичем Шервудом радиоданными своих армейских сетей.

Кроме основного НП командарма организовали на переднем крае еще четыре передовых НП, работе которых командование уделяло особое внимание. С ними была установлена радио — и телефонная связь от основного НП и выделены подвижные средства связи.

За два дня до начала операции в армию приехал начальник связи 2-го Украинского фронта генерал Алексей Иванович Леонов, Закончив проверку и подтвердив, что проводная ось связи будет строиться совместными усилиями армейских и фронтовых частей, он неожиданно сообщил:

— А вашу 914-ю телеграфно-строительную роту я у вас забираю, товарищ Агафонов. Через два дня к вам прибудет

линейный батальон связи.

А. И. Леонов (фото 1965 г.)

— Товарищ генерал, — взмолился я, — прошу оставить роту в моем распоряжении. В таком случае вполне обойдусь без батальона. У меня все спланировано, а батальон может опоздать.

— Не упрямьтесь, Агафонов. Вопрос решен Военным советом фронта. И не беспокойтесь, мы вам поможем.

Я не мог знать о мероприятиях, намечаемых штабом фронта, и настойчиво продолжал доказывать нецелесообразность вывода роты капитана Тимашева из состава армейских частей связи.

— Чего вы спорите! Начальнику связи фронта виднее, — вмешался генерал Брагин. — Да и ваша 914-я, на мой взгляд, самая слабая среди других частей связи.

Это задело меня за живое. «Вот, — думаю, — что значит не хлебнуть вместе горя! Для вас это просто роты, боевые единицы, а для меня прежде всего люди, с которыми я прошел от Немана, Старой Руссы, Днепра к берегам пограничного Прута…»

— Прошу извинить за резкость, товарищ генерал! Но я лучше вас знаю боевые качества подчиненных мне частей. Вместе с Тимашевым мы отходили из Литвы. Он вырос в нашей армии от старшины до капитана, лучшего командира роты… Работу его людей я узнаю по особому почерку… А вы говорите, слабая рота!

— Ну, достаточно об этом! Если у вас нет больше вопросов, товарищ Агафонов, можете идти! — недовольно проговорил генерал Брагин.

На другой день пришло письменное распоряжение фронта. Я с горечью распрощался со славной 914-й телеграфно-строительной ротой и ее боевым командиром капитаном

Александром Алексеевичем Тимашевым. И невольно пожалел, что генерала Лукьянченко перевели в другую армию. «Григорий Сергеевич обязательно отстоял бы роту Тимашева», — думалось мне тогда.

Когда я передал Тимашеву распоряжение штаба фронта, он только и сказал:

— Слушаюсь, товарищ полковник.

— Александр Алексеевич… Мы с вами воюем с первого дня. По всем дорогам прошли вместе. Всякое довелось видеть. И мне, честное слово, жаль с вами расставаться. Спасибо за службу!

— Товарищ полковник, давайте выпьем наши фронтовые сегодня вместе, так сказать, на прощание. — Капитан Тимашев выскочил из канцелярии роты и через минуту вернулся с трофейной фляжкой. Поставил на стол два алюминиевых стаканчика, быстро разлил водку.

— За победу, Александр Алексеевич!

— За победу, товарищ полковник! И за скорую встречу!..

Встретиться нам больше не довелось. Вскоре нашу армию переподчинили 3-му Украинскому фронту, а 914-я рота осталась в распоряжении начальника связи 2-го Украинского. В дальнейшем, как ни пытался, так и не удалось узнать о судьбе капитана Тимашева.

* * *

В ночь на 20 августа во всех подразделениях состоялись митинги. Бойцы и командиры в своих выступлениях клялись сделать все, чтобы выполнить боевое задание.

В 4.00 во взводах и ротах политработники при свете карманных фонарей читали обращение Военного совета 2-го Украинского фронта.

«Дорогие товарищи!

Сегодня на рассвете тысячи орудий обрушат смертоносный огонь на позиции врага. Сотни самолетов сбросят бомбы на головы подлых захватчиков. Советские танки двинутся в бой. За ними могучей волной ринется вперед наша славная пехота. И для вас настал долгожданный радостный день наступления. Вперед, на полный разгром врага!»

Еще ночью ушли проделывать проходы в минных и проволочных заграждениях саперы. Специальный отряд 104-го стрелкового корпуса незаметно преодолел передний край неприятеля. Скрытно занимали свои окопы пехотные подразделения, приникли к прицелам артиллерийские

наводчики. Но ничто не нарушало предрассветную тишину.

Чуть посветлел прохладный с ночи воздух, постепенно обозначились очертания дальних холмов и предгорий, окутанных легким сумраком, а по низинам поплыл туман. На востоке вспыхнул первый луч восходящего солнца, и все впереди нас заиграло яркими летними красками. Белый туман таял в седой низине, по холмам проступила яркая зелень. Землю окутывала тишина.

* * *

На НП командарма собралась вся оперативная группа. Генерал Трофименко посмотрел на часы:

— Осталось десять минут.

Еще десять минут тишины.

Командарм вышел из блиндажа, через несколько минут вернулся, подошел к подполковнику Поповичу, хищно впился глазами в циферблат. Секунда, другая, третья…

— Давай! — выкрикнул он.

Часы показывали десять минут седьмого.

Обвальный грохот сокрушил утреннюю тишину, воздух, словно спрессованный, неприятно сдавил со всех сторон, звоном залепило уши. Позади нас ударили орудия, собранные на семикилометровой полосе. А впереди, там, где еще минуту назад противник чувствовал себя в безопасности, рушились укрепления, обваливались доты и дзоты, беспомощно метались обезумевшие солдаты. В дело вступили реактивные установки. Один залп. Другой. Третий… По занятой врагом земле поползли языки огня.

Более двух тысяч орудий разных калибров и минометов под руководством командующего артиллерией армии генерал-лейтенанта Петра Константиновича Лебедева полтора часа обрабатывали позиции противника. Обычно артподготовку завершали залпы «катюш». На этот раз после них снова заговорили орудия и минометы, а в завершение опять ударили «катюши». Такого мощного артиллерийского налета я не видел еще в своей жизни.

Едва артиллерия перенесла огонь в глубь вражеской обороны, обрушили на врага свой смертоносный груз свыше двухсот штурмовиков 5-й воздушной армии генерал-полковника авиации Сергея Кондратьевича Горюнова.

С криками «ура» поднялась в атаку пехота.

Потянулись на восток первые колонны пленных. А в прорыв уже была введена 6-я танковая армия генерал-полковника

Кравченко. Танки с пехотой на броне начали преследовать противника.

Наступила пора позаботиться о связи. Звоню на НП подполковнику Поповичу:

— Как дела, Григорий Кузьмич?

— Все в порядке, товарищ полковник. Проводная связь работает хорошо, радиосвязь пока не задействуем. ННСы готовы к постройке линий. Приступят к работе, как только еще немного продвинутся войска.

— Порядок. Имейте в виду, после смены артиллерией огневых позиций роту Каплия вывожу в резерв на осевое направление.

— Ясно. Одно плохо, товарищ полковник, телеграфно-строительные подразделения пока не могут приступить к постройке постоянной линии — все забито танками и их тылами.

— Этого нужно было ожидать, Григорий Кузьмич. Завтра к 18 часам ось связи должна быть построена до Хойшешти, туда к 19 часам переместится КП армии. Я получил задание обеспечить связь на новом НП на кургане Кириле, а вас, Григорий Кузьмич, прошу заняться постройкой постоянной линии для оси связи.

— Не беспокойтесь, товарищ полковник, все будет выполнено.

Я выехал в район нового НП. Но не так-то легко оказалось до него добраться. Дорогу забили полковые обозы наступавших частей, обогнать их было невозможно: то и дело встречались надписи «мины», «минное поле». Саперы производили разминирование, и всякое движение вне дороги запрещалось.

В одном из населенных пунктов, где недавно отгремел бой, повстречался с майором Фоминым, ставшим к этому времени заместителем командира полка связи. Кругом горели дома, которые никто не тушил, валялись трупы, которые еще никто не убрал, ветер носил по улицам черную копоть, ворохи бумаг, мусора. Едкий запах гари и дыма мешался со сладковатым ароматом печеных яблок, сиротливо висевших на обугленных деревьях.

— Что-нибудь случилось? — спросил я Фомина, заметив его озабоченность.

— Нет, нет, товарищ полковник, ничего не случилось. С поставленной задачей подразделения полка справляются успешно.

— Выше голову, Евгений Петрович. Мы идем по дорогам Европы, пусть теперь у врага портится настроение.

— Война, она везде война, товарищ полковник… По-настоящему будем радоваться после победы. Кто, конечно,

останется живой… Видите, вон угловой домик с красной крышей, рядом с обугленным каштаном? Я только что оттуда.

Капитан Фомин с ординарцем шли мимо. Из дома послышался стон. Как было не заглянуть? Двери распахнуты настежь. Ступая по осколкам стекла и кускам штукатурки, прошли одну комнату, вторую и увидели на большой деревянной кровати обложенную подушками старуху. Прямо на них смотрели большие черные глаза женщины, не выражавшие ни страха, ни удивления. Волнение ее выдавали только желтые, узловатые в суставах пальцы, быстро перебиравшие четки. Старуха походила на больную взъерошенную птицу.

Возле кровати на низком столике стояли пустой стеклянный кувшин и пустая тарелка. На полу валялось маленькое разбитое распятие. Почему эта несчастная осталась в покинутой деревушке? Что она передумала во время бомбежек и обстрелов? Что произошло с ее близкими, и дождется ли она встречи с ними?

Майор попросил ординарца принести галеты и воду. Больше они ничем не могли помочь старой больной женщине.

— И вот ведь что странно, Василий Прохорович, — заключил Фомин. — Когда шли мы по своей земле, то без конца повторяли: «Отомстим!» А теперь чувствую, не в том дело, — будто с сожалением проговорил он.

— Наша сила, Евгений Петрович, в этом и состоит. Мы пришли не мстить. Видите, деревня будто вымерла. Пройдет два-три дня, появятся жители. Они быстро поймут: бояться надо было не нас.

Из-за поворота показалась колонна пленных гитлеровцев: понурые, запыленные, они нехотя брели на восток… А впереди шел высокий стройный сержант с автоматом. Лицо его мне показалось знакомым. Колонна уже миновала нас, я вдруг начал что-то вспоминать.

— Евгений Петрович, вы видели сержанта, что шел впереди колонны?

— Видел, товарищ полковник. Знакомый, что ли?

— Вроде бы да… Я встретил его в первые дни войны где-то под Ионавой. Группа безоружных стройбатовцев бежала тогда от немцев на восток. Мы остановили ребят. Раненых отправили в медсанбат, здоровых в подразделения. Вот и запомнился один стройбатовец — уж больно был зол на немцев… Сейчас почудилось, вроде это он.

— Что же не окликнули?

— Не знаю ни имени, ни фамилии. Да в общем, это и не важно. Суть в другом, теперь он ведет целую колонну пленных немцев.

Простившись с майором Фоминым, я пустился догонять своих. Дорога вела на запад. Часто встречались села, как правило, крупные. Белые домики под черепичными и камышовыми крышами не липли к дороге, а прятались в глубине дворов, в зарослях густой акации или каштанов. Поражало обилие винограда. Густые кисти винограда были в самом соку — наступил сезон сбора, а жителей не было видно.

Изредка в селениях попадались лишь старики. Они, словно дозорные, приглядывались к проходившим войскам, высматривали, прикидывали — каково придется теперь, откуда им ждать беды и что это такое — Красная Армия? Клика Антонеску сделала все, чтобы внушить людям ужас перед наступавшими русскими. Но уже через несколько дней, когда мне пришлось проезжать по освобожденным селам, в них вновь бурлила жизнь: всюду шел сбор урожая, почтенные старики в остроконечных меховых шапках, в белых штанах и рубахах радушно приглашали наших воинов в дома, угощали фруктами, вином, а молодые женщины в расшитых платьях не упускали возможности заодно и пококетничать с бойцами.

На новый НП я добрался во второй половине дня. Связь заработала через час, а вскоре приехал заместитель командарма генерал-майор Г. И. Шерстюк.

— Товарищ генерал! Телефонная связь с соединениями и КП армии имеется. Радиосвязи нет только со 104-м корпусом, туда послан офицер Комаров, — доложил я.

— Хорошо. Давайте переговорим с корпусами.

Закончив переговоры с командирами соединений и доложив командующему обстановку, генерал Шерстюк предложил мне закусить и передохнуть.

В наступившей ночи где-то вдали слышалась перестрелка, но после дневного грохота и гула она, казалось, не нарушала тишины. Мы уселись на земле, разложили свои припасы. Я вскрыл ножом красивую консервную банку, вывалил на бумагу американские сосиски, нарезал крутыми ломтями хлеб, достал фляжку.

— Да, ничего, есть можно, — рассуждал генерал, аппетитно пережевывая сосиски. — Постарались союзнички. А вот со вторым фронтом явно задержались. Июнь сорок четвертого — не июнь сорок второго.

Поужинав, генерал Шерстюк сказал:

— Товарищ Агафонов, как видите, кроме вас, офицеров штаба со мной нет, так что будьте моим помощником. К 6.00 соберите данные от штабов соединений и разбудите меня. Утром сюда приедет командующий.

— Слушаюсь, товарищ генерал, все будет сделано.

Переговорив с ННСами и поставив им задачи на второй день операции, позвонил подполковнику Поповичу.

— Григорий Кузьмич, — предупредил я напоследок, — не забывайте напоминать офицерам, чтобы при разбивке линии обязательно высылали вперед команды миноискателей. В горячке и забыть могут. Ну, кажется, теперь все. Давайте отдыхать.

Утром приехали командарм Трофименко и член Военного совета Севастьянов. Они сообщили, что командующий фронтом поставил армии задачу завершить прорыв оборонительной позиции по хребту Маре и оказать содействие 6-й танковой армии в выходе на оперативный простор.

По хребту Маре проходила третья полоса обороны противника, прикрывавшая подступы к Центральной Румынии. Преодолев с боями горно-лесистую местность и оборонительные позиции «Траян», наши войска 23 августа овладели важными узлами шоссейных дорог — городами Вечешти и Васлуй, а вскоре и крупными экономическими центрами страны — городами Бырлад и Плоешти.

В первые же два дня нашего наступления неприятель был разгромлен. Оставшиеся части, прикрываясь арьергардами, поспешно отходили на юг. Румынские солдаты бросали оружие и разбегались по домам. Румынская армия оказалась на грани полного разгрома. В приказе Верховного Главнокомандующего, переданном по радио вечером 22 августа, говорилось:

«Войска 2-го Украинского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника северо-западнее города Яссы и за три дня наступательных боев продвинулись вперед до 60 км, расширив прорыв до 120 км по фронту.

В ходе наступления войска фронта штурмом овладели мощными опорными пунктами обороны противника — городами Яссы, Тыргу-Фрумос, Унгень — и с боями заняли более 200 других населенных пунктов».

А клика Антонеску, не считаясь с потерями, предав интересы своего народа, решила продолжать борьбу против Красной Армии. Позднее стало известно, что к исходу дня 23 августа Антонеску прибыл в королевский дворец с новым планом военных действий. Здесь он был арестован[7]. Дворцовые круги, царанисты и либералы сформировали новое правительство во главе с генералом К. Санатеску — начальником военного кабинета короля.

Компартия Румынии требовала, чтобы в новое правительство

вошли представители всех антифашистских партий и организаций. Но с этим требованием не посчитались. Большинство в правительстве Санатеску составили реакционно настроенные военные и чиновники. В качестве государственных министров без портфеля в него вошли по одному представителю от партий национально-демократического блока.

Вечером того же дня по радио была передана декларация короля. В ней говорилось о ликвидации фашистской диктатуры и прекращении, военных действий против государств антифашистской коалиции, о принятии условий перемирия, предложенных Советским правительством 12 апреля 1944 г., о готовности вести войну против гитлеровской Германии за освобождение страны.

25 августа Советское правительство вновь подтвердило, что оно не посягает ни на территорию Румынии, ни на ее независимость, ни на ее социальный строй.

Итак, первый этап Ясско-Кишиневской операции закончился. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов соединились, в результате попало в окружение свыше ста тысяч солдат и офицеров противника. А главным итогом этой операции было то, что еще один из союзников Гитлера был выведен из строя. Немецкая армия не только лишилась румынских дивизий, но и главной своей стратегической и экономической базы — румынских нефтедобывающих районов.

* * *

Наши штабы не сидели на месте. Стремительный темп наступления повлек за собою частую смену КП армии. С 20 по 31 августа, например, КП сменился одиннадцать раз, а с 1 по 13 сентября — семь. Особенно трудно было поддерживать в этих условиях проводную связь со штабами соединений.

24 и 25 августа, когда КП армии находился в Опришнице, а потом в Чиокани, проводная связь с корпусами отсутствовала, и все управление войсками обеспечивалось по радио и самолетами связи.

— Почему я лишен возможности говорить с командирами корпусов по телефону, а они со своими командирами дивизий имеют телефонную связь? — спросил меня недовольный командарм, только что вернувшийся из корпуса. — В чем дело, товарищ Агафонов?

Я знал, что можно соединить все провода перемычкой в начале и в конце линии и получить телефонную связь, но это

было запрещено, так как затрудняло ремонт линий. Однако не все начальники соединений считались с запретом. К тому же линейные части, имевшие только конский состав, не могли своевременно маневрировать своими силами и средствами. Необходимо было придать ННСам телеграфно-строительные отделения для ремонта разрушенных постоянных линий, но у нас не было автотранспорта. Я не стал докладывать командарму, почему некоторые соединения так легко устанавливают телефонную связь, и только попросил его выделить в мое распоряжение шесть грузовых автомашин.

— Что же вы раньше молчали?

— Думал как-нибудь выкрутиться, да ничего не получается, товарищ командующий.

Трофименко тут же позвонил своему заместителю по тылу генерал-майору А. А. Кацнельсону, приказал выделить машины и обратился ко мне:

— Товарищ Агафонов, нужна связь со 104-м корпусом. — И после паузы добавил: — Телефонная связь.

Я вызвал командира 295-й кабельно-шестовой роты капитана Н. В. Черепанова и поставил ему задачу.

Вечером увидел Черепанова. Он шел понурив голову, никого не замечая.

— Капитан Черепанов! Молодцы! Вовремя восстановили связь. Генерал Трофименко доволен вашей работой… Да что с вами, капитан?

— Лейтенанта Матюшина убили, товарищ полковник, — глухо ответил Черепанов.

Взвод Матюшина строил линию. Дойдя до зоны минометного огня гитлеровцев, лейтенант приказал своему помощнику установить контрольно-телефонный пост, а сам с тремя бойцами, двинувшись вперед, занялся прокладкой телефонной линии. Усилился минометный огонь, но связисты продолжали работать. Матюшин был убит разорвавшейся миной, но его бойцы все-таки закончили работу и в срок установили связь.

— На чужой земле похоронили, вон там, — показал куда-то назад капитан Черепанов.

А через час позвонил из батальона связи заместитель командира по политчасти старший лейтенант Александр Николаевич Кураков и сообщил, что во время работ телеграфно-строительная рота попала сначала под минометный огонь, а потом под бомбежку. При бомбежке тяжело ранило командира роты капитана Василия Егоровича Тагасова.

— Как себя чувствует Тагасов?

— Плохо, отправлен в госпиталь, товарищ полковник.

— Кто принял командование ротой?

— Начальник штаба батальона капитан Сергей Иванович Иванов.

— Товарищ полковник! — раздалось за спиной, и я увидел через плечо бравого сержанта, каких обычно рисуют на плакатах вне боевой обстановки. Ладный такой, в аккуратненьких яловых сапогах и короткой гимнастерке, делавшей его еще шире в плечах. Сержант прямо впился своей вытянутой ладонью в висок.

— Товарищ Кураков, передайте комбату, завтра буду у вас. Вот-вот должны подойти машины. — Я положил трубку и повернулся к сержанту.

— Машины прибыли, товарищ полковник! — отчеканил он, сразу сообразив, о чем шел разговор.

— Сколько?

— Шесть штук, товарищ полковник.

— Хорошо, сержант. Давно воюете?

— Второй год, товарищ полковник.

— Значит, все время наступаете?

— А зачем отступать? — удивился сержант. — Это Гитлер пускай отступает, теперь его очередь.

— Верно. Пойдемте посмотрим машины.

Мы вышли во двор. Осень в Румынии была спокойной. Днем в низинах по-летнему припекало солнце и было тепло. По вечерам с Карпат веял прохладный ветерок, становилось знобко. Я поежился и пожалел, что не накинул шинель. «А вот сержант до первого снега температурных изменений не заметит», — с грустью подумал я.

В отдалении стояли машины, их ветровые стекла поблескивали в лунном свете, на капотах сидели водители. Машины были совершенно новенькие.

— Откуда такие красавцы? — спросил я сержанта.

— Водители?

— Машины.

— Машины какой-то буржуй запрятал у себя на складе. Мы случайно их обнаружили, и вот нас поощрили… Мы давно присматривались.

— А где же ваши собственные?

— Остались на дорогах войны, — торжественно констатировал сержант.

Теперь дело с проводной связью стало значительно лучше. По одному отделению из телеграфно-строительной роты придали ННСам, а тремя оставшимися машинами усилили роту подвижных средств связи полка. Вскоре строительство оси было закончено, телеграфно-строительные подразделения подошли к

постоянной магистрали, ремонт и восстановление которой двинулись быстрыми темпами.

* * *

С неожиданными трудностями встретились радисты. Горы и лесные массивы оказывали экранирующее действие на прохождение радиоволн, «мертвые зоны» создавались даже в пределах радиуса надежного действия войсковых радиостанций. Особенно резко это сказывалось в ночное время. Радиосвязь, устойчиво работавшая днем, зачастую прекращалась с наступлением ночи.

Чтобы выйти из положения, мы иногда высылали в соединения промежуточные радиостанции или придавали им более мощные рации. Когда, например, штаб армии и 104-й стрелковый корпус оказались разделенными горным массивом Трансильванских Альп[8], решено было установить промежуточную радиостанцию. В назначенное время она не ответила на наш вызов, и мы с майором Сергеем Петровичем Аверьяновым срочно выехали к месту развертывания радиостанции.

С утра было солнечно, но к середине дня небо затянуло облаками, и сразу стало быстро темнеть. Мы пробирались по узким крутым дорогам. В горах приглушенно громыхали то ли оружейные выстрелы, то ли приближающиеся раскаты осеннего грома. На одном из склонов в зарослях потемневшего бука и граба одиноко белела глиняная хата. Сумерки все сгущались, того и гляди мог начаться дождь. Мы решили завернуть в хату.

Подъехали. Навстречу вышел старик румын. Ему наверняка было лет шестьдесят пять, но выглядел он еще очень крепким и держался довольно молодцевато.

— Прошу в дом, — пригласил с поклоном старик, сняв с головы потертую остроконечную меховую шапку. Во дворе нашелся небольшой стожок свежего сена, к нему сразу потянулись наши лошади.

— Пускай лошади сено едят, все равно моего жеребца немцы свели со двора, — говорил старик, приглашая нас в хату.

Быстро занавесив окна, хозяин зажег керосиновую лампу. В хате было тепло, аппетитно пахло каким-то варевом и разложенными на камышовых подстилках душистыми яблоками. Под окном стояла большая корзина с затуманившимся виноградом, в углу спело желтели свежие початки кукурузы. Возле побеленной печи на веревках сушились какие-то травы.

Грубо сколоченный стол, лавки… Все вместе создавало впечатление громадного натюрморта.

Старик пригласил нас к столу, поставил кувшин молодого виноградного вина, вытащил из печи большую миску с дымящимся супом.

— Чорба. Щи. — И тоже присел к столу.

Хозяин дома жил до революции в России — работал на шахтах. Поэтому и понимает русский язык. Потом вернулся на родину, завел семью. Обе его дочери уже замужем. Старуха умерла, а сына взяли в армию, с сорок третьего пропал без вести…

— Скорей бы кончилась эта проклятая заваруха, можэ сын в плену, можэ еще дождусь его, — затосковал старик.

— Если сын в плену, то непременно вернется. Как только кончится война, так и вернется, — успокаивал я.

— Скорей бы, скорей бы, — повторял он, подавая на стол традиционную румынскую мамалыгу.

Старик охотно согласился провести нас ночью по горным тропам. Минут через пятнадцать мы уже пробирались в кромешной тьме. Наш проводник уверенно шагал впереди.

— Дождя не будет? — спросил я.

— Дождя? — Он шумно потянул носом воздух, потом запрокинул голову к небу, уверенно сказал: — Дождя не будет.

Часа через полтора мы были на месте. Оказалось, радиостанция во время пути получила повреждение — съехала в кювет машина. Сергей Петрович, не теряя ни минуты, занялся ремонтом. К утру была установлена связь со штабами армии и корпуса.

* * *

Темпы нашего наступления все нарастали. Только с 3 по 14 сентября войска армии продвинулись на 350 километров. Преодолев труднейший переход через Трансильванские Альпы, освободили румынские города Питешти, Брашов, Сибиу, Себень, Альба-Юлия и другие. В некоторые дни войска продвигались за сутки на 40–50 километров. Связисты еле поспевали за ними. Никогда еще телеграфно-строительным подразделениям не приходилось в таком темпе восстанавливать постоянные линии. Подъехав к месту работы одной из рот, я спросил майора Ковалева:

— Какова степень разрушения линии? Выслали вперед разведку?

— Нет, товарищ полковник, не выслали.

— Плохо. Садитесь ко мне в машину, разведаем сами что к чему.

Дорога хорошая, разрушения линии небольшие, мы быстро проехали вперед километров на тридцать. Заметили вдали обоз. Нагнали — оказалось, не обоз, а стрелковые подразделения. На повозках сидели автоматчики, на тачанках были установлены пулеметы.

— Что за подразделения, товарищ старший лейтенант? — спросил я подъехавшего к нам офицера.

— Передовой отряд стрелковой дивизии, товарищ полковник. Никак не можем догнать противника.

— Вот и получается, товарищ старший лейтенант, что вы отстаете от гитлеровцев, а связисты от вас. Если не догоните врага, то связисты перегонят вас! — в шутку сказал я молодому офицеру. — Кстати, как у вас со связью?

— Связь с полком и дивизией поддерживаем по радио, товарищ полковник! — доложил подошедший к нам начальник связи батальона.

Пожелав успехов пехотинцам, мы повернули назад.

…В Румынии налаживалась нормальная жизнь. А ведь как только не стращали, как только не запугивали народ правители Антонеску! И многие, к сожалению, поверили, бросились на запад. Наши части спокойно обгоняли беженцев. Видя, что никто их не трогает, местные жители двигались вперед только по инерции. Политработники много беседовали с ними, терпеливо разъясняли цели и задачи Красной Армии. И обманутые люди поняли: настал час их освобождения.

По долгу службы мне иногда приходилось вести переговоры с Бухарестом, Плоешти и другими городами Румынии. С благодарностью вспоминаю румынских телефонисток, которые всегда правильно информировали меня. А это иногда имело очень важное значение, и не только для знакомства с состоянием связи на территории страны.

Как-то ранним утром звонит начальник штаба армии:

— Товарищ Агафонов! Командарм выводит одну стрелковую дивизию из состава корпуса и поворачивает на другое направление для помощи румынским частям, которые будут брать Брашов. Организуйте прямую связь с дивизией, уделите этому особое внимание.

— Позвольте доложить, товарищ генерал: в Брашове войск нет, немцы его оставили. Судя по артиллерийской перестрелке, бой идет в нескольких километрах от города.

— Откуда у вас такие данные?

— Несколько минут назад говорил с Брашовом по телефону, мне сказала об этом телефонистка.

— Что за ерунда? Как вы могли разговаривать с Брашовом по телефону?

— Через Плоешти и Бухарест, товарищ генерал. А для проверки моих сведений можно выслать на самолете офицера. Часа через полтора все прояснится.

— Немедленно выделите офицера и пришлите ко мне.

Для проверки был выслан на самолете По-2 подполковник Дудыкин. Все данные, сообщенные румынской телефонисткой, подтвердились. Проведя разведку, подполковник Дудыкин установил, где и на каком рубеже румынские части вели бои с немцами. Только после этого он вернулся в штаб армии.

Дивизию не пришлось выводить из состава корпуса.

В первых числах октября после упорных трехдневных боев наши войска штурмом овладели важным административно-хозяйственным центром Северной Румынии городом Турда, а 11 октября был освобожден город Клуж.

2

В результате успешных наступательных боев войска армии вскоре перешли румыно-венгерскую границу и заняли одиннадцать городов на территории Венгрии. А в начале ноября армия подошла к Тиссе. В местах, намеченных для переправ, ширина реки достигала 180–200 метров. Течение было довольно быстрым. К месту переправы шла единственная шоссейная дорога.

В числе первых Тиссу форсировала 78-я стрелковая дивизия. В ночь на 7 ноября, в канун праздника 27-й годовщины Великого Октября, вслед за стрелковыми частями успешно переправились армейские связисты.

Через реку сразу был проложен трофейный кабель к установлена связь с западным берегом. Одновременно начали переправу телеграфно-строительные подразделения. На рассвете того же дня они приступили к постройке постоянной линии на участке река Тисса, Арокте протяженностью около километра.

Дальнейшее восстановление постоянной линии в два провода на участке Арокте, Мезечат, станция Хее Баба связисты производили вслед за нашими наступающими передовыми частями, идя на уровне КП стрелковых полков.

К исходу 7 ноября были переправлены оставшиеся кабельно-шестовые средства ННСов. Телеграфно-строительные

подразделения начали дополнительную подвеску постоянных проводов. Силами фронтовых связистов через Тиссу был построен мачтовый переход емкостью на шесть проводов, а проложенный кабель некоторое время оставался резервным.

В ночь на 8 ноября штаб 104-го стрелкового корпуса переместился в город Мезечат. Туда же намечался переход и КП армии.

3 декабря в результате обходного маневра с северо-востока и ночного штурма наши войска овладели важным промышленным центром Венгрии и сильным опорным пунктом обороны противника городом Мишкольц.

Продолжая развивать наступление, соединения армии 16 декабря перешли венгеро-чехословацкую границу и вступили на территорию Чехословакии. Громя немецко-фашистские части, наши войска овладели важными узлами обороны противника и опорными пунктами Римавска-Собота, Фелединце и Филяково. 1 января 1945 года соединения армии форсировали реку Ипель и повели бои за расширение плацдарма. Возобновив наступление, наши войска в результате двухдневных уличных боев 14 января овладели крупным опорным пунктом и важным узлом коммуникаций городом Лучинец.

На этом боевые действия 27-й армии в Чехословакии закончились. Армия получила новую задачу.

* * *

22 декабря в венгерском городе Дебрецен собралось Временное национальное собрание, избравшее Временное национальное правительство Венгрии. Новое венгерское правительство порвало отношения с гитлеровской Германией и объявило ей войну.

Стремительное наступление советских войск по странам Юго-Восточной Европы и выход к венгерской границе заставил Хорти искать спасения в тайных переговорах с Англией и США. Во главе нового правительства гитлеровцы поставили Салаши. Новый фашистский прихвостень всячески старался выслужиться перед своими хозяевами и не жалел крови венгерского народа.

Хотя Временное национальное правительство Венгрии еще 22 декабря объявило войну Германии, Будапешт по-прежнему оставался в руках гитлеровцев и салашистов.

25–26 января наша армия передала свои позиции 40-й армии и, совершив многокилометровый марш, 30 января сосредоточилась в районе Ракоуиличет, Макад, Дион (юго-

восточнее Будапешта).

Частью сил армия заняла оборону по восточному берегу Дуная на фронте Будапешт, Чепель, Текел, Лорев, имея огневое соприкосновение только с окруженной группировкой противника в западной части Будапешта (Буде). Штаб армии расположился в Дионе. В наше подчинение вошел 37-й стрелковый корпус, который вел ожесточенные бои в западной части Будапешта. 27-ю армию переподчинили 3-му Украинскому фронту.

После перегруппировки войск армии нужно было ознакомиться с состоянием связи в 37-м корпусе и подчиненных ему дивизиях и изучить район предстоящих боевых действий. В соединения направились офицеры отдела связи.

В составе группы командующего мы с инженер-капитаном Комаровым выехали в Будапешт. Всю ночь шла переправа пополнения для частей 37-го корпуса, по многоводному Дунаю скользили сотни лодок. Во время рекогносцировки я узнал, что в Буде есть завод, выпускавший аппаратуру связи. Не воспользоваться этим было бы непростительно. Поделился известием с Борисом Александровичем Комаровым, оба вспомнили его вояж в Могилев-Подольский. Инженер-капитан тут же отправился на розыски.

Поездка Комарова, как я и полагал, прошла успешно.

К моему великому огорчению, нам с Борисом Александровичем вскоре пришлось расстаться. Его откомандировали в Москву, и встретились мы только после войны.

На следующий день дежурный по связи доложил, что по предоставленному фронтом проводу установлена телеграфная связь с резервной армией.

— А вам, товарищ начальник, просил передать большой привет полковник Соколов, — сказал в заключение дежурный.

— Вот за это особое спасибо. Я как раз собирался по делам в тот район на военно-почтовую базу. Передайте, пожалуйста, полковнику Соколову, что к вечеру буду у него.

Часа через два пустился в путь. Незаметен труд военных почтовиков, а какую колоссальную работу проводили они во время войны! Проверив военно-почтовую базу, я и в тот раз убедился, что дела у наших почтовиков идут отлично. Поблагодарив людей за четкую работу, направился к полковнику Соколову.

…На радостях мы с Алексеем Илларионовичем обнялись и расцеловались — ведь не виделись пять с лишним лет. Он стал совершенно седой, но по-прежнему был крепок и энергичен, по-прежнему любил шутку и меткое словцо. Поговорить нам было о

чем, просидели почти до рассвета.

В 1952 году в Москве я проводил Алексея Илларионовича в последний путь. Пишу эти строки, а в памяти, как живой, встает мой дорогой друг, навсегда оставшийся для меня примером прекрасного коммуниста, офицера, человека.

* * *

В конце февраля вызов в Управление связи 3-го Украинского фронта.

— Здравствуй, здравствуй, товарищ Агафонов! — доброжелательно встретил меня начальник войск связи фронта Иван Федорович Королев. Среднего роста, приземистый, жгучий брюнет, он с первого взгляда мог показаться немного угрюмым. На самом же деле Иван Федорович был человеком исключительно мягким и добродушным. — Ну, садись, рассказывай, как дела, как живешь? — Королев почти всегда обращался к подчиненным на «ты». — А водкой угощать не буду. Выпьем по бутылке пива! — неожиданно предложил он.

И. Ф. Королев (фото послевоенных лет)

— Со связью все в порядке, товарищ генерал. Ваши КИПы[9] нам хорошо помогли. Офицеры отдела, кажется, основательно изучили новый район…

— Имей в виду, — продолжал Королев, разливая по стаканам темное холодное пиво, — на днях ваша армия перейдет на западный берег Дуная. Используй все имеющиеся там постоянные

линии. А основное, — и он поднял в руке чуть запотевший стакан, — обрати внимание на связь с 26-й армией. Это очень важно для тебя. С начальником связи Александром Павловичем Титовым не приходилось встречаться?

— Как же, товарищ генерал! Титова я хорошо знаю. В тридцатых годах он командовал Киевской школой связи, а я как раз в тридцать четвертом учился на курсах усовершенствования при этой школе.

— Тем лучше. И вот что я еще тебе скажу: не придерживайся ты плана, яко слепой стены. Требует обстановка — смело вноси изменения. Прошу понять правильно: я не против планов. Отнюдь! Но лучшей проверкой качества плана является надежная связь.

— Ясно, товарищ генерал.

В конце беседы Королев спросил:

— А в оперативно-технический отдел ты уже заглянул?

— Был, товарищ генерал. Познакомился с начальником отдела полковником Иваном Павловичем Ефимовым, успел уточнить с ним кое-какие интересующие меня вопросы.

— Хорошо. Задерживать тебя не стану. Зайди к нашим снабженцам, передай свои заявки. Ну, будь здоров. Желаю удач.

В первый раз за время войны мне предложили подать заявки на средства связи. Это была добрая перемена.

* * *

Во второй половине февраля 27-я армия получила задачу главными силами переправиться на западный берег Дуная и занять второй оборонительный рубеж фронта на участке Кишвеленце, Тикрем, господский двор Фельше Цикола, Киш Перката.

С 26-й армией, находившейся в первом эшелоне фронта, была установлена надежная радио — и проводная связь.

К исходу 5 марта мы в основном закончили строительство оборонительных сооружений и рубежей. Армейские связисты построили и частично восстановили постоянные линии к соединениям. Кроме того, создали развитую сеть обходных путей по постоянным и кабельно-шестовым линиям не только между командными, но и между наблюдательными пунктами армии и соединений. Все линии завели на контрольно-испытательные пункты, что способствовало маневрированию проводами и устойчивой работе.

Использование радиосвязи было запрещено не только в

период перегруппировки войск, но и во время обороны — до начала наступления противника. Вся тяжесть управления войсками легла на проводные и подвижные средства связи.

* * *

Фашистское командование задумало мощным танковым ударом рассечь войска 3-го Украинского фронта, выйти к Дунаю, захватить плацдарм на восточном берегу, развивать наступление в северо-восточном направлении и овладеть Будапештом.

Для выполнения этих задач гитлеровцы перебросили с Западного фронта 6-ю танковую армию СС.

Главный удар наносился между районами озер Веленце и Балатон в направлении Дунапентеле, Сексард. На этом участке фронта оборону в первом эшелоне держала 26-я армия, а во втором — наша, 27-я.

Вспомогательные удары наносились из района Надьканижы в направлении Капошвара и из района Валпово на Печ. Враг мог также ударить из района Секешфехервара в направлении Будапешта. Встретить его здесь должна была 4-я гвардейская армия.

Немцы пытались ввести нас в заблуждение, грузили в дневное время на платформы танки и самоходные орудия, распространяли слухи, будто бронетанковые части спешно перебрасываются на берлинское направление. Наше командование разгадало замысел противника и правильно оценило сложившуюся на фронте обстановку. Командующий 3-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Федор Иванович Толбухин точно определил главное направление удара гитлеровцев. Ставя задачу генералу Трофименко, он сказал: «Немцы наверняка выберут кратчайший путь к Дунаю». И здесь, севернее озера Балатон, на участке фронта шириной 83 километра оборону заняли 4-я гвардейская, 26-я и 27-я армии (не считая отдельных соединений). Южнее Балатона на участке фронта шириной более 200 километров действовали наша 57-я и 1-я Болгарская армии.

Таким образом, на наиболее угрожаемом направлении была создана наибольшая плотность войск и боевой техники.

6 марта противник атаковал части 26-й армии, действовавшей в первом эшелоне. Войска 27-й армии продолжали укреплять оборонительные сооружения, находясь в полной боевой готовности. Бои между озерами Веленце и Балатон приняли ожесточенный характер. Только на первую полосу гитлеровцы

бросили более 300 танков и штурмовых орудий, но прорвать главную полосу обороны им не удалось. Наша 3-я гвардейская воздушнодесантная дивизия была переброшена на стык 4-й гвардейской и 26-й армий в район озера Веленце. Максимальное продвижение неприятеля в первый день наступления составило не более 3–4 километров.

7 марта немецко-фашистские войска подошли ко второму оборонительному рубежу, занимаемому войсками 27-й армии. Завязались тяжелые оборонительные бои. Войска армии прочно держали свои рубежи. Несмотря на ввод в бой значительных танковых сил, противнику не удалось осуществить план быстрого продвижения к Дунаю.

В самый разгар боя управление тыла армии переправили на левый берег Дуная. Тут же последовал приказ начальника штаба армии оставить в отделах штаба минимальное количество офицеров, а остальных отправить за Дунай.

Это распоряжение удивило многих офицеров. А я просто не мог понять, как можно в таких условиях отправлять за Дунай связистов, обеспечивавших управление войсками?

Звоню начальнику оперативного отдела подполковнику В. А. Игнатенко.

В. А. Игнатенко (фото 1963 г.)

— Виктор Антонович! Вы тоже отправляете своих офицеров за Дунай?

— Ничего не поделаешь, Василий Прохорович. Приходится. Приказ. Хотя думаю, делается это без санкции командующего. С начальником штаба говорить бесполезно, категорически требует освободить штаб от лишних офицеров.

— Кто же лишний, Виктор Антонович?

— Это уж решайте сами, Василий Прохорович.

— Придется выполнять…

Большинство офицеров проводной связи обеспечивали надежную работу линий и находились на КИПах. Инженер-подполковник Гринченко занимался резервным имуществом, подбрасывая его по мере необходимости в войска. Да и не таков был Алексей Алексеевич, чтобы его можно было в разгар жестокого сражения спровадить на безопасный берег. Аверьянов — в войсках… Попович — со мной… Отправил за Дунай отделение снабжения и ремонта да канцелярию отдела.

9 марта в результате многократных танковых атак, в ходе которых противник бросал по 50–60 танков на километр фронта, ему удалось ценою исключительно тяжелых потерь в живой силе и технике вклиниться в оборону 1-го гвардейского укрепрайона, входившего в состав 35-го гвардейского стрелкового корпуса. Не добившись большего, гитлеровцы произвели перегруппировку сил. Наша армия тоже была усилена 18-м и 23-м танковыми корпусами.

В течение 10 и 11 марта немцы продолжали атаку позиций 35-го корпуса. Части и соединения армии с величайшим напряжением сдерживали, отбивали и истребляли танковые полчища врага. Сосредоточив на направлении главного удара около 450 танков и штурмовых орудий, фашисты вышли западнее канала Шарвиз в район Шимонторниа.

Земля гудела от разрывов снарядов. Рев моторов и скрежет гусениц будто навеки похоронили тишину. Черным дымом заволокло горизонт. Кострами чадили подожженные немецкие танки и самоходки, а враг продолжал отчаянные, порой истерические атаки, пытаясь сбросить наши войска в Дунай.

Мы знали примерно силы противника, понимали, что он еще не добит и будет сопротивляться, но уже виден был конец войны, и никто не предполагал, что еще предстоит такое жестокое сражение. Бойцы буквально вгрызлись в землю, отчаянно бились за каждый метр, за каждый окопчик. Докрасна накалялись стволы пулеметов, артиллеристы выкатывали орудия на открытые позиции и вели огонь прямой наводкой, Подбитые танки отстреливались до последнего снаряда… Раненые не покидали поля боя. 27-я армия стояла насмерть.

Исключительно важную роль в подъеме боевого духа наших солдат сыграло в те дни обращение Военного совета 3-го Украинского фронта, адресованное Военному совету 27-й армии:

«В ожесточенных шестидневных боях против 9 танковых дивизий, одной мотодивизии, 15 пехотных дивизий вверенные

вам войска с величайшей стойкостью отстояли, не позволили противнику сломить нашу оборону и нанесли ему исключительные потери.

Враг уже испытывает острый недостаток в горючем.

Необходимо еще 4–5 дней такой же беспримерной стойкости и упорства, и очередная авантюра противника будет сорвана, а его танковая группа будет разгромлена».

Боевые листки, листовки-»молнии» с грифом «Передать по цепи» распространяли это обращение Военного совета фронта среди солдат, звали их к стойкости, мужеству. И армия продолжала отбиваться, уничтожая озверевших фашистов и их боевую технику. Один из стрелковых взводов был атакован немецкими танками. Младший лейтенант Киселев со связкой гранат бросился под гусеницы головной машины. Через два часа всю армию облетела листовка с предсмертными словами героя: «Они хотят прорваться, но этого не будет!»

В это время мы перехватили радиограмму: «Наступление приостановлено сильным огнем русских. Прошу артиллерию, танки и авиацию».

13 марта особенно тяжелые бои разгорелись на участке 458-го полка 78-й стрелковой дивизии. Враг любой ценой решил сбить полк с позиций. Атака следовала за атакой. Гитлеровцы наседали, а ряды защитников оборонительного рубежа таяли. В контратаку поднялись все, кто мог держать оружие. Еще одна атака отбита. Радист Волков вытащил с поля боя своего товарища Петра Иванова. Уложив друга в воронку, расстегнул на нем гимнастерку — грудь Иванова в нескольких местах пробита пулями, он уже не дышит. И снова наседают гитлеровцы. Они уже бегут к позициям полка. Волков первый поднимается в контратаку и с криком: «Вот вам, гады, за Петькину смерть!» — почти в упор расстреливает немцев из автомата. Снова гремит «ура». Еще одна атака отбита. Волков возвращается к радиостанции, связь полка со штабом дивизии работает без перебоев.

Отважно проявили себя в бою связисты 1-го гвардейского механизированного корпуса. Гвардии старший сержант Богданов под сильным артиллерийским и минометным огнем противника устранил 15 порывов на линии и в течение суток обеспечивал надежную связь. Гвардии сержант Запалов и рядовой Гаврилов при прокладке линии были ранены, но не ушли с поля боя, пока не выполнили задание.

В ночь на 14 марта разрыв мины нарушил телефонную связь с одним из подразделений самоходного артиллерийского полка 207-й самоходной артиллерийской бригады. В темную ночь, под

непрекращающимся огнем противника на линию вышел ефрейтор Сальников. Он двигался, не выпуская из рук кабель. Порыв обнаружен, но другого конца поблизости нет… Как найти его в непроглядной темноте? Фонарем пользоваться нельзя, даже спичку не засветишь — сразу накроют минометным залпом. Ефрейтор снял гимнастерку, затем нательную рубашку и привязал ее к кабелю. Рубашку в темноте все-таки видно. Метрах в десяти Сальников нашел другой конец кабеля и, быстро устранив повреждение, восстановил связь с подразделением.

* * *

14 марта генерал СС Зепп Дитрих бросил в бой свой главный резерв — 6-ю танковую дивизию и часть сил 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова». Это была последняя ставка гитлеровского командования в последней крупной наступательной операции.

И опять, как в самые напряженные дни этой битвы, извергая огонь из сотен орудий, сметая все на своем пути, на наши позиции ринулись бронированные машины врага. Озверевшие эсэсовцы бросались даже на пулеметы. Казалось, резервы фашистов неистощимы. И все же по еле уловимым признакам чувствовалось — мы выстояли. Слишком уж отчаянно лезли вперед немцы, слишком безрассудно шли они к своей цели. В этот решающий момент наши войска проявили беспримерную выдержку, каждый боец проникся до глубины сознания одной мыслью: выстоим! Отразив все атаки, части и соединения армии с 16 по 20 марта вели бои за улучшение занимаемых позиций, готовились к переходу в контрнаступление. 27-я армия в результате десятидневных ожесточенных боев выполнила боевой приказ фронта — прочно удержала занимаемые рубежи, не подпустила неприятеля к Дунаю. В ходе сражения наши доблестные войска обескровили врага, вынудили его перейти к обороне. Инициатива снова перешла в наши руки.

* * *

Ночью 20 марта начальник узла связи майор Д. В. Тимофеев доложил по телефону, что к 3.00 командующий фронтом Маршал Советского Союза Толбухин вызывает генерала Трофименко для переговоров по Бодо. Придя на узел и убедившись, что связь с фронтом работает нормально, я стал ожидать командарма.

Вид у генерала Трофименко был усталый, глаза воспалились от бессонных ночей и постоянного напряжения, черты лица обозначились еще резче. Выслушав доклад о состоянии связи, он приступил к переговорам с командующим фронтом. Маршал Толбухин поставил армии задачу на контрнаступление и потребовал, чтобы генерал Трофименко доложил свое решение. Из доклада командарма я понял, что 1-му гвардейскому механизированному корпусу предстоит нанести противнику лобовой удар. В этот момент майор Тимофеев подал мне телеграмму. Читаю. Начальник разведки того самого корпуса, о котором шла речь, доносил, что танки немецкой дивизии СС «Викинг» из-за отсутствия горючего закопаны в землю и будут использованы как огневые точки. Генерал Трофименко, докладывая свое решение, естественно, не имел этих данных. Содержание телеграммы могло многое изменить. Подаю ее командующему.

— Не мешайте! — закричал на меня Трофименко.

Вторично протягиваю телеграмму:

— Товарищ командующий! Прочтите, это очень важно!

Трофименко прервал переговоры, взял телеграмму, внимательно прочитал ее. Через две-три минуты он начал свой доклад словами: «Виноват, товарищ Маршал Советского Союза, только что получил данные, в корне меняющие мое решение…» Новое решение командарма предполагало нанести удар во фланг противнику.

Закончив переговоры, генерал Трофименко крепко пожал мне руку:

— Ну и службу вы сослужили, товарищ Агафонов! Спасибо, большое спасибо. — И неожиданно предложил: — Поедемте к начальнику штаба писать приказ…

Утром 20 марта войска армии перешли в решительное контрнаступление и прорвали оборону гитлеровцев. Преодолевая упорное огневое сопротивление и контратаки, армия продвинулась в первый день боя до 8 километров.

Соединения 1-го гвардейского механизированного корпуса форсировали каналы Шарвиз и Малом Чарторна. Подразделения 1-й гвардейской мехбригады встретили упорное сопротивление противника, но он не выдержал и оставил свои позиции. Вскоре наступающие войска вышли на линию Бергенд, Шопоньяй, Лепшень.

Успешное окончание Балатонской битвы — крупнейшего сражения на завершающем этапе войны — положило начало полному разгрому фашистских войск, прикрывавших подступы к важнейшим промышленным, стратегическим и политическим

центрам Юго-Восточной Европы.

О работе, проведенной в тот период армейскими связистами, говорят хотя бы такие две цифры. За период Балатонской операции и последовавшей за ней Венской наступательной операции было восстановлено 3170 проводокилометров постоянных и построено 1450 проводокилометров кабельно-шестовых линий.

Не могу не сказать хотя бы несколько слов о личном составе, обслуживавшем узлы связи. Трудно подсчитать, сколько узлов было развернуто на командных и наблюдательных пунктах и во втором эшелоне армии. А ведь узел, особенно на КП, являлся сложным организмом. В него входили радиогруппа, кросс, телефонная, телеграфная и генераторная станции, пункт сбора донесений и даже посадочная площадка для самолетов связи. Работу каждого из этих элементов обеспечивали соответствующие специалисты — радисты, кроссовики, телефонисты, телеграфисты-морзисты, эстисты и бодисты, генераторщики, фельдъегеря. От их подготовки и умения зависела четкая деятельность всего узла, своевременная передача войскам приказов и распоряжений командования, получение донесений от подчиненных штабов. Все они беззаветно выполняли свой долг перед Родиной.

Лучшими специалистами считались радистка старший сержант Л. М. Плесцова, телефонистки П. В. Сысоева и Н. Ф. Кузнецова, эстист младший сержант М. Хватова, бодист сержант Залимайка, фельдъегеря Шамис и Борцов, командир телеграфной роты старший лейтенант Т. П. Белоус, командир роты подвижных средств лейтенант Д. С. Редько, старший лейтенант Н. С. Смирнов, отвечавший за связь в штабе тыла, и многие другие.

Говоря о работе армейских связистов, должен подчеркнуть, что в 27-й, как и в 11-й, армии пример мужества и беззаветной преданности воинскому долгу всегда подавали коммунисты и комсомольцы. Авторитет их в частях был неоспорим. С гордостью рассказывал мне в конце войны заместитель командира по политчасти 117-го Прутского полка связи Федор Григорьевич Ревенко, что в их полку с 1943 по 1945 год количество коммунистов увеличилось в полтора раза, а ряды комсомольцев выросли почти вдвое.

Конечно, легче оценивать боевую деятельность войск по количеству сбитых самолетов или уничтоженных танков. О результатах той или иной операции опять-таки судят по числу убитых и плененных солдат и офицеров противника, количеству боевой техники, оставленной им на поле боя. И не случайно в книгах и кинофильмах о войне мы, как правило, встречаемся с

летчиками-истребителями, артиллеристами, танкистами. Связист же обычно фигура эпизодическая. А часто ли мы задумываемся над тем, что значило, скажем, проложить несколько сот метров кабельно-шестовой линии под минометным огнем неприятеля или восстановить связь, когда пехота зарылась в землю и не может поднять головы, когда танкистов защищает броня их машины, а артиллеристов в какой-то мере спасает расстояние?!

Склоняя голову перед великим подвигом пехотинцев, танкистов, артиллеристов, летчиков, саперов, я хочу, чтобы в одном ряду с ними всегда стояло скромное слово «связист».

* * *

Войска армии с боями продвигаются вперед. Теперь уже всем ясно — скоро конец войне.

Дороги войны ведут нас все дальше на запад. Вот и озеро Балатон, откуда враг грозил нам уничтожением. Это озеро самое большое в Средней Европе, и венгры с гордостью называют его «Венгерским морем». Пусть будет море. Озеро действительно огромное, и глубина порядочная — до 8 метров, и вода солоноватая — опять, как в море. А кругом знаменитые курорты… Оторопело смотрела на нас венгерская знать — не все успели собрать свои чемоданы. Независимо старались держаться дипломаты из многочисленных посольств. Член Военного совета генерал Севастьянов рассказал, что бывшего болгарского посла арестовали и передали болгарской армии. А в остальном все мирно, спокойно и непривычно комфортабельно. В такой обстановке с трудом верится, что еще предстоят жестокие бои…

В этих «мирных» условиях связисты восстанавливают постоянные линии, прокладывают новые. Но вот потребовалось срочно установить связь с КП дивизии, которая вышла из состава корпуса в армейское подчинение и вела бои с отходящими частями противника. Вызываю командира 534-й кабельно-шестовой роты капитана Каплия. Хороший офицер, специалист своего дела… Что можно сказать о нем еще? Настоящий связист. Короче говоря, ставлю ему задачу.

Капитан Каплий с двумя взводами приступил к делу. Связь с дивизией была налажена в срок. На линии он установил несколько контрольно-телефонных постов. На одном из них, расположенном в палатке поблизости от железной дороги, находился и сам капитан Каплий. Связь работала хорошо. Оставив у аппарата дежурного телефониста и выставив часового, он разрешил остальным отдыхать.

Построил несколько километров линии, установил связь. Ничего особенного, обычная работа.

С первыми лучами нежаркого утреннего солнца капитана Каплия разбудил тревожный голос часового: «Товарищ капитан! Фашисты…» Приказав часовому залечь у насыпи и вести наблюдение, Каплий быстро и без шума поднял бойцов, развернул их в цепь, занял оборону. Не заметив этих приготовлений, гитлеровцы приближались к контрольному посту. Вот-вот раздастся команда, и они бросятся в атаку — численный перевес на их стороне. Подпустив противника поближе, связисты по команде капитана открыли огонь и уничтожили почти всю группу. Только нескольким фашистам удалось скрыться. Контрольно-телефонный пост продолжал прерванную было работу. Связь с дивизией действовала устойчиво.

Километры этой линии вошли в число тех 1450 итоговых, о которых я уже говорил. И таких километров было немало. Убитых гитлеровцев подсчитывали уже другие рода войск. А эпизод, о котором я рассказал, трансформировался в нашем сознании примерно так: «Капитан Каплий с группой бойцов установил и поддерживал связь с дивизией, и при этом была уничтожена группа вражеских солдат».

3

С 20 марта соединения 27-й армии, перешедшие в контрнаступление, успешно продвигались вперед. Сбивая сильные арьергарды противника с подготовленных рубежей, неудержимо преодолевая его сопротивление, они подошли после десятидневных боев к австрийской и югославской границам.

Преследуя остатки задунайской группировки гитлеровцев, войска 3-го Украинского фронта устремились в направлении Вены. Соединения 27-й армии в первых числах апреля вторглись в пределы Юго-Восточной Австрии и повели активные действия в направлении города Грац, одновременно войска вступили и на территорию Югославии, очистив от противника северную ее часть по реке Мура.

Чтобы не отстать от штабов соединений, ННСы использовали не только постоянные, но и бездействующие высоковольтные линии электропередач. Медные электропровода, рассчитанные на высокое напряжение, имеют большое сечение, поэтому телефонную связь по ним можно устанавливать на значительные расстояния. Слышимость при этом была столь хороша, что у командования нередко возникали недоуменные вопросы.

Так случилось и в тот раз, когда ННС — командир 38-й роты старший лейтенант Иван Павлович Кряжев — использовал высоковольтную линию для связи с 33-м стрелковым корпусом.

— Товарищ Агафонов! Где находится штаб 33-го корпуса? — спросил генерал Трофименко, закончив телефонный разговор.

Я назвал точное местонахождение штаба.

— А не морочите ли вы мне голову? — чуть растерянно проговорил командарм. — Я ведь чувствую, он где-то рядом. Послушайте, как гремит телефон… — И уже другим тоном приказал: — Сейчас же проверить и доложить!

— Штаб корпуса на своем месте, товарищ командующий. А связь с ним поддерживается по высоковольтной линии, поэтому такая слышимость…

— Ну и фокусники, — проворчал Трофименко. А я почувствовал, что командарм доволен нашей рационализацией, хотя не показывает виду.

Но и в последние недели войны нам не всегда сопутствовала удача, не везде были высоковольтные линии, не всегда противник спешил сдаться в плен.

Особенно трудные условия сложились для наших войск в Австрийских Альпах. В горах лежал влажный глубокий снег. То и дело обрушивались тяжелые снежные карнизы, нависшие над узкими тропами. Пользоваться каким-либо транспортом в этих условиях было невозможно. Связисты тащили на себе катушки с кабелем, переносные радиостанции, телефонные аппараты…

Мы с подполковником Аверьяновым выехали в одно из соединений, которое то и дело теряло связь со своими полками. У подножия Альп шумела весна: в горах уже таял снег, и здесь звенели ручьи. Распаренная земля начала покрываться легкой зеленой дымкой, которая вот-вот готова была разлиться широким морем альпийских лугов. Чувствовалось, еще немного — и брызнут первой листвой деревья, ярко вспыхнут в лугах цветы.

— Сергей Петрович, красота-то какая! — нарушил я затянувшееся молчание.

— Красота-а, — протянул Аверьянов, очнувшись от каких-то своих мыслей. — А я вот завидую, Василий Прохорович. Завидую по-хорошему нашим политработникам, — неожиданно признается он.

— Неужели надоела наша работа, Сергей Петрович?

— Да нет, работа не надоела. Только уж больно сейчас у наших политработников дела интересные пошли. В самой гуще исторических событий находятся. То ведут переговоры с венграми, то с югославами, то союзники пожалуют. А мы слышим лишь случайные обрывки, кусочками видим большие

исторические события… Ну о чем мы с вами, прошагав чуть не по всей Европе, сможем рассказать хотя бы своим детям?! — патетически воскликнул Аверьянов. — Разве что о весенних пейзажах?..

— Дорогой мой Сергей Петрович! Вас все история волнует. А ведь география тоже не последний предмет!

Да, география тоже не последний предмет… Только что мы радовались весне, а поднялись в горы, снова дохнула в лицо уходящая зима. Горная тропа круто петляет вверх. Из ложбин, забитых потемневшим снегом, тянет холодом. Лошади под нами, предчувствуя глубокий снег, настороженно прядут ушами, нехотя продвигаются вперед.

Последний луч заходящего солнца переломился о снежную вершину, на миг озарил ее багряным светом, и сразу поползли холодные сумерки. В горах темнеет быстро. КП дивизии мы достигли уже затемно.

Встретил нас начальник связи дивизии майор Тертычный. По одному его виду можно было судить, что дела обстоят не блестяще. Дивизия попала в исключительно тяжелые условия. Установленная с полками проводная связь почти бездействовала. Небольшие группы фанатично настроенных фольксштурмовцев, хорошо зная тайные горные тропы, вырезали кабель, устраивали засады. Надсмотрщики, которых высылали на линию, как правило, не возвращались, а у Тертычного не было резервов, чтобы выделить на направление, скажем, роту. Так и пришлось отказаться от проводной связи.

Радиосвязь в горных условиях тоже действовала ненадежно. Не помогли даже опыт и большие знания подполковника Аверьянова. Всю ночь он провозился с аппаратурой, меняя волны диапазона, перемещая радиостанции, пробуя устанавливать антенны в различных направлениях. И только с восходом солнца появилась радиосвязь с полками. Но облегчения это не принесло. Каждый из нас понимал, скроется солнце — и эфир, сколько ни бейся, снова станет непроницаем для коротких радиоволн.

Светает в горах так же быстро, как темнеет. Не успели слегка перекусить, ослепительно вспыхнули снежные вершины, а по долинам, скатываясь в глубокие расщелины, пополз седой туман. Зазеленели внизу луга, но нам предстояла дорога не к этим лугам, а туда, где до рези в глазах сверкал белый снежный настил.

С трудом добрались на КП части, с которой утром так и не удалось установить радиосвязь. В полку большие потери, тяжело ранен командир. Начальник радиостанции убит, а радиостанция выведена из строя пулеметной очередью. И снова Сергей

Петрович колдует возле разбитой радиостанции, надолго задумывается, трет рукой заросшие щетиной щеки, словно хирург операционной сестре, отдает, не глядя, какие-то распоряжения сержанту-радисту…

И я еще раз подумал, как незаметен труд связиста. Ведь вот сколько сделал для обеспечения войск связью, например, Сергей Петрович Аверьянов! Но как и чем измерить его вклад в общее дело? Какими заслугами отмечен его боевой путь? Как тут было не вспомнить Старую Руссу, заснеженные леса и болота, далекий 1942 год… Потеряна связь с батальонами морской пехоты. В темную глухую ночь пробираются в батальоны капитан Аверьянов и воентехник 1 ранга Маслюков. И там, где они побывали, заработала связь. Сколько ночей не спали они, сколько раз зарывались в снег в поисках защиты от разрывов вражеских снарядов и мин! В работе связистов это не важно. Была бы связь!

— Товарищ полковник, — обращается ко мне по всей форме Аверьянов, — радиостанция в порядке. Связь с КП дивизии установлена!

Мы облегченно вздыхаем и почему-то смеемся.

— Не вы, Сергей Петрович, должны кому-то завидовать, а вам может позавидовать любой, — говорю Аверьянову.

— Может, и так, товарищ начальник. Однако и память у вас!

Побывав в остальных полках, мы наутро выехали в штаб армии. С каждым километром становилось все теплее. Снежные вершины оставались позади, а у подножий по ярко-зеленым лугам вспыхнули головки альпийских цветов. Кое-где уже разорвались почки, и деревья тихо зашуршали на ветру первыми листьями.

Подполковник Аверьянов остановил своего коня возле дерева, осторожно потрогал зеленые листья, с затаенной радостью произнес:

— Клейкие еще…

— Весна, Сергей Петрович! Настоящая весна! Наша победная весна.

— Неужели немцы не поняли, что пришел им конец?

— Многие поняли, Сергей Петрович. А тем, кому неясно, поможем разобраться…

* * *

Пала Вена. Пал Берлин. Но война еще не кончилась. Продолжая наступление, войска 27-й армии вышли 8 мая на рубеж Грац, Фейстритц, Брук. Командный пункт армии разместился в Рехнитце. Поздним вечером бодисты принесли

радостную весть: Германия капитулировала. Я решил дождаться официального подтверждения этой новости.

Вышел на улицу. В ночном небе мерцали крупные далекие звезды. По заснувшему городку разливался холодный лунный свет. Черной стеной застыли притихшие горы. Вдруг слышу шум на узле связи. Выбежал подполковник Аверьянов, я бросился к нему.

— Звонил маршал Толбухин! Победа! — кричит Сергей Петрович. Мы обнимаемся, целуемся, что-то кричим…

Вмиг проснулся тихий Рехнитц. Высыпали на улицы солдаты, сержанты, офицеры. Появились разбуженные необычным шумом местные жители. Звенят песни, заливаются баяны, где-то даже гремит духовой оркестр, В широком кругу колотят о мостовую кованые сапоги. Какой-то сержант, зажав в руке пилотку, с такой исступленной лихостью отплясывает «русского», что, кажется, вот-вот проломит мостовую. На раскрасневшемся лице его выражение восторга, на плотной груди звенят медали… И что-то чудится в нем знакомое. Ба! Да это тот самый орел, что пригнал мне тогда в Румынии машины. А вот срывается с места молодая дивчина-ефрейтор, несут ее по кругу ловкие сильные ноги, и… не выдержал полковник-артиллерист, рванулся в круг, хлопнул по хромовым голенищам здоровенными руками, свистнул по-разбойничьи и, то ли проснулась в нем далекая цыганская кровь, то ли распахнулась ширь русской души, пошел выделывать такие коленца, что заулыбались все вокруг.

Мы идем с инженер-подполковником Гринченко по шумным улицам маленького Рехнитца, о чем-то возбужденно говорим, и вдруг до слуха отчетливо доносится «чижик-пыжик»… Алексей Алексеевич останавливается как вкопанный, подняв вверх указательный палец, шепчет:

— Звук какой… Инструмент… — и бросается на противоположную сторону улицы, к дому, из открытых окон которого несется эта незамысловатая мелодия. Сначала Гринченко метнулся к окну, потом бросился к двери. Я последовал за ним.

В большой полупустой комнате стоял посередине черный концертный рояль. Вокруг него восхищенно выхаживал Алексей Алексеевич. От удовольствия, что ли, у него смешно топорщились усы. Тут же растерянно топтались двое солдат, им было явно непонятно поведение долговязого подполковника. Наконец Гринченко остановился, снял фуражку, швырнул на покрытую густым слоем пыли крышку рояля, на которой пальцем было выведено «Победа!», осторожно коснулся клавиш…

Постояв еще несколько секунд, Алексей Алексеевич, словно

решившись на что-то рискованное, присел к роялю. Одна мелодия стала сменять другую. Он будто торопился сыграть все, боялся что-то забыть, не вспомнить. Видно, все эти долгие годы жила в его пальцах тоска по клавишам. А мне представлялся совсем другой Гринченко, про которого у нас говорили, что он может черта достать из-под земли…

Алексей Алексеевич делает паузу, закрывает глава и вдруг резко бросает пальцы на клавиши. Звучит что-то торжественное и большое… Я мало разбираюсь в музыке и не знаю, что он играет, но чувствую, как мелодия входит в меня, а душу охватывают неизъяснимые чувства…

— Бетховен! — радостно звучит за моей спиной. Оглядываюсь. В комнате полно народу. Кто-то тихонько тянет меня за рукав.

— Товарищ полковник, — шепчет дежурный по связи, — вас срочно вызывает начальник штаба.

Быстро пробираюсь к выходу и слышу, что музыка смолкла. Уже на улице догоняет меня Алексей Алексеевич.

— Что случилось, Василий Прохорович?

— Может, и ничего. Мало ли зачем мог я потребоваться. Мы вроде бы забыли, что война-то кончилась.

— От такого не сразу отвыкнешь…

— Верно. А играете вы чудесно! Зря скрывали свои способности.

— Боялся, Василий Прохорович, что опять заберут в ансамбль, — невесело отшучивается Гринченко.

* * *

Начальник штаба генерал Брагин подозвал меня к карте и изложил обстановку.

— Вот здесь, — показал он место на карте, — движутся колонны власовцев. Они пробиваются на запад, надеются сдаться в плен нашим союзникам. Телефонная связь с передовыми частями армии, к сожалению, прервана. Видимо, власовцы, пересекая шоссейную дорогу, позаботились об этом. Необходимо срочно восстановить линию.

Вызвав подполковника Прилучного, я передал приказ начальника штаба и попросил поставить во главе ремонтной команды самого толкового офицера-коммуниста, прислав его предварительно на инструктаж.

Минут через пятнадцать ко мне вошел майор Евгений Петрович Фомин. И мне вдруг стало не по себе. Почему мы всегда

на самые опасные участки направляем самых толковых, почему не бережем их?.. Даже вот теперь, когда кончилась война, самый толковый, именно он, должен идти на смертельно опасное задание.

В праздничном Рехнитце никто и не заметил, как из городка вышла колонна, состоявшая из бронеавтомобиля, мотоцикла с коляской и двух автомашин. Война окончилась! Вот она, наша победа! Ради нее жили мы с того памятного утра 22 июня 1941 года, когда первый немецкий снаряд разорвался на советской земле. Ради нее прошли далекий Неман, заснеженную Старую Руссу, многоводный холодный Днепр, весенний Прут, глубокий Балатон, Австрийские Альпы… Ради нее погибли полковник Изюмов, майор Шаповал, полковник Сошальский, девушки-связистки из Парфино Королева, Крутских, Ефимова, младший сержант Артеменко и многие-многие другие…

Весь вечер я просидел в кабинете. Десятки раз трещал телефон. Но я ждал с тревогой только одного звонка. Уже готов был поверить дурным предчувствиям, когда, подняв трубку, услышал радостный голос Фомина: «Неман», «Неман»! Я — «Дунай»!» Майор доложил, что линия восстановлена, потерь нет. Только тут я вздохнул с облегчением. И только тут понял, как символично звучат наши позывные «Неман» и «Дунай». Там, на Немане, для многих из нас начиналась война, здесь, на Дунае, мы с победой закончили ее.

* * *

Добиты последние группы врага, не сложившие оружия. В Москве состоялся Парад Победы. Нас собрал у себя вернувшийся из столицы командарм Трофименко. Провозгласив тост за нашу великую победу, он предложил собравшимся почтить память погибших товарищей. Потом сердечно поздравил каждого начальника рода войск и служб армии. Подошла и моя очередь.

— Наша армия не раз принимала на себя тяжелые удары врага. И я могу сейчас сказать: связисты всегда были на высоте. В вашем лице, товарищ Агафонов, от души хочу поздравить их…

Радостно было услышать эти слова. Те, кому довелось служить под началом Сергея Георгиевича Трофименко, знают, что командарм наш был человек крутого нрава. Но я счастлив, что воевал рядом с ним. То был человек высокой военной культуры, требовательный и справедливый военачальник. Он умел не только строго спросить с подчиненных, но и вовремя помочь им. Может, потому ему сопутствовало военное счастье.

Все мы искренне поддержали члена Военного совета генерала Севастьянова, когда он провозгласил тост за командарма.

* * *

К великой нашей радости, 27-я армия вскоре получила приказ возвратиться в родные края. С боевыми знаменами, украшенными орденами, стройными рядами двигались части и соединения по селам и городам, которые совсем недавно приходилось освобождать от врага. Мы покидали чужие края и с болью оставляли многочисленные могилы, над которыми алели пятиконечные звездочки. Вместе с войсками, печатая шаг, проходили и дорогие моему сердцу части связи. 117-й отдельный Прутский ордена Богдана Хмельницкого полк связи, 765-й отдельный ордена Александра Невского батальон связи, 38, 295, 534-я отдельные ордена Красной Звезды кабельно-шестовые роты, 561-я отдельная армейская Трансильванская эскадрилья связи…

Звучит песня связистов, написанная сотрудником армейской газеты, ныне лауреатом Ленинской премии писателем Сергеем Сергеевичем Смирновым:

Мы пехоты друзья боевые,
Мы связисты — отважный народ.
Вспомним ныне бои фронтовые,
Наш далекий победный поход.
Мы прошли и Карпаты и Альпы,
Балатонский прославленный бой.
И кремлевские гулкие залпы
Отмечали наш путь боевой…
Мы вернулись на Родину!

* * *

Время летит неудержимо. Новая работа, новые люди, новые заботы на какой-то срок заслонили недавнее прошлое. Но с каждым годом все настойчивее давало оно знать о себе. То оживало в тревожном сне. То властно напоминала о нем случайная встреча со старым знакомым. То будоражила душу газетная статья. Неудержимо потянуло к товарищам по оружию. Завязалась переписка. Как же было не рассказать о том, что сберегла память, что засвидетельствовали боевые друзья и

навечно зафиксировали документы тех лет!

Начал писать. Огромную радость и удовлетворение принесла длительная работа над книгой. Я так остро вновь переживал события военных лет, что настоящее порой отодвигалось куда-то в сторону и явью становилось уже далекое прошлое.

С грустью дописываю последние страницы: не хочется расставаться с боевыми товарищами. Но надеюсь, что расстаюсь ненадолго, что откликнутся теперь даже те, кого давно потерял из виду за эти четверть века.

Как же сложились после войны судьбы дорогих моему сердцу людей?

Наш боевой командарм Герой Советского Союза генерал-полковник Сергей Георгиевич Трофименко несколько лет командовал войсками Белорусского, а потом Северо-Кавказского военных округов. В 1953 году Сергея Георгиевича не стало. Мне не удалось проводить его в последний путь, но и по сей день не могу смириться с этой горькой утратой.

Первый командарм 27 генерал-лейтенант Федор Петрович Озеров долгое время был начальником одной из ведущих кафедр Академии Генерального штаба. Сейчас Федор Петрович в отставке и находится в Москве.

С генерал-лейтенантом Григорием Сергеевичем Лукьянченко мы простились летом 1944 года, когда его перевели в 47-ю армию. Затем он был начальником штаба советской военной администрации в Германии, работал в Генштабе и в Академии Генштаба. В 1967 году Григорий Сергеевич безвременно ушел от нас.

Генерал-майор Петр Васильевич Севастьянов был членом Военного совета механизированной армии, начальником политуправления Закавказского военного округа, членом Военного совета Сибирского военного округа, работал в Главном политическом управлении. В 1956 году Петр Васильевич вышел по болезни в отставку.

Генерал-лейтенант войск связи Николай Степанович Матвеев долгое время заведовал кафедрой связи Академии Генерального штаба. В настоящее время он в отставке и находится в Москве.

Алексей Иванович Леонов стал маршалом войск связи и продолжает службу в Советской Армии.

Генерал-полковник войск связи Иван Федорович Королев скоропостижно скончался в 1949 году.

Бывший мой заместитель Григорий Кузьмич Попович окончил Академию Генерального штаба. В настоящее время генерал-майор, начальник войск связи Московского военного округа.

Сергей Петрович Аверьянов много лет был начальником связи бронетанковых и механизированных войск Прикарпатского военного округа. В отставку вышел в звании полковника. Сейчас живет в Саратове, активно участвует в работе местного отделения общества «Знание».

Алексей Алексеевич Гринченко вновь занялся педагогической деятельностью — преподавал в Киевском военном училище связи. Уйдя в отставку, остался жить в Киеве.

Евгений Петрович Фомин, уволившись в запас, обосновался в Тюмени. Долго работал в системе Сибирского управления рыбной промышленности. С 1966 года — на пенсии.

Бывший командарм 11 генерал-лейтенант Василий Иванович Морозов в последние годы жизни заведовал кафедрой в МГУ. Умер Василий Иванович в июле 1964 года. Читатель, видимо, помнит, что в первые дни войны, когда армия под натиском врага вынуждена была отойти, дочь Морозова Лида вместе с другими детьми осталась в пионерском лагере под Палангой. Василий Иванович разыскал Лиду только в 1944 году, после освобождения Прибалтики. Девочку приютили наши советские люди, с риском для жизни они прятали ее у себя все годы оккупации. Сейчас Лидия Васильевна живет в Риге.

Герой Советского Союза генерал-лейтенант Иван Тимофеевич Шлемин был начальником штаба нашего Северо-Западного фронта, потом командовал 5-й танковой, 6-й, а затем 46-й общевойсковыми армиями. После войны генерал Шлемин возглавлял штаб Южной, а затем Центральной группы войск. В 1963 году Иван Тимофеевич по состоянию здоровья вышел в отставку и находится в Москве.

Ближайший помощник Василия Ивановича Зуева бригадный комиссар, а ныне генерал-лейтенант Михаил Васильевич Рудаков после 11-й армии был членом Военного совета 4-й Ударной армии, потом начальником политуправления Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, членом Военного совета 3-го и 1-го Прибалтийских фронтов. В настоящее время — заместитель начальника военно-финансового факультета Московского финансового института.

Генерал-лейтенант Петр Михайлович Курочкин одним из первых в нашем роде войск стал доктором военных наук. Теперь он профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и продолжает службу в рядах Советской Армии.

И ныне здравствует старейший из связистов генерал-лейтенант в отставке Иван Андреевич Найденов.

И. А. Найденов (фото 1956 г.)

Командир 117-го отдельного Прутского ордена Богдана Хмельницкого II степени полка связи подполковник Петр Александрович Прилучный умер вскоре после войны.

Заместитель командира полка по политической части майор Федор Григорьевич Ревенко, чуткий человек, стойкий коммунист и прекрасный организатор, ушел из армии в 1946 году. Ныне Федор Григорьевич персональный пенсионер республиканского значения, но продолжает трудиться по сей день.

Вот и пришла пора ставить точку. Знаю, моя книга далека от совершенства. Об участии связистов в Великой Отечественной войне будет еще написано много хороших книг. Скажу в свое оправдание только одно: брался за перо с самыми добрыми намерениями. И если не все удалось так, как хотелось, пусть читатель не осудит старого солдата.

notes

Примечания

1

Во время боев под Старой Руссой подполковника Медникова отозвали в Управление кадров, а меня вскоре утвердили начальником связи 11-й армии. — *Прим. авт.*

2

Правда о героической гибели Ивана Васильевича Зуева стала известна только спустя 23 года. После очерка «Смерть комиссара», опубликованного в «Известиях» в июле 1965 г., имя нашего легендарного комиссара И. В. Зуева узнал весь советский народ. — *Прим. авт.*

3

С 20 октября 1943 г. Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский. — *Прим. авт.*

ННС — начальник направления связи.

5

Позднее начальник связи фронта генерал Н. С. Матвеев рассказал, что они слышали все наши вызовы, но ответить не могли: отстала где-то в пути работавшая с нами радиостанция. — *Прим. авт.*

6

М. Захаров, Маршал Советского Союза. Уманская наступательная операция 2-го Украинского фронта, «Военно-исторический журнал», № 4, 1962, стр. 29. — *Прим. авт.*

7

23 августа в Бухаресте вспыхнуло подготовленное под руководством Компартии Румынии вооруженное антифашистское восстание, которое явилось началом народно-демократической революции. — *Прим. ред.*

8

Так называется юго-западная часть Карпатских гор, — *Прим. авт.*

9

КИП — контрольно-испытательный пункт, позволяющий осуществлять маневр проводами. — *Прим. авт.*